

И. Коулд

Шелест

Том 2

Тьма, лишь дверь...

16+

И. Коулд
Шелест. Том 2

«Автор»

2011

Коулд И.

Шелест. Том 2 / И. Коулд — «Автор», 2011

ISBN 978-5-532-12288-8

Они бежали слишком долго, они потеряли слишком много, но город-призрак зовет назад. Надежда толкает на безрассудство, а жажда мести разрывает душу на части. Луис и Вайлет возвращаются в Файерлейк, ставший могилой, бесплодным склепом, похоронившим жителей под руинами. Возвращаются, чтобы найти виновных в произошедшей трагедии и гибели Джека, но вслед идет смерть, и безумный зверь начинает охоту, собирая кровавую жатву. Столкнувшись с призрачной тьмой, таинственным орденом и жестоким убийцей, они пытаются сохранить человечность и разум, спасая других. Но любой выбор несет боль и разлуку, в сравнении с которой меркнет даже смерть.

ISBN 978-5-532-12288-8

© Коулд И., 2011

© Автор, 2011

Содержание

ТОМ 2	6
ПРОЛОГ.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	142

ШЕЛЕСТ

ТОМ 2

*Что можно посчитать за правду? А что скрывает ложь?
Зачем дана труба, если играть не в мочь?
Кто этого хотел? Кто заложил основы?
Когда падет гора гниющих тел? Кто улыбнется снова?
Вопросы покидают улей, когда незримому не видно края.
Они кричат: "Поверь, переступив черту, найдешь,
Что так пугая, манило в страшных снах".
И ненароком отражая веру, уйди, чтоб переждать.
Пророк покинул землю, но возвращается опять.
Когда в ночи блеснет звезда и шелест крыльев возвестит
Прогнав сомненья и тогда безумьем реки ободрит туда,
Где Ангел скованных в цепях, будет проклятьем в жутких снах
Вернешься средь могил блуждать и ежечасно умирать.
Пожертвуй другом и войди ты в царство сладких снов.
Иди...*

ПРОЛОГ.

Тони вытер вспотевшее лицо, оставив грязные кляксы, и удрученно вздохнул. Битый час он возится с проклятым скутером на заднем дворе, а толку нет. Отличный подарок на твоё десятилетие – это что шутка такая? Он сделал всего два круга вокруг улицы, как тот заглох, и пришлось под хохот Салли тащить его до самого дома.

Тони тоскливо посмотрел на окно столовой, в котором мелькала мать, накрывая к празднику. Сейчас придут друзья и увидят хваленый подарок, разобранный на запчасти. Вот и прокатились! А он-то весь месяц заливал, как утрет им нос.

Мальчик посмотрел на парня лет двадцати прямо через дорогу, оцепеневшего возле светофора, и их глаза встретились. Парень натянул капюшон теплой парки на самые глаза и огляделся по сторонам.

«Похож на наркомана. Мама всегда говорит, чтобы я держался от таких типов подальше. Кто знает, что у них на уме». Тони пожал плечами, отшвырнул гаечный ключ и уселся на траву перед разобранным мотоциклом, раздумывая, что делать дальше. Звать старшего брата вовсе не хотелось. Дэв начнет дразнить не хуже Салли, а потом еще и друзьям разболтает, что он сломал подарок родителей в первый же день. Хуже и не придумаешь.

– Может помочь? – Услышал он тихий баритон и вздрогнул от неожиданности. Парень в коричневой парке с капюшоном стоял прямо напротив.

– А ты можешь? – Спросил Тони, рассматривая лицо: губы слегка дрожат, а на лбу выступили капельки пота. Точно – наркоман. – Э... лучше я позову брата.

– И позволишь насмеяться над собой?

– Э... не хотелось бы, честно признаться.

Парень хмыкнул и опустился рядом на корточки:

– Понятное дело! Сам такое сто раз испытывал. Не хочется выглядеть дураком, верно... – он вопросительно глянул на мальчика.

– Тони.

– Тони... очень приятно, а я Барри. Что ж, вот и познакомились. Ну, рассказывай, что стряслось, – рука, одетая в перчатку, протянулась к гаечному ключу.

– А тебе не жарко, Барри? На улице не меньше восьмидесяти шести. Кофту хотя бы снимии.

Парень натянул капюшон на глаза и оглянулся по сторонам.

– Видишь ли, немного прихворал, поэтому и не жарко. Не волнуйся, я не заразный, просто легкая простуда. Вчера был в Хоулдджарте, вот и застудился...

– В Хоулдджарте? – Благоговейно прошептал Тони. – Так значит ты один из этих... байкеров.

Парень кивнул.

– Вот это круто! Меня родители вчера не пустили, так хотел посмотреть на гонки... Черт!

– Ничего, парень, если подружимся – возьму тебя в следующий раз с собой.

– Отлично! Конечно, подружимся, – вскрикнул Тони, наблюдая, как ловко парень собирает скутер. У него еще никогда не было таких взрослых друзей. – Так ты, поэтому подошел!

– Конечно, не мог пройти мимо, не предложив помощь.

– Барри, а вы надолго приехали? – С надеждой прошептал мальчик, восхищенно заглядывая в глаза.

– Ну, дней на пять, – он посмотрел по сторонам, стирая с лица капельки пота.

Тони оглянулся на окно, матери не видно и Дэйва тоже. Отлично: никто не узнает, что не он чинил скутер.

– Жалко, что ты заболел, я позвал бы тебя на день рождение. Мама приготовит мой любимый пирог, а еще запечет гуся с этим соусом... как его, все время забываю...

– О, поздравляю. Так у тебя денюха, что ж, желаю всего-всего, – парень запнулся и закашлялся. – Так это, и сколько тебе?

– Уже десять, – важно проговорил Тони.

– Да ты старик! – Хмыкнул Барри. – Что ж, хороший возраст, чтобы начать заново, не находишь?

Тони пожал плечами, не поняв вопроса. Крупная ворона спикировала с дерева и теперь сидела напротив, внимательно наблюдая за работой. Мальчик закатил и без того короткие рукава футболки еще выше. Стало невыносимо жарко, солнце припекало. Скоро полдень, и через два часа соберутся гости.

– По-моему, Тони, ты запачкался, – кивнул Барри на плечо. Мальчик засмеялся, откинув челку:

– Это не грязь. Это родимое пятно, мама называет его лепестком.

– Лепестком? Как интересно, – Барри нахмурился, разглядывая его руку.

– Да ты, что, – смутился мальчик. – Никогда раньше родимых пятен не видел?

– Нет, – прошептал Барри. – Это мое первое задание...

– Задание?

– Не обращай внимание. Это я так о своем.

– А... – протянул Тони, нахмурившись. Похоже, его новому другу совсем плохо: руки тряслись так, что он еле закручивал гайки.

– Может, давай я? – Спросил он, но парень мотнул головой, несколько капелек пота упали на парку. – Что это у тебя? – Ткнул он на небольшой медальон, висевший на шее Барри.

– Это... это так байкерская штучка, ты же знаешь: мы любим клепки, цепи и тому подобное...

– Круто, – протянул Тони, разглядывая блестящую вещицу, такую он раньше никогда не видел: в позолоченном кругу перевернутая пятиконечная звезда, в центре которой треугольник с глазом внутри. Мальчик протянул руку, намереваясь потрогать медальон, но Барри испуганно отшатнулся.

– Я просто хотел... – Тони забыл, что хотел сказать, наткнувшись на безумный взгляд. Что-то с парнем не то, он начинал пугать. Мальчик оглянулся на окно – никого.

– Прости, просто не ожидал... – прошептал Барри.

– Да, ничего. А... а у меня тоже будет такой, когда я стану байкером?

– К... конечно... как только вступишь в наше сообщество, тебе обязательно такой выдадут. Так значит... у тебя день рождение, говоришь? Девчонок-то позвал?

– Ты что издеваешься, – хмыкнул мальчик. – Хватает и головной боли от Салли с ее дурацкими куклами и детской косметикой!

Барри засмеялся, но поперхнулся и ниже натянул капюшон. Похоже, ремонт скутера подходил к концу. «Ловко он управляется, мне бы так»!

– Придет Гарри, Стюард, Майк, Джош, еще мама позвала мисс Пинк, свою подругу и дядю Эштона. Вот и ты оставайся.

– А ты знаешь, когда родился... ну я про время. Это ведь тоже немаловажно: утром, вечером.

– А... – протянул Тони. – Ты об этом. Мама говорит в час ночи, в самом начале нового дня...

Барри икнул, и отложил в сторону гаечный ключ.

– Похоже, скутер готов, парень, – прошептал он.

– Здорово? Научишь...

– Конечно, Тони.

Барри поднял глаза и как-то странно уставился на мальчика, посмотрел на сидящую рядом ворону, на родимое пятно у него на руке.

– Ты чего, Барри... Тебе плохо? Так я сейчас? Хочешь, принесу лимонада или... – слова застряли в горле. Страх мешал говорить.

«Мама ведь говорила, чтобы я не разговаривал с незнакомыми людьми. Но ведь он байкер! А с чего я это взял? Он сказал – а я поверил, и будто байкеры не бывают наркоманами».

– Что... что ты говоришь, Барри?

– Господь простит меня. Господь простит – ибо я защищаю...

– Кого... кого ты защищаешь, – прошептал Тони, вздрогнув, когда ворона громко закаркала, поднявшись ввысь, и теперь кружила над головой.

– Прости Тони. Прости, если можешь, – Барри поднялся, вытаскивая из заднего кармана нож. – Нельзя допустить, надо защищать, – словно заведенный прошептал парень, а затем заговорил на непонятном чудном языке, слегка прикрыв глаза и обхватив деревянную рукоятку:

Ab esse ad posse valet consequentia,
Ab exterioribus ad interiora,
Ab hinc, Ab hodierno, Ab hoedis scindere oves,
Ab igne ignem, Absit omen,
Absolvo te, Ad vitam aeternam,
Ad majorem Dei gloriam,
Alea iacta est, Agnosco veteris vestigial flammae,
Credendo vidas, Post tenebras lux, Jus sanguinis,
Amen.

Тони, словно замороженный, смотрел на тусклый блеск лезвия, которое поднималось все выше. Родимое пятно жгло, словно облитое кипятком.

– Прости Господи, прими душу, пока ее не забрал тот, кто приходит уводить живых... – прошептал Барри.

Тони закрыл глаза. Барри размахнулся: солнечный свет, отражаясь от длинного лезвия, скользнул по конопатому носу мальчишки солнечным зайчиком. Барри размахнулся и ударил что было сил...

1

– Напоминаем, у нас в студии профессор Оливер Бректон из Бойсенского научно-исследовательского института. Итак, продолжим мистер Бректон: каково же ваше сугубо личное мнение о произошедшей трагедии, унесшей столько человеческих жизней. Почему в наше время может произойти подобное?

Ваш институт занимается вулканологией, геоморфологией. Вы проводите исследования в этих областях науки, внедряя новые технологии, несколько лет занимались изучением литосферы. Каждый год тратите на разработки значительные суммы. Институт снабжен дорогостоящей аппаратурой, способной зафиксировать даже малейшие колебания земной коры. Так как вы объясните, что ваши датчики не уловили сейсмической активности в этом районе, никакого колебания вплоть до начала землетрясения? Ведь вы же не станете утверждать, что все произошло спонтанно. Даже я, человек далекий от науки, понимаю – это практически невозможно! – Мужчина лет тридцати в дорогом сером костюме вопросительно посмотрел на собеседника.

– Мистер Падмон, чтобы понять все аспекты произошедшего, нам необходимо время и детальное изучение этого феномена, не побоюсь такого слова. Для начала небольшой вводный курс истории, если вы позволите.

В Тирренском море в группе Липарских островов есть небольшой остров: Вулкано. Древние римляне считали этот остров входом в ад, а также владением бога огня и кузнечного

ремесла Вулкана. По имени этого острова огнедышащие горы впоследствии стали называть вулканами.

Извержение вулкана может продолжаться несколько дней и даже месяцев. После сильного извержения вулкан снова приходит в состояние покоя на несколько лет и даже десятилетий. Такие вулканы называются действующими.

Есть вулканы, которые извергались в давно прошедшие времена. Некоторые из них сохранили форму красивого конуса. О деятельности их у людей не сохранилось никаких сведений. Их называют потухшими.

– Все это действительно увлекательно, уважаемый профессор, но какое отношение это имеет к нашей теме?

Профессор протянул руку к стакану воды, немного отпил и в задумчивости глянул куда-то поверх головы сэра Падмона. Седина на висках отливала золотом, он автоматически пригладил волосы рукой, словно стыдясь этого. «Старение – еще одно доказательство тому, что жизнь дерьмо».

– Дело в том, что последние восемнадцать лет в районе гор Маун–Худ действительно отмечалась сейсмическая активность, но не представляющая, впрочем, никакой опасности для населения близлежащих районов. О чем мы представляли доклад в соответствующие инстанции, а также ставили в известность мэра Файерлейка и резервации ГриндБэй.

– Это те населенные пункты, которые находились в эпицентре произошедшей трагедии?

– Совершенно верно. Само расположение Файерлейка, окруженного горным массивом, и располагающегося как бы в центре этого желоба, довольно опасно для людей, живущих... живших там. Такое рано или поздно должно было произойти. К сожалению, к нашим предостережениям руководство города относилось с недоверием. Как вы знаете, основной источник дохода города – туризм и лесопилка, теперь полностью разрушенная землетрясением. Мэр Файерлейка не принимал всерьез исходящую угрозу от «спящего» кратера.

– Как вы можете объяснить феномен «Красного Озера» – действующего кратера в центре Файерлейка, ведь именно он привел к трагедии.

– Тектонические сдвиги коры разбудили «Озеро». Это одна из загадок природы, опровергающая все имеющиеся представления о вулканах: во-первых – кратер существовал не на пике горы, а в низине долины и вообще-то вулканом назвать это нельзя, скорее – разломом в коре и поистине гигантских масштабов; во-вторых – он действовал на протяжении почти пяти веков. Об этом феномене написано еще первыми колонистами.

Да, я бы сравнил его не с вулканом, а с гнойником на поверхности земли, расположенном на разломе Битуга-Туа, как называют это коренные жители. Таких разломов на нашей земле несколько, и нам только предстоит изучить факторы, существующие в этих областях.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду нарушение полярности: компас в таких местах совершенно бесполезен; психологическое состояние людей резко меняется. Люди страдают галлюцинациями, беспричинным страхом, агрессией, паранойей. Многие пропали без вести, не оставив ни единого следа пребывания, словно испарились. Бермудский треугольник – тоже расположен на таком разломе и его феномен до конца не изучен до сих пор, как вам известно.

– Значит, вы хотите сказать, что в округе Лейк существует еще один Бермудский треугольник? Но люди, живущие в Файерлейке...

– Не совсем верно, но в какой-то мере так. Я понимаю, что вы хотите сказать. Жители этого маленького городка жили довольно обособленно. Не пускали чужаков в свою общину, тщательно огораживая быт от посторонних. Да это был действительно потрясающий и красивый город. Но все, что там, происходило, возможно, останется для нас тайной. Вы ведь помните исчезновение нескольких туристов, из-за чего город закрыли для туризма. Но расследование, которое вело ФБР, приостановлено, а его данные засекречены.

– В газете «ТаймсУорд» был опубликован материал о тайной организации, действующей в городе. Ссылаясь на некий источник, «ТаймсУорд» утверждает, что деятельность такой организации запрещена законом, а ее действия направлены на подавление личности и введение ее в заблуждение относительно религиозных аспектов католицизма и христианства. Они были убеждены, что кратер вулкана – это врата в другой мир, мир хаоса и смерти.

– В это верили и древние римляне, – кивнул профессор.

– Эта организация подрывала устои религии, предсказывая возвращение демона, якобы существовавшего там несколько тысяч лет, находящегося до сих пор в спящем состоянии. Они именовали себя хранителями врат, а их служение направлено на то, чтобы не допустить пробуждения зла, находящегося в анабиозе.

– Потрясающе, – профессор протянулся за стаканом воды.

– Адепты являлись настоящими фанатиками. Во многих сектах характерна тоталитарная структура с тенденцией к групповому принуждению и полному подчинению членов вплоть до совершения массового самоубийства. ФБР рассматривала эту версию о насильственной смерти людей при угрозе их разоблачения.

Все мы знаем о таких сектах как «Храм солнца», которую возглавлял Люк Жюре в 1994; трагедия Уэйко – 2006; «Небесные врата» – Сан-Диего, в которой тридцать девять человек приняли яд и покончили жизнь самоубийством; убийство почти трехсот детей в Джонстауне; массовое сеппуку японцев, число покончивших в различных источниках варьируется от тридцати пяти тысяч. Факты можно перечислять и перечислять. То, что произошло с этими людьми – ужасающая по масштабам трагедия.

К сожалению, ФБР располагает только документами и не имеет ни одного живого свидетеля, поэтому как далеко пустила корни организация – предстоит только выяснить, хотя «ТаймсУорд» склонны предполагать, что все намного серьезнее, и масштаб деятельности организации поражает. Материалы дела строго засекречены, в доступе к ним отказано. Деятельность хранителей приравнена к террористической, подрывающей устои, с далеко ведущими целями и катастрофическими последствиями.

– Вы склонны предполагать, что массовое скопление жителей в храме «Плача» во время начала землетрясения не что иное, как массовое самоубийство? – Спросил мистер Бректон.

– Такая версия имело место быть. Возникает вопрос: почему люди даже не пытались спастись, оставаясь в монастыре, и были погребены заживо под его стенами?

– Похоже, мы этого не узнаем.

– Возможно. Я знаю, что резервация ГриндБэй практически не пострадала от извержения вулкана.

– Как я уже говорил, эпицентр находился в самом городе, поэтому хлынувшая из жерла лава, мгновенно превратила его в пылающие руины. Часто бывает, что лава не течет просто по поверхности, а течет по так называемым трубам, что мы имеем в данный момент. Лава на поверхности потока остывает и образует корку, в то время как под ней поток продолжает течь.

– Профессор Бректон, если я правильно понял, вы хотите сказать, что те кадры, снятые с вертолета службы спасения, которые мы наблюдали только что, не дают полную и ясную картину последствий случившегося.

– В районе города до сих пор находится слишком опасно. Я утверждаю это.

– А как же резервация?

– Люди наотрез отказались от эвакуации. Мне известно, что несколько человек в резервации пропали без вести, но в целом ГриндБэй не пострадал. Лава прошла далеко западней того района. Единственное, что им пришлось пережить – это осадки в виде пепла и дыма, погубившие весь урожай. К сожалению чего нельзя сказать о памятнике архитектуры – монастыре «Плача», основанного священником Френсисом Дэбуа, который одним из первых миссионеров

того времени, не боясь лишений и враждебности чуждого мира, нес имя Господа и его заветы, помогая людям в болезнях и тяготах суровой жизни.

Монастырь почти полностью погребен под обломками и пеплом, уцелело только южное крыло когда-то поистине великого сооружения. Хочется верить, что инвестиции будут выделены для того, чтобы восстановить это поистине величественное сооружение.

– Хочу напомнить уважаемым зрителям, что случившаяся почти год назад трагедия в округе Лейт унесла жизни, по меньшей мере, девятыста шестидесяти человек. Более двухсот человек числятся пропавшими без вести. Эта самая крупная катастрофа, случившаяся за последние несколько лет в...

Экран телевизора погас.

Парень раздраженно швырнул пульт на кресло и, быстро подойдя к дивану, опустился перед девушкой на колени, продолжая смотреть на черное окно телевизора.

– Пожалуйста, прошу тебя... – прошептал он, дотронувшись до ее холодной руки. – Ненужно слушать весть этот бред. Не надо.

Она повернула голову, и Луис увидел как медленно, но неотвратимо потухает взгляд, как растворяется в бесконечном горе воля к жизни, как гаснет, словно свеча на ветру, надежда.

– Пожалуйста, – с мольбой в голосе произнес он, целуя ее ладонь. – Ви, ты должна бороться, не должна опускать руки.

– Зачем, – сказала она. – Для чего все это, если... если...

Он осторожно взял ее за руку и прижался губами, вдыхая аромат кожи, сходя с ума от ее близости.

– Если бы я мог все изменить, я бы не раздумывая... – он хотел сказать: «поменялся местами с Джеком и погиб вместо него», но не смог вымолвить имя друга. Не смог, потому что Вайлетотреагирует моментально, снова отгораживаясь от всего мира непроницаемой стеной.

События почти годовалой давности Луис помнил так, как будто все произошло несколько часов назад. В своих ночных кошмарах он продолжал видеть бледнеющее с каждой секундой лицо Дэна, неестественно запрокинувшего назад голову, его удивленный тускнеющий взгляд, остановившийся на небе, его судорожно сжатую в кулак руку, запачканную кровью, его детскую полуулыбку, навечно застывшую на посиневших губах.

Он слышал, как кричит, в безумии, надеясь, что сможет привести его в чувство, и понимая – это уже никому не под силу. Осознавая, что ярость сейчас разорвет грудь, а страх и отчаянье дадут толчок, чтобы двигаться дальше. Желание спасти Вайлет наполнит силой, откроет второе дыхание, и он сделает все, что обещал Джеку, поступит так, как поклялся ему.

Краем глаза Луис замечает темные фигуры, медленно обступающие со всех сторон, и понимает: если сейчас же не побежит, то ничего уже не успеет предпринять. Члены ордена брали в кольцо, зловещие плащи развевались подобно крыльям, а скрытые под капюшонами лица источали ярость. Не нужно было видеть их глаз, чтобы понять это.

Тяжелые взгляды пронизывали насквозь, словно ядовитые стрелы, приковывали, обездвигивали, пытались подчинить своей грубой воле. Собрав остаток сил, он побежал, оставив позади мертвого друга, лежащего на окровавленном газоне, оставив позади прошлую жизнь, людей, которых когда-то знал, оставив все, но не потеряв надежду.

Город преобразился, и он уже не узнавал его. Пустынные улицы таили в себе нечто враждебное, чужое. Одинокие фигуры в балахонах замерли возле домов, застыли и казались неживыми восковыми фигурами. Луис знал, что не стоит попадаться им на глаза. Весь их облик таил в себе угрозу. Он не знал, кто они, и ему было на это наплевать. Мучил лишь один вопрос: «Куда подевались все жители? Где хваленый Гордон со своей командой и что это все означает?»

Луис почувствовал под ногами вибрацию, словно внутри земли заработала огромная центрифуга. Понадобилось чертовски много времени для того, чтобы он смог добраться к Лун-

ным пещерам. Солнце клонилось к закату, и парень не знал, успеет ли добраться до монастыря прежде, чем Джек найдет Вайлет.

Их план разваливался прямо на глазах: он не успеет, как бы ни торопился. Земля содрогнулась, и гулкий звук прорвался сквозь каменный свод. Луис не знал, что это значит, но ничего хорошего, в этом был абсолютно уверен.

Когда зазвонил сотовый, он был убежден, что это Джек, но ошибся:

– Где, черт возьми, вас носит, – кричал в трубку Грег. – Под моими ногами земля ходуном ходит. Если не взлетим через пятнадцать минут, вертолет уже в воздух не поднять.

– Грег, ты на месте? Господи, Грег, – Луис чуть не рыдал.

– Ну, конечно же, на месте! Ребята поторопитесь, а то у меня очень плохое предчувствие. Я беду задницей чую, еще немного и дело труба!

Пятнадцать минут? Как он найдет в этом хаосе Ви и Джека за такой короткий срок? И будто в подтверждении его страхам, что-то бабахнуло под землей, и почва задрожала так, что он не смог удержаться на ногах. Луис оглянулся на город, откуда взмыл вверх клуб ядовитого желтого дыма и огня, дома складывались, как карточные домики. Он понял: взорвалась запра-вочная станция.

Сияние над кратером приобрело темно-фиолетовый оттенок, вверх выстрелила огненная стрела, и Луис не припоминал, чтобы видел когда-нибудь такую силу и мощь взметнувшегося вверх огня. Потянуло назад, туда к Красному Озеру, в голове он отчетливо слышал голос Джека, звавшего его. Да, туда, именно туда!

Поддавшись мгновенному порыву, Луис побежал назад в этот ревущий в предсмертной агонии город. Только бы Грег дождался их. Только бы успеть. Он не понимал, как мог так быстро добраться до парка, где деревья полыхали, словно рождественские свечи. Еще издали он увидел Вайлет, услышал ее голос, а когда понял, что произошло, молил только об одном: успеть.

Луис закрыл глаза, вспоминая, как в последнюю секунду до неизбежного падения обхватил Вайлет за талию, отгаскивая от края кратера. Как она билась в руках, вырывалась, кричала, что внизу Джек, что необходимо спуститься, а он, молча, плакал, унося ее все дальше. Когда она затихла, потеряв сознание, он нес ее на руках навстречу бегущему к ним Грегу, который спросил, где Джек и Дэнни, а, увидев его лицо, чертыхнулся и бросился в кабину вертолета.

Он помнил, как смотрел вниз на пылающий город, на все, что было когда-то дорого, а теперь безжалостно погибало в огне, и плакал, сжимая в руках бесчувственную девушку.

Несколько месяцев Вайлет не говорила, не плакала, не было эмоций, ярости, жалости – ничего, словно перед ним была пустая оболочка. Она сидела, уставившись в одну точку. Если он подносил ей воды – она покорно отпивала, если кормил – ела, если укладывал спать – ложилась. Но глаза были пусты – словно выжженная пустыня, а душа осталась там, в кратере вместе с бурлящей магмой, вместе с Джеком. Он всерьез испугался, что ее рассудок не выдержал потери, и теперь уже ничто не сможет вернуть ее обратно.

Но однажды все изменилось – это случилось несколько недель назад. Они были тогда в городе Марлоу в Оклахоме, сняли небольшой домик на Запад-Мейн Авеню. Тихий городок, живущий сонно-размеренной жизнью. До них никому не было дела. Кто они? Откуда? Зачем приехали? Откуда бегут?

Как-то вечером они не спеша шли от ресторанчика итальянской кухни. Разглядывали витрины ювелирного магазинчика, цветочные композиции из тюльпанов, нарциссов, лилий из магазина напротив. Вайлет вдруг замерла, уставившись на стеклянную витрину на торговой площади. Луис разглядывал причудливые часы, с резными стрелками и позолоченными цифрами, картины и кучу милых безделушек, от кухонной утвари до сувениров из горного хрусталя и дерева.

Он даже не сообразил в чем дело. Стало страшно за нее, так мгновенно преобразился ее облик. Вайлет вздрогнула, будто проснулась, удивленно обернулась, разглядывая улицу и людей, снующих по своим делам, а затем снова уставилась на витрину. Ее начало колотить в ознобе, губы посинели. Он обнял ее, продолжая недоумевать, проследив за взглядом, и обомлел.

Прямо перед ними висел холст, написанный масляными красками: большой кратер, заполненный горячей магмой, а на самом краю, разведя руки в стороны, стоит юноша – жесткий холодный взгляд, презрительная улыбка, темные волосы развиваются от ветра, а сзади кружит стая ворон, создавая иллюзию черных крыльев.

– Джек... – прошептала Вайлет, и словно сомнамбула вошла в двери магазина. – Что это за картина, – спросила она у миловидной продавщицы.

– Это Керол Харисон, ее картины сейчас пользуются повышенным спросом. К сожалению, она погибла в прошлом году, ну, вы, наверное, слышали о землетрясении в округе Лейк.

– Спасибо за информацию, – перебил Луис. – Нам пора, извините.

– Может вам показать еще несколько картин, у нас есть...

Призрак лучшего друга стоял перед глазами. И от этого было так больно.

– Нет, мы торопимся.

Он многозначительно посмотрел на Вайлет, и она согласно кивнула. Всю дорогу он болтал всякую чушь, стараясь отвлечь ее внимание и ликуя, что она снова разговаривала. Лишь закрыв дверь дома, понял, насколько был напряжен, и боялся, что она вновь уйдет в себя.

Но с этого дня все изменилось. Вайлет подошла к нему вплотную, долго смотрела в глаза, и он боялся сделать даже вздох, не желая разрушить волшебный момент их особой связи. Потом она уткнулась ему в грудь и заплакала. Это был прорыв. Слезы очищали, выплескивая горечь и боль утраты. Он знал, Вайлет никогда не забудет Джека, но он постарается сделать все, чтобы ей было легче.

– Спасибо за все Луис. Спасибо, что ты рядом, – шептала Вайлет, а он нежно гладил ее по голове, и благодарил Бога за то, что вернул ее.

– Я всегда буду рядом, чтобы не случилось. Всегда.

Они нигде не задерживались больше трех недель. Десятки городов, сотни лиц. Он был уверен, что за ними никто не следит, и не понимал беспокойства Джека по этому поводу, взявшего с него слово, как можно дольше скрываться, переезжать с места на место и быть в тени. Луис знал, конечная их цель – бухта Джека, как назвал он шикарный трехэтажный особняк на берегу океана, подаренный другом ему и Вайлет, которая вдруг объявила, что больше не намерена бежать. Она не видит в этом смысл.

– Все, кто угрожали нам – погибли, так отчего мы бежим?

Луис не знал, что произошло в Лунных пещерах и монастыре, терпеливо ожидая, когда Вайлет сама все расскажет, и однажды это время пришло.

Был поздний вечер. Он как всегда зажег свечи, сварил зеленый чай и они, усевшись на мягком диване прямо напротив роскошного окна, начали говорить. Он уже почти забыл то время, когда они так беззаботно болтали. Затмение перечеркнуло жизнь надвое: до и после. Луис не смог рассказать, о Дэнни, и просто соврал, что друг успел уехать и затерялся где-то на Аляске, и только лишь вопрос времени, когда он объявится.

Вайлет положила голову на его плечо, и он, сжав маленькие ладошки в своих руках, начал слушать, жадно ловя каждое слово. Она говорила несколько часов. Он видел перед собой каменный лабиринт и голубое сияние впадины, мертвого старика Хорхе и зал с бесформенными фигурами в плащах. Он видел, как Джек раскидывает людей, словно шахматные фигурки, ввергая в ужас своим взглядом, как дерется с Эрни.

Эрни! Это стало шоком, и сначала Луис подумал, что от всего произошедшего сознание Вайлет не справилось, рисуя жуткие картины. Но чем дольше она говорила, тем яснее он понимал – все действительно произошло так, как она рассказывала.

– Я все время смотрела на Эрни и не могла поверить глазам, а потом вдруг осознала. О, Господи! – Вайлет тяжело выдохнула. – Ты действительно подумаешь, что я сошла с ума!

– Я никогда так не подумаю, – прошептал Луис, но в ответ девушка лишь замотала головой.

– Это выше моих сил.

Когда повествование дошло до сцепленных над бездной рук, ее голос оборвался. Она закрыла глаза, и он видел, как бледнеет лицо, а воспоминание буквально разрывает сердце. Луис обнял ее, прижал к себе. Так они просидели всю ночь, больше не говоря ни слова. Луис умирал от любви, и умирал от боли, потеряв друзей, потеряв Джека, Майкла и Дэнни, которого не сумел спасти. Они остались одни, совсем одни в этом огромном жестоком мире.

После той ночи Вайлет начала возвращаться в этот мир, и он делал все, чтобы она хоть на миг забыла о своей боли. Плача в душе, он веселил ее, развлекал, будто царевну-несмеянну и когда однажды милые ямочки стали первой наградой его стараниям – надежда окрепла, а уверенность придала новые силы.

И вот теперь эта передача, которая могла отбросить туда, откуда они начинали. Он боялся снова потерять ее, боялся ее боли, разрывающей грудь, погружение в горе, тоску.

Она отвернулась, уставившись в потухший экран, словно ждала продолжения, словно хотела и желала вспыхнувшую вслед за этим боль.

– Луис, я не знаю, как жить, – прошептала она. Он стоял перед ней на коленях, пытаясь согреть ледяные ладони. – Как справиться? Не хочу бороться, не хочу убегать. Теперь все равно.

– Эй, я знаю, это звучит как бред, но поверь, еще наступят хорошие дни, слышишь?

– Хорошие дни? Это вряд ли.

– Нет, не вряд ли. Обещаю, эта последний наш побег от мира. Я должен убедиться, еще раз все проверить, а затем...

– Я хочу вернуться в Файерлейк, – прошептала она. – Я хочу вернуться на то место.

– Нет, Ви, слишком опасно. Из того, что ты рассказала ясно: орден не прекратит за тобой охоту. Тут дело даже не в... Джеке, – он громко сглотнул, так тяжело далось ему выговорить имя друга, и тут же почувствовал, как она дрогнула.

– Луис, пожалуйста. Я должна вернуться, а затем я... мы начнем новую жизнь, поедем, куда хочешь. Пожалуйста! – В ее взгляде было столько мольбы и боли, что он не мог сказать нет. – Я чувствую, меня так тянет.

– Ви, зачем причинять новую боль.

– Пожалуйста, Луис, я хочу понять.

Он поднялся и сел рядом, сердце гулко застучало, когда он прикоснулся к ее волосам, поправив локон, спадающий на глаза. Она смотрела в глаза, ожидая ответа, и Луис потянулся вперед, плохо соображая, что делает. Руки с силой прижали к себе, склонив лицо, он замер в дюйме от ее губ. Ви отстранилась, отвернулась. Он шумно выдохнул, словно ударили под дых, и разжал руки.

– Спасибо, – прошептала Ви. – Спасибо за понимание.

– Послушай. Я готов ждать столько, сколько нужно. Я никому тебя не отдам, не отступлю, понимаешь? – Прохрипел он.

– Да... и не нужно отступать. Ты дорог мне. Очень дорог. Я говорю, как эгоистка, но...

– Ты говоришь и поступаешь правильно. Я ждал долго, и готов еще подождать. Готов ждать столько, сколько нужно. Только хочу, чтобы знала: ты – все, что у меня есть. И я пойду на любое, даже перешагну через себя, лишь бы тебе было хорошо, лишь бы ты была счастлива.

– Спасибо, – прошептала Вайлет, и прижалась к нему. – Значит, ты согласен?

– Для начала сделаем еще одну остановку в Порту-Силвер, это рядом с Норд-Бендом, там несколько миль южнее есть бухта. Она называется бухта «Спящие черепахи», где мы и остановимся. Тот дом теперь наш. Для начала я сам наведаюсь в округ Лейк, а затем, если ты не передумаешь...

– Порт Силвер, – она нахмурилась. – Луис, это же...

– Да, Ви, но теперь это наш дом.

Этот разговор успокоил Вайлет, будто она что-то для себя решила. Он наблюдал за ней, пытаясь понять ее состояние, пытаясь проникнуть в мысли. Она приобрела ноутбук, и теперь почти весь день блуждала по Интернету. Интересно, что она там искала? Когда Ви поделилась мыслями, он принял идею в штыки.

– «Горячие головы»? – Воскликнул он. – Ви, этот хакер, как его там, Маркус слинял, когда был так нужен! С чего ему нам помогать? Я же тебе рассказывал, что произошло при попытке контакта. Он заблокировал сайт, как только подключился к веб-камере и понял, кто с ним говорит.

– Я хочу попробовать.

– Что? Для чего?

– Если он ответит, поможет. Необходимо, как можно больше узнать об ордене, – она хмуро глянула на него. – Ты не понимаешь?

– Зачем? Нужно держаться от всего этого подальше, для чего дразнить льва?

– Я не стану дразнить льва, Луис, – она поднялась навстречу.

За окном таяли краски, превращая день в сумерки. Уходящий луч солнца проник в комнату, словно свет от далекого маяка. Она обвела комнату задумчивым взглядом: угловой диван, пресно-коричневого цвета, бежевые стены с голубыми кляксами, квадратный низкий столик с вазой и кипой газет и журналов для автолюбителей.

– Я не стану дразнить льва, – прошептала она. – Я хочу убить его. Я хочу отомстить за Джека...

2

Мечь придала Вайлет силы, вытащив из трясины тоски, где она пребывала, и Луис не знал, что больше пугало – одержимость идеей наказать виновных или беспросветная тоска, в которой она пребывала. Он не мог понять, кого наказывать, если все погибли под руинами монастыря. Девушка упрямо сжимала губы, когда он пытался объяснить это. Объяснить, что мечь никогда не приносила удовлетворение или покой, а только делала заложником, под удар которой попадали порой и невиновные.

Говорить о смертельной болезни Джека язык не поворачивался, к тому же он дал обещание другу: никогда не рассказывать об этом Вайлет. Он целыми днями кружил по улицам, всматриваясь в проходящие мимо лица, пытаясь понять, не следят ли за ними. Вайлет же проводила время за компьютером, не теряя надежды найти призрачного Маркуса.

Уже через день они были в пригороде Сайлема, небольшой, но уютной гостинице «Солнечная поляна». Луис сказал, что прогуляется немного, и если что будет нужно, пусть она немедленно позвонит. Вайлет рассеянно кивнула, не отрывая взгляда от монитора.

– Ви, как насчет Маркуса?

– Пока ничего, – бросила она, застучав по клавишам.

– Ви, он не отзовется.

– Пока нет, но я найду его, – она упрямо поджала губы.

– Ты обещаешь ничего не предпринимать, не посоветовавшись со мной.

– Обещаю.

Он вздохнул, тяжело направился к двери.

– Тебе купить что-нибудь?

– Да... имбирного морожено... – на минуту она подняла глаза. Он окунулся в беспросветную тоску и боль.

– Я не пойду, хочешь...

Она мотнула головой, и снова застучала по клавишам.

Натянув на голову капюшон, и надев темные очки, он прогуливался по тихим узким улочкам. Редкие прохожие поглядывали в его сторону, и, проходя мимо, с любопытством рассматривали чужака. Ничто не отвлекало, и можно как следует подумать о том, что делать дальше.

Все произошло так, как и планировал Джек. Он ушел, сорвавшись в кратер, растворившись в огненной массе. Он вытащил Вайлет из подземелья, спас от верной смерти, вырвав из рук фанатиков.

В жутких ночных кошмарах Луису снилось, что Джек падает снова и снова, и он виноват, что вовремя не смог протянуть руку, что не успел. Все его друзья ушли, город превратился в прах, и теперь они с Вайлет должны быть вместе. Он должен оберегать ее. Как и предсказывал Джек.

Сначала ему все время казалось, что за ними следят. Он видел безликие фигуры, одетые в длинные плащи в чужих городах и маленьких деревнях, везде, куда бы они ни отправились. Он превратился в настоящего параноика, которому везде чудятся враги, и хватало чьего-то слишком любопытного взгляда, чтобы сорваться с места и бежать из города.

Но ультиматум Вайлет и желание вернуться в Файерлейк, подхлестнуло былые страхи. Единственный, с кем он все время держал связь, был Грейв, который рассказывал, что земля под городом продолжает дымить, и находится в этом районе опасно. От города ничего не осталось, выжженная пустыня, а в том месте, где находилось Озеро лишь застывшая лава и пемза. Недавно он сообщил, что монастырь собираются восстанавливать, кто-то вложил крупные инвестиции в проект, но имя заказчика ничего ему не говорит: Адам Лестер. Вроде он из Иллинойса. Но кто этот человек он не знал.

Луис зашел в бар с неоновой вывеской, уютный и небольшой, уселся за самый дальний столик. Приглушенный свет и мягкие тона действовали успокаивающе, он в это раннее утро был единственным посетителем.

Из-за барной стойки вышла пожилая женщина, с густо накрашенными яркой помадой губами, в белом переднике и сигаретой в зубах. Она шлепнула перед ним папку с меню и выжидающе уставилась, подперев руки в бока.

– Ну, будем заказывать, мистер, или на меня смотреть? – Гаркнула она, голос казался грубым и прокуреным.

– Вообще-то я пришел выпить кофе, – нахмурился Луис, который терпеть не мог фамильярность. – Если можно, покрепче и со сливками.

– Можно красавчик, тебе все можно, – хмыкнула она. – И это все?

– Э... миссис...

– Миссис Дездон.

– Миссис Дездон, я скажу, если еще что-то понадобится.

Но женщина не сдвинулась с места, неприлично разглядывая его. Удушающий запах дешевой сигары раздражал.

– Надолго к нам, красавчик?

– Меня зовут Луис.

– Отлично, Луис, так надолго?

– Все зависит от вашего гостеприимства. Что-нибудь еще?

– Эй, Эрни, кофе сделай и тащи сюда свою жирную задницу! – Неожиданно закричала женщина, и Луис вздрогнул, но не от ее крика, а от имени, которая услышал.

«Эрни! Господи. Почему он не думал об этом раньше».

– Вы сказали, Эрни?

– Ну, да, Эрни – недотепа и разиня, свалился на мою голову. Несколько месяцев назад приехал в Толвил откуда-то с запада, и черт дернул взять его на работу.

– П... почему, – прошептал Луис, мгновенно покрывшись потом.

– Да потому, что он ни хрена делать не умеет, только жрать и спать в подсобке. Эй, Эрни, твою мать, где ты там?

Луис сжал кулаки, огляделся по сторонам. Сердце забилось часто и глухо, он снова слышал голос Вайлет:

– Это не Эрни, Луис. Он не тот, за кого себя выдает. Это Том, Том Макдилан, и он всегда был у нас за спиной.

– Эй, красавчик, – выдернула из раздумий миссис Дездон. Пепел с сигареты упал прямо на стол, и она недовольно покосилась на него, как будто он был в этом виноват. В темном проеме задней двери, прямо за стойкой бара, выросла внушительная фигура. Луис отчаянно вглядывался в темноту, пока обзор не перегородил белый в жирных разводах фартук.

– А кто та девушка, что приехала с тобой?

– Какая девушка? С чего вы взяли? – Насупился Луис.

– Красавчик, ты меня обижаешь! У нас маленький городок, все друг друга знают, к тому же моя сестра Элизабет, работает в «Солнечной поляне» горничной. Там не так много постояльцев, чтобы можно было спутать. Так кто она? На семейную пару вы не похожи, слишком молоды, хотя нынешняя молодежь нравами не отличается. Совсем голову потеряли от вседозволенности.

– Это моя сестра, – ляпнул Луис, недовольно посмотрев на женщину, которая продолжала загораживать обзор.

– Сестра, ну да, – она гулко рассмеялась. – Вы так похожи, прямо как я с папой Римским.

– Уважаемая миссис Дездон, не могли бы вы принести чашку кофе, – злился он.

Перед ним выросли еще одна фигура, и Луис медленно поднял глаза. Высокий, широкоплечий парень, лет двадцати, ставил перед ним разнос с пузатой кружкой и сахарницей. Волосы цвета пшеницы коротко подстрижены, а глаза превратились в две узкие опухшие полоски. Видимо, парень действительно спал.

Луис облегченно расслабился. И чего это он так напугался. Том-Эрни навеки остался в лабиринтах Лунных пещер.

– Ну, надо же, не прошло и года, как появился Эрни с заказом. Метеор прямо! – Гаркнула женщина.

– Я не слышал, – обиженно протянул парень.

– Ну, да. А я сейчас танцевала с красавчиком жигу! – Она цокнула.

На счастье Луиса зазвенел входной колокольчик и в бар вошел пожилой полицейский.

– О, мистер Уорис, – пробасила Дездон. – Как у вас сегодня самочувствие? Я так волновалась. Как ваше горло? – Она развернулась, затушила окурок в пепельнице на столе Луиса и, улыбаясь, направилась к нему навстречу.

Луис вздохнул, и отвернулся к окну. Наконец-то его оставили в покое. Парень, стоявший рядом, рассеяно почесал за ухом, зевнул и, буркнув, если что понадобится – зови, направился к барной стойке.

– Бедный мистер Уорис, вам нужно беречь себя, – доносился бас Дездон. – Вот если бы у вас была жена, она бы не допустила, чтобы вы намочили ноги.

– Ты права, Урсула, так выходи за меня замуж и дело с концом.

– Ай, шутник, – захихикала женщина. – Куда же я дену своего старика? Вот моя сестра Элизабет не замужем, так что обратите внимание.

– Налей-ка что-нибудь горло промочить, голова просто кругом, – хмыкнул коп.

– Конечно. Как дело Клэмэнсов?

– Пока ничего.

– Боже, какой кошмар! В нашем городе? Кто мог сотворить такое, у кого может подняться рука на ребенка?

– Не знаю, Урсула. Скорее всего, это не местный. Видели парня, в куртке, капюшон натянут на самые глаза, может псих, а, может, и нет. Он вырезал у паренька на руке кусок кожи. Миссис Клэмэнс говорит, что в том месте у Тони было родимое пятно.

– О, Господи! Говоришь парень в куртке и капюшоном?

Луис почувствовал на себе пристальный взгляд.

– А ты проверял постояльцев в «Солнечной поляне»? – Прошептала она.

– Разумеется. Их всего-то шестеро: кто по времени не совпадает, кто по приметам.

– А может, это цыгане. Это чертов цирк, как его там: «Играющий медведь», что приехал несколько дней назад. Мама мне всегда говорила, держись от них подальше. И я не одобряю разрешение шерифа. Как он мог позволить им остановиться здесь?

– Это не нам решать, но мы проверяем. Мы все проверяем.

Луис прислушивался к разговору, похоже, в городе не все так спокойно, как кажется. Нужно уезжать и поскорее, пока им не стали задавать ненужные вопросы.

– А может, это какое-нибудь ритуальное убийство, – протянул коп. – Мальчишки нанесли тридцать девять ударов ножом, ты это можешь себе представить! Тридцать девять! Он наносил их не спонтанно.

– Боже мой!

– Вот именно, получилось что-то вроде пятиконечной перевернутой звезды в центре круга. Тот, кто такое сделал – ненормальный и опасный.

– Красавчик, ты уже уходишь? – Услышал Луис, выбегая из бара, на ходу застегивая молнию куртки до самого горла, хоть на улице и стояла жара.

Через несколько минут он был в номере, с порога крикнув, что они немедленно уезжают. В ответ не раздалось ни звука. Борясь с нахлынувшим страхом, он обошел комнаты, зачем-то заглянул под кровати и открыл шкафы. Вайлет не было. Ноутбук открыт. В открытом окне всего одна фраза.

– Спасибо, Маркус!

– Черт, – прошептал Луис, яростно вдавливая кнопки сотового. Через некоторое время из ванной комнаты послышалась знакомая мелодия. На стеклянной полке светился забытый телефон Вайлет.

– Только не это, – крикнул Луис.

Вайлет устало потерла глаза, и откинулась на спинку жесткого стула. Уже несколько часов она листает газеты на микрофишах и ничего. Маркус прав, она ничего не найдет кроме общих понятий и туманных намеков, но он сказал, что поможет.

Маркус. Когда несколько недель назад она начала разыскивать его, то надежды почти не было. Все что рассказывал Луис, только подтверждало опасения. Этот парень идет на контакт, только если ему нужно. Непонятно, какие им двигают цели. Но сегодня он ответил, когда она почти разуверилась в этом. Понадобилось всего несколько минут на то, чтобы ввести его в курс дела, и теперь остается лишь ждать. Маркус просил больше не выходить на сайт – никаких имен, никаких адресов. Он сам свяжется с ней, когда соберет достаточно информации.

– Хочу сразу предупредить, это будет нелегко и понадобится время, – написал он. – Но сделаю все, что в моих силах.

Вайлет охнула, когда вспомнила, что даже не позвонила Луису, и теперь он, наверное, с ума сходит, разыскивая ее. Она оглянулась на пустой зал в библиотеке, бросила взгляд на большие круглые часы: почти шесть.

Вайлет полезла в сумку.

– Только не это! – Она забыла телефон и теперь даже не может позвонить.

Девушка поднялась, и прошла к выходу, поблагодарив на ходу, сидящего за стойкой библиотекаря. Она миновала переулок, и пошла по узкому тротуару, прямо через сад, намереваясь срезать путь к гостинице.

Вся жизнь превратилась в мучительный кошмар, от которого нельзя очнуться. Она все время видела глаза Джека, видела, как он стремительно уменьшается и исчезает во вспышке горячей лавы. Она закрывала глаза и слышала его голос, чувствовала дыхание, его сильные руки. Душа осталась с ним, а сердце кровоточило и все, что осталось – лишь пустота и боль потери. Она никогда не сможет смириться с этим, а жить стало ежедневной пыткой.

Но Луис не давал покорно опустить руки. Всегда когда ей было плохо, он оказывался рядом, и она не знала, смогла ли вынести и часть из того, что перенесла, если б не было рядом его. Сначала то, что она испытывала к нему, было просто дружбой, потом пришла безумная благодарность, а теперь она не понимала это возникшее вдруг чувство.

Нет – это не любовь. Любовь ушла вместе с Джеком, и это чувство никогда больше не возродится. Но это было что-то большее, чем просто привязанность и благодарность, что-то родное, теплое и прекрасное, благодаря которому она не превратилась в камень и не сошла с ума. И теперь все, что ей нужно – чтобы Луис был рядом. Она не справится одна, не накажет виновных. И она никогда не станет прежней.

Налетел легкий ветерок, ласково обдав лицо, играя волосами. Вайлет остановилась, пытаясь удержать слезы. Посмотрела на замершие в некотором отдалении деревья, на которых не шевелится ни один листок, на цветы. Ветра не было.

Сердце ускорило бег, а слух обострился. Тихий шелест прошелся по кронам вязов, пролетел над головой, словно стайка птиц, и замер в отдалении. Вайлет недоуменно оглянулась, подняла к безоблачному небу лицо. Звук вернулся: тихий, но настойчивый, будто над головой действительно кружат невидимые птицы, коснулся лица, словно нежный поцелуй и вновь ушел вглубь сада.

Взгляд приковала неподвижная высокая фигура, стоявшая возле тополя прямо впереди, скрываясь в тени листы. Вайлет зажмурилась, пытаясь восстановить дыхание и успокоиться, а когда открыла глаза – фигура исчезла, будто ее и не было.

Станный ветер снова закружил вокруг, а шелест крыльев раздавался прямо в голове. Вайлет побежала, и звук шагов гулко звучал в пустынном саду. Она бежала, и казалось, странный звук не отстает, будто преследует. Вайлет свернула с узкой тропинки, и с разбегу налетела на девушку, стоящую прямо против резных колонн.

– Какого черта, – протянула девушка.

– Извините, просто я... – слова застряли в горле.

Девушка изящным движением поправила белокурые волосы, и скривилась, рассматривая Вайлет, будто ей в рот положили лимон.

– Интересно, и что ты тут делаешь? – Капризно протянула она.

– Рейчел?

– Нет – святая Мадонна, – фыркнула она. – Вот уж встреча так встреча.

– Как... как ты?

– Не стоит так утруждаться, Вайлет. Можно подумать, ты увидела привидение. Нет, это всего лишь девушка, чью жизнь ты перечеркнула, жалкая интриганка! – Она продолжала бесцеремонно разглядывать Вайлет, которая развернулась, чтобы уйти.

– Э, нет, постой. Раз уж мы так неожиданно встретились, ты так просто не уйдешь. Я скажу все, что давно хотела, и теперь мне никто не помешает.

– Мне совершенно не интересно, – бросила Вайлет.

– Ну еще бы, только ведь рядом нет больше Джека, верно? И только ты виновата в его смерти, слышишь, ты!

Вайлет побледнела, сердце заныло, а боль в груди все росла.

– Ты виновата, ты! – Кричала Рейчел. – Только вот знай – ты не была ему нужна, только так, время провести, а меня он любил по настоящему, потому что молил выйти за него замуж, слышишь. Умолял, и мы поженились в Неваде, а ты так и осталась... ты...

Вайлет размахнулась и залепила Рейчел пощечину. Девушка охнула и замолчала. По щекам текли слезы.

– Не смей говорить о Джеке. Не смей, – прошептала Вайлет. – Не смей говорить в прошедшем времени!

И что-то в ее облике напугало Рейчел, которая сделала шаг назад.

– Я скажу Фреду, что ты здесь. Я скажу, и он найдет тебя.

– Убирайся, – спокойно сказала Вайлет и зашагала прочь. Злости не было, только разрывающая надвое боль. Сшитые, благодаря стараниям и терпению, Луиса края огромной кровавой раны в груди разорваны. Знакомое лицо из той прошлой жизни, будто вернуло назад в Файерлейк, и на одно безумное мгновение ей показалось, что сейчас зазвенит телефон, и знакомый голос с хрипотцой спросит:

– Как дела, Фея? Я безумно скучал по тебе...

Подходя к гостинице, Вайлет увидел Луиса, бегущего на встречу, и как только он прикоснулся к ней, она больше не могла держать слезы, и зарыдала, уткнувшись в широкую грудь.

– Ви, что случилось, где ты была? Господи, я чуть с ума не сошел, – шептал он в самое ухо, прижимая к себе. – Почему ты плачешь?

– Так больно... Луис, так больно...

Он помог ей подняться в номер, напоил чаем, и терпеливо ждал, когда она успокоится, и сможет говорить.

– Извини, что ушла. Я не могла больше находиться в комнате одна. Я пошла в местную библиотеку.

– Вайлет, Господи, – застонал Луис. – Ты же знаешь, как это опасно, и телефон...

– Да, я забыла сотовый. Извини, – прошептала она.

– Ничего, просто не делай так больше, пожалуйста, – он придвинулся ближе, и она ощутила в его дыхании аромат кофе. – Тебе удалось связаться с Маркусом... но, как?

– Не забывай, Майки был моим братом и научил кое-каким приемам. – Она застонала, закрыв глаза.

– Эй, все будет в порядке, слышишь, я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь произошло. Ты должна верить мне, слышишь, – Луис придвинулся еще ближе, замерев в дюйме от ее лица. – Ви, мы должны немедленно уехать. В этом городе беспокойно, а нам не нужно лишнее внимание. Черт возьми, так и думал, чем ближе мы к Файерлейку, тем опаснее. Нам рано возвращаться, Ви, слишком рано.

– Я видела Рейчел, – прошептала она так тихо, что он не расслышал.

– Кого... кого ты видела?

– Рейчел. Я встретила ее в парке, рядом с библиотекой.

– Рейчел? – Воскликнул Луис, чем напугал девушку. Он вскочил с дивана и теперь нервно ходил взад и вперед. – Что она здесь делает?

Вайлет следила за его движением, за желваками, играющими на смуглых скулах, за глазами, метавшими молнию, за с силой сжатыми кулаками.

– Теперь ты понимаешь, что сейчас уезжать не стоит. Рейчел связана с орденом, из ее жалкой угрозы я поняла, что и Фред где-то рядом, а значит стоит попытаться встретиться с ними.

– Керлин рядом, – прохрипел Луис. – Если я встречу с ними обоими, с этой парочкой, я убью их, и мне наплевать на все, что они скажут.

– Убьешь? – Пришла очередь хмуриться Вайлет. Она поднялась и преградила ему дорогу, остановив метанья. – Луис, понимаю, что ты испытываешь, но они не могут отвечать за поступки их отцов. Но теперь, когда их родители погибли, а орден почти прекратил свое существование, я говорю почти, потому что он возродится. Если остался хоть один наследник хранителей – орден возродится: есть Рейчел, которая продолжит дело Гордона, есть Фред, который продолжит дело мэра, есть я... и этого достаточно.

– Ты не понимаешь, – рявкнул Луис.

– Что не понимаю?

Он прикусил губу, мгновение смотрел на нее, в зеркале гостиной отобразился его силуэт, когда он подошел к окну и задернул шторы. Он не мог рассказать о том, что Рейчел виновна в раскрытии их убежища в Лунных пещерах, и она ловко манипулируя, играя на чувствах Дэнни, заставила его рассказать все ей, а затем выдала место Керлину и ордену. Он не мог рассказать, что стеснительный добряк Дэнни был застрелен Фредом возле чаши «Подношений», и пуля эта вовсе не предназначалась ему. Дэнни, который закрыл собой Джека, чтобы тот мог продолжить путь, а он Луис лежал в трех ярдах от него с переломанными ребрами и не мог ничего сделать... не мог, как ни пытался.

Он не мог рассказать, потому что месть, вынашиваемая Вайлет, примет ужасающие размеры, и она озлобится, перестанет верить – а это самое страшное. Он не мог признаться в том, что все время обманывал ее, рассказывая, как здорово Дэн устроился на Аляске, не мог видеть в ее глазах упрек и досаду... что не он остался там. Не он, а Джек.

Он сам разберется с чертовой парочкой, и не даст Вайлет запачкать руки, запачкать душу.

– Луис, ты не ответил!

– Ты не понимаешь, – тихо ответил он. – Они могут причинить тебе зло.

– Я могу узнать...

– Ви! Ты не сможешь ничего узнать. Они хотят закончить ритуал. Если они хотят возродить орден, они должны исполнить пророчество. Им нужна кровавая жертва. Не хочу тебя пугать, но нужно бежать. Они ничего тебе не скажут. Еще рано высовываться. У нас не хватает сведений, мало информации. Мы не можем выступить открыто. Не можем выступить одни.

– Одни?

– Да, одни! Но есть те, кто поможет. Те, которые ждут нас.

Вайлет подошла к нему и взяла за руку.

– О ком ты говоришь?

– О потомках Хаттаубы, о ГриндБэй. Если уж ты решила вернуться, и тебя не отговорить, то только там мы будем в безопасности, только у них. Но сначала нужно сбить со следа хранителей, чтобы не привести беду с собой, понимаешь?

Вайлет кивнула, в глазах стояли слезы. Кончиками пальцев он осторожно прикоснулся к ее щеке.

– Ви, придется сделать круг, а затем вернуться в резервацию. Обещаю, с Рейчел и Керлином мы еще встретимся, и тогда каждый получит то, что заслуживает. Но сейчас оставаться в Марлоу слишком опасно. Я зашел в одни бар и случайно услышал разговор пожилого копа и барменши. Здесь произошло убийство: люди напуганы и уверены, дело рук приезжего. Они присматриваются к нам, и я просто уверен, коп специально затеял разговор, чтобы понаблюдать за моей реакцией, а я, как назло, дал деру, как только услышал. Если бы не цыгане со своим цирком, уверен, они занялись бы нами вплотную, но это лишь вопрос времени и пока они разбираются с «Танцующим медведем» нам нужно сматываться.

– С кем разбираются? – Прошептала Вайлет, мгновенно, побледнев.

– Мы не станем говорить, что съезжаем.

– Луис! Что ты только что сказал, – она слегка встряхнула его.

– Эм... мы не станем говорить...

– Нет, до этого, – он увидел, как в страхе расширились ее глаза. – Про цыган... цирк как... как называется?

– Кажется, «Танцующий медведь», а что?

Он успел подхватить ее на руки. Вайлет закатила глаза и чуть не упала в обморок. Уложив ее на диван, он бросился за стаканом воды, но когда вернулся в изумлении замер – Вайлет лихорадочно рылась в сумке.

– Ви, ты в порядке? Выпей воды, – но она решительно отстранила руку. Он с тревогой наблюдал за ней, и когда она поднялась, в руках оказалась толстая тетрадь.

– Где остановился цирк? – Жестко спросила она, дрожащими руками заправляя волосы в хвост на затылке.

– За городом, ты можешь объяснить?

– Я отправляюсь туда, немедленно!

– Что?

Луис подошел к окну и выглянул в проем между штор: ему кажется или тот тип сидит на лавочке в скверике напротив окна уже несколько часов, с одной и той же газетой, даже не переворачивая страницу. Белая кепи натянута на самые глаза, а тень от козырька скрывает черты лица.

– Не думаю, что удачная мысль. За нами следят – это могут быть копы или... Мы не станем рисковать. Надень приличный наряд, мы якобы отправляемся в ресторан, а потом...

– Ты разве не слышишь, я отправляюсь к цыганам!

– Нет, Ви, я не позволю тебе рисковать своей жизнью! Причем здесь цыгане?

– Я объясню потом, сейчас не время.

– Нет, – вид Луиса говорил сам за себя. Он упрямо сжал губы и отвернулся, упаковывая сумку с вещами.

– Хорошо. Слушай, несколько лет назад, два года назад к нам в Кандби приехал цирк «Танцующий медведь». Я с сестрой Кори часто ходили на представления и однажды решили погадать у старой цыганки, живущей в пестром высоком шатре. Она, – голос дрогнул, Луис тут же бросил сумку и оказался рядом.

– Она сказала, что гадать Кори не станет, потому что это бессмысленно, а мне нагадала, что я встречу Джека возле горящего «Озера» в темном городе. Он будет первый, кого я увижу. Он назовет меня Феей и... и никто мне не будет дороже его. Но чтобы я не делала, он все равно бросит меня и тогда моя жизнь превратится в ад. Он заберет мою душу. Через несколько месяцев погибла Кори и родители, и я приехала в Файерлейк.

– Ви, родная, послушай. Это банальный набор фраз таких людей, как они. Ты должна заплатить, чтобы...

– Да, да верно, так сказал и Джек, но Луис, она описала его в точности, описала родимое пятно на груди и еще много чего и... и она не просила денег, она кричала... кричала...

Девушка закрыла лицо руками, подавляя рыдание.

– Не нужно туда ехать, Ви. Для чего? Возможно, это совсем другой цирк или старуха умерла, а может вообще не помнит о тебе, к тому же это так опасно.

– Я должна спросить у нее, откуда она знала столько о нем.

– Но мы ведь не уверены, что это тот самый цирк. Не исключено, что это может быть ловушкой.

– Луис, – она вплотную подошла к нему. – Пожалуйста, а что если я не ошибаюсь. Не останавливай меня, прошу.

Луис громко сглотнул. Он любовался изумрудом ее глаз, чувственными губами и шелковистостью волос. Он вдыхал ее аромат и, не смотря ни на что, был счастлив. Счастлив, что она рядом, и он может прикоснуться к ее руке.

– Фея говоришь. Что ж, надеюсь, ты возьмешь меня с собой.

Она через силу улыбнулась.

– Хорошо, если старуха что-либо знает, мы вытащим из нее информацию, – прошептал он, погладив ее по плечу. – Но, если... – он не договорил и, развернувшись, решительно направился к двери.

Пока они мчались на взятой напрокат машине в сторону южной части города, где, как им сказали, остановился цирк «Танцующий медведь» Вайлет все время листала тетрадь и старалась не встречаться с Луисом взглядом. Городской пейзаж сменился зелеными полями, и вскоре она увидела вдалеке конусообразные шатры и работающие аттракционы.

Воспоминания заполнили, возвращая в счастливое прошлое, и стоило закрыть глаза, чтобы снова увидеть Кори, прыгающую от радости возле паренька Вейна, который учит ее очередному фокусу. Машина притормозила, но девушка все не открывала глаз, словно уснула, и Луису пришлось дотронуться до ее руки, чтобы вывести из оцепенения.

Вайлет распахнула глаза и, бросив тетрадь, вышла. Множество лиц окружило их: счастливые семьи, бегущие дети, нарядно одетые девушки, факиры и клоуны, предлагающие конфеты, которые начинали шипеть и пениться, стоило только взять их в рот. Она дрожала, всматриваясь в лица, понимая, что не обманулась.

Она увидел тир и ворчливого старину Пока, отчитывающего паренька за неумение как следует целиться, и тут же неодобрительно поглядывающего на девочку, которая сбила подряд три фигурки смешных медвежат. Мимо прошел фокусник с обезьянкой, вытаскивающей из чужих карманов монеты – мистер Джаред, а далеко впереди она увидела Вейна, катающего на пятнистом пони кудрявую девчужку с большими розовыми бантами.

Она медленно пошла мимо аттракционов, тира: мистер Пок хмуро посмотрел в их сторону и не узнал ее. Начисто проигнорировав Луиса, видимо решив, что не стоит испытывать судьбу, он кивнул Вайлет, приглашая пострелять.

– Здравствуй Вейн, – сказала она молодому цыгану, остановившемуся напротив. Парень окинул ее оценивающим взглядом, мимолетно глянул на насупившегося Луиса и хмыкнул.

– Приветствую, хорошенькая леди, – пропел парень. – Что желаете? Могу предложить головокружительный полет на луну, а еще смешные зеркала, или вы хотите увидеть бородатую женщину и сиамских близнецов Одди. На любой вкус, все, что угодно!

– Вейн, ты меня не узнаешь?

Парень озадачено разглядывал девушку.

– Простите?

– А Кори. Кори ты тоже не помнишь? Ты учил ее фокусам и... – голос сорвался.

Вейн более внимательно посмотрел на Луиса, оглянулся по сторонам и пожал плечами.

– Не понимаю, хорошенькая леди. Я пойду. А вы подумайте насчет зеркал, вам нужны положительные эмоции, что-то вы сильно напряжены, особенно ваш бой-френд, если что-нибудь приглянется, позовите.

– Та гадалка, Васка, как мне найти ее?

– Обратитесь в салон Мариуки, у нее отличные привороты и разные снадобья! Всегда к вашим услугам, – он театрально поклонился и быстро пошел, не оглядываясь, исчезая в пестрой толпе.

– Этот жук юлит. Он узнал тебя, даю голову на отсечение, – прошептал Луис. – Что теперь делать?

– Я знаю, что делать! – Она решительно зашагала к дальнему шатру на самом краю поля, где в проеме мелькнула сгорбленная старческая фигура, с множеством бус, амулетов и длинной чадающей трубкой.

В небо взмыли десятки разноцветных шаров, малышня заверещала, люди захлопали в ладоши, заулюлюкали. Вайлет подняла голову, цветные кружки быстро уменьшались в объеме,

исчезая в темнеющем небе, словно стайка птиц, которая кружила над головой. Стая ворон, огласивших небо недовольными криками, будто разгневаны вторжением на личную территорию. Несколько ворон кружили прямо над головами, и шелест рассекающих воздух крыльев напомнил о другом месте и о другом времени.

Вайлет замерла у входа в шатер, собираясь с духом, почувствовав, как Луис берет за руку и слегка сжимает, давая понять, что рядом. Она выдохнула, шагнув в чернеющий провал, и тут же обдало смрадом дешевого табака, потом и запахом перегара.

– Ну, здравствуй, Фея... не ожидала снова тебя увидеть, – раздался хриплый голос, и что-то косматое и сторбленное показалось из глубины комнаты. – Здравствуй, Фея. Рада, что ты еще жива.

3

Белый лимузин притормозил возле резных кованых ворот. Охранник нажал кнопку вызова и приблизил лицо к микрофону, пышные усы почти касались блестящего пластика, ковбойская шляпа съехала на самый затылок. Он поправил висевшую кобуру и оглянулся на машину:

– Сообщите мистеру Сойеру, что гость прибыл.

– Пропустите.

Охранник нажал на пульт, и ворота медленно разъехались в разные стороны. Колеса закрипели по белому гравию, и как только машина миновала ворота, они тут же закрылись. Мужчина сдвинул шляпу на лоб, посмотрел на глазок видео камеры и, посвистывая, направился к будке охраны, где его ждал только что заваренный кофе и еще теплые круасаны.

Через некоторое время машина затормозила перед парадным входом богатого особняка, и человек в строгом сером костюме в сопровождении встретивших его двух мужчин вошел в дом. Прошел по широкому холлу и поднялся по мраморной лестнице на второй этаж. Возле тяжелых деревянных дверей в самом конце коридора мужчины замерли, пропуская приехавшего. Человек нервно сглотнул, поправил идеально сидевший пиджак и вошел в открытую дверь.

За полированным столом, напротив окна, занимавшего всю восточную стену, в кожаном кресле с высокой спинкой сидел пожилой мужчина на вид лет шестидесяти, в белой вязанной крупной вязкой кофте, из-под которой проглядывал ворот бирюзовой рубашки. Белые волосы отливали серебром, а полуулыбка была доброй. Многочисленные сеточки морщин обозначились возле глаз. Загорелые в пигментных пятнах руки лежали на столе. В глаза сразу бросился перстень с темным камнем, таким объемным, что он закрывал всю фалангу среднего пальца.

Облик приветливого и радушного хозяина перечеркивали глаза: холодные, цепкие, жесткие. И от этого взгляда становилось не по себе, словно ты вдруг провалился в ледяную прорубь и теперь тебя несет бурным водоворотом прямо под толстым слоем льда, и ты видишь человека по другую сторону, ухмыляющегося в искаженное предчувствием смерти лицо.

Гость замер на пороге, поежился, огляделся по сторонам, словно собираясь с мыслями. Посмотрел на картину звездного неба, на тяжелые тучи с пробивающимся единственным пучком света на другой, стеллажи с множеством книг, тусклые шары светильников продолжающих гореть, несмотря на день, и ослабил узел галстука.

– Ну, что ты стоишь, дорогой Адам, проходи, – мужчина указал на одно из кресел рядом с камином. – Ты так давно у меня не был. Располагайся и чувствуй себя как дома.

Глаза напряженно следили за каждым движением гостя, но улыбка не сходила с лица. Мистер Адам на негнущихся ногах прошел по мягкому ковру и опустился в кресло.

– Я могу предложить что-либо выпить, дорогой Ади? О, не скромничай. Знаю, что ты не прочь выпить рюмку мескаль-анехо, – раздался бархатный баритон с слегка уловимым акцентом.

– Не прочь, но после того, как мы все обсудим, мистер Алесандро.

– Ценю, – усмехнулся мужчина. – Но, ты надеюсь, не против, если я закурю.

Мистер Адам пожал плечами. Мужчина за столом отщипнул щипчиками кончик дорогой сигары, чиркнул спичкой и с наслаждением затянулся.

– Не признаю зажигалок, даже такой фирмы, как Балтимор. Знаешь почему, дорогой Ади?

– Нет, – крикнул гость и вновь расслабил узел галстука.

– Запах, Ади. Настоящий запах свежей смолы и чистого дерева, а не металлический привкус газовой горелки, понимаешь?

Мистер Адам вновь пожал плечами.

– С годами все видится по-иному. Вот и свет: он становится другим, его не хватает. Ты знаешь, с некоторых пор я вообще не гашу лампы, даже днем: не люблю темноту и все, что с ней связано, догадываешься, о чем я?

– Да.

– Тогда объясни, в чем проблема. Я позвал тебя для приватной беседы лишь в память о том, сколько ты сделал для нашего дела. Только поэтому ты не находишься сейчас в совете, который очень жестко отзывается о твоём последнем деле, – он с силой затянулся, задержал дыхание и, прикрыв глаза, блаженно выдохнул.

– Я виноват, но, прошу, выслушайте, – у меня просто не было другого выхода. Поступить иначе я не мог.

– Не мог? – Мягкие нотки исчезли. – Почему ты не связался с другой группой? Почему не доложил о ситуации, когда еще можно было все исправить? Тебя ведь предупреждал, мистер Лестер: если дело дойдет именно до этого, ты непременно доложишь, и совет решит, как поступить дальше. Но ты возомнил, что справишься, проигнорировав распоряжения. И что в конечном итоге – парень погиб, мы потеряли третий сектор, людей, потеряли группу, а разлом оказался открытым.

– Разлом можно закрыть!

– Да, и как ты себе это представляешь? Ты подставил под удар само существование ордена, мы оказались под угрозой разоблачения в тот момент, когда нам необходимо оставаться в тени! Почему ты не доложил, что Афения ведет свою игру? Печати утеряны, Иеинак тоже – и ты еще говоришь, что разлом удастся закрыть?

– Да, сэр, утверждаю. Я уже предоставлял вам подробнейший доклад о случившемся и смею высказать теорию...

– Нам довольно твоих теорий, Лестер. Из Невады начали поступать тревожные сведения, и если в Орегоне не удастся стабилизировать обстановку вы знаете, во что это выльется! – Алесандро хлопнул по столу, на камне заиграли тысячи бликов, будто внутри него вспыхнули волшебные фонари. – И вы, Лестер, первый, кто пойдет под раздачу! Совет не ограничится вынесением очередного глупого выговора, дело намного серьезней, чем вы можете себе даже вообразить. Людям не выжить в этой войне, ни вам, ни мне, ни одному из живущих.

– Этого не произойдет, – прошептал банкир, громко сглотнув.

– Вы сами себе не верите, Адам, – прошипел Алесандро. – Я не могу долго сдерживать совет, поэтому вам необходимы немедленные результаты.

– У меня есть хорошие сведения. В третьем секторе будет новая группа и...

– Вы знаете, что такое кровь и ее узы? Много лет мы держали ситуацию под контролем, только благодаря этому. Я знаю, что все хранители погибли под обломками монастыря, но живы их потомки.

– Верно, мистер Алесандро – Фред Керлин, Рейчел Скайокер.

– Я знаю об этом, но дело в том, что хранителей должно быть семь.

– Именно, и я знаю, где находятся остальные.

– И... – нахмурился хозяин.

– Это старейшины ГриндБэй. Только они связаны с пророчеством, и кровь Хаттаубы течет в его потомках. Нам необходимо создать орден, сэр, и сейчас ничего не остается, как привлекать тех, кто достоин этого.

– Вы можете уже сейчас назвать имена? – Улыбнулся Алесандро, и банкир поежился.

– Да, конечно.

– Тогда слушаю, – человек поддался вперед, сигара в руке дрожала, и тонкий дымок рисовал причудливые картинки над головой пожилого джентльмена.

– Керлины, их три брата: Фред, Артур и Генри – знаю, что такого еще не было, но новая династия пойдет именно от них. Я проверил, обратился к книге.

– Совет сам станет рассматривать кандидатуры, и утверждать их не вам, продолжайте, кто еще – Рейчел Скайокер, кто еще?

– Грейв Лотнер и Марот Лари. Я тщательно проверил их родословную. Они не прямые наследники Белого Ягуара, так как известно, что его единственный сын погиб не оставив потомства, но они потомки родного брата Хаттаубы, шамана Саа.

– Это лучше, чем ничего. Хотя сомневаюсь, что они поверят тебе, Адам. После того, что сделал Гордон? Это не старое поколение, и они не повернутся спиной или безропотно примут, что им скажут. Ребята не пойдут на сближение с Керлинами. Хранители должны полностью доверять друг другу, у них же открытая вражда и неприятие. Что ж, отложим это решение на потом. Значит остается...

– Остается Вайлет Шелдон.

– Вы надеетесь убедить девушку, после того, что произошло с ее семьей, после того, как Билл Шелдон отказался от служения ордену и пытался бежать?! После того, как ее чуть не принесли в жертву?

– Это не совсем верная информация, – побледнел Лестер.

– Это проверенная информация. Все, что вы говорите, полная чушь. Никто не сможет заменить преемника – вы это знаете не хуже меня. Такой силы больше ни у кого нет. Я зря трачу на вас время. Через неделю соберется совет и решит, что с вами делать, уважаемый! Вы не уберегли мальчика, позволили под носом плести интриги Афении, вы некомпетентны, дорогой Ади, а значит, вы нам больше не нужны!

– Это несправедливо!

– Несправедливость не всегда связана с каким-либо действием, часто она состоит именно в бездействии – надеюсь, вы не забыли слова Аврелия. Так вот, вы бездействовали, уважаемый Ади, а это еще худший грех.

– Позвольте доказать, что вы ошибаетесь, – банкир взволнованно поднялся. – Поверьте!

– Слушайте, Ади, даже я не всемогущ, но... У вас профессиональная группа, и вы далеко не глупец. Завтра я улетаю в Рим, но после возвращения, жду вас у себя. Эта девочка, Вайлет, нужна мне и не только как одна из предполагаемых кандидатур, скорее наоборот. Может она заменит Афению, а может... Из ваших отчетов ясно, она довольно тесно общалась с Джеком и их связь намного значимее фиктивного обручения Рейчел и преемника. Он мог передать ей некие способности, скажем так. Даже не подозревая об этом. Я лично должен встретиться с ней, и понять, так ли это.

– Я знаю, где она и привести ее не составит труда.

– На это бы я не рассчитывал, – хмыкнул Алесандро. – Мы искали ее почти год, и вы с полной уверенностью говорите, что знаете, где она?

– Да, сэр. По последним данным ее видели в Марлоу.

– Надеюсь, вы не опоздаете. Этот парень, который прячет ее?..

– Луис Смол.

– Луис Смол, – он задумался. – Собери о нем как можно больше информации, Адам. А теперь иди, слишком много дел, чтобы тратить время попусту. Извини, мескаль выпьем после

того, как справишься с заданием. И помни, я в последний раз верю тебе, и только ты можешь исправить создавшееся положение – ведь от исхода дела зависит твоя жизнь, – мужчина улыбнулся, обнажив идеально ровные зубы – эта улыбка пробирала до дрожи.

– Да, конечно, – банкир склонился в вежливом поклоне. – Спасибо, что дали шанс.

– Ступай, Адам. Да, и не давай слишком много свободы Фреду Керлину. Чувствую, с ним будет много хлопот. И еще, вы не пытались добраться до Иеинака?

– Кратер закупорен, словно пробка в бутылке, застывшей лавой, преграждая к нему путь. Ходы подземелья разрушены, отрезав от нас впадину – это все равно, что искать иголку в стогу сена, но я предполагаю: пророчество Хаттаубы свершилось, и то, что должен был сделать Белый Ягуар, сделал Джек. Он закрыл врата, запечатав их в себе, в своем теле.

– Но ведь сферический купол над кратером не потух!

– Совершенно верно.

– Тогда вы знаете, что это значит, поэтому будьте предельно осторожны. Читайте знаки и следите за птицами. Адам, если вы найдете Иеинак, займете место в сенате рядом со мной, а вы знаете, какие это открывает перспективы лично для вас. Ведь об этом вы мечтали все это время. Вы станете преемником Руссо, который смертельно болен и скоро оставит нас.

– Я сделаю все.

– Не сомневаюсь, Ади.

Лестер поклонился и торопливо прошел мимо пристально следящих за ним глаз. Александр выбросил сигару, на минуту задумался, а затем протянул руку к телефону.

– Барри, у меня снова есть для тебя работа...

Луис сделал шаг вперед, загородив Вайлет, пристально всматриваясь в сгорбленную фигуру. Цыганка хмыкнула и вышла вперед под тусклый кружок света, отбрасываемого одной единственной лампой, стоявшей в центре круглого стола, накрытого бархатной скатертью. Длинные седые волосы спадали по сгорбленным плечам, а концы цветного платка, повязанного как бандама, торчали в разные стороны.

– Что вы только что сказали, – прохрипел он. – Что вы только что сказали про жизнь Вайлет.

– Вайлет? Кто такая Вайлет? – Засмеялась цыганка и, затянувшись трубкой, пыхнула прямо в лицо парня. – Я разве называла имена?

Девушка нетерпеливо взяла его под локоть и легонько потянула назад.

– Значит, вы меня тоже узнали, – прошептала она, и голос дрогнул.

– С чего ты взяла, милочка?

– Вы назвали меня...

– Я всех так называю, спрашивай у гуляющих здесь девушек. Что-нибудь еще?

– Вы сказали, рады, что я еще жива. Вы узнали меня! Вы останавливались на Шердсонском лугу в нашем городе, в Канби. Два года назад! Перед самым закрытием я приходила вместе с сестрой, и вы предупреждали меня...

– Милочка, на вас порча, поэтому я и удивленна, что вы до сих пор живы! Вам нужно купить снадобья, и я помогу избавиться от сглаза тебе и твоему молодому человеку, – она хрипло рассмеялась и, проковыляв вперед, опустилась на стул, который заскрипел и угрожающе накренился.

– Где мы только не были за столько-то времени, все и всех не упомнишь. Вот тебя я точно не помню, так что не морочь голову старой больной женщине.

Луис растеряно глянул на Вайлет, и закашлялся дымом, когда старуха снова пыхнула на него.

– Вы не могли бы, не выдыхать мне в лицо дым, – прохрипел он.

– Разумеется, второй.

– Второй? Что это значит.

– А ты сначала заплати, а уж потом спрашивай, – грубо оборвала женщина, с интересом разглядывая Вайлет. – Так что? Вы пришли ко мне, маясь от безделья, или узнать судьбу?

Девушка нахмурилась и вплотную подошла к женщине, от которой несло алкоголем и болезнью, старой, сидевшей глубоко в груди.

– Не морочьте голову, вы прекрасно меня узнали!

Цыганка прищурилась и изменилась в лице, неприкрытая ярость сквозила в каждом движении черных глаз.

– Не стоит на меня повышать голос, хорошенькая леди, а то ведь могу и проклясть, тогда твоя жизнь превратится в ад!

– А что будете делать с теми, кто уже живет в аду?

– О, ты еще не знаешь, что это такое. А вот когда рядом не будет второго, тогда ты ежесекундно станешь жариться на огненной сковородке!

– Слушайте, мэм, не нужно так говорить, вот вам деньги и... извините, мы пришли просто погадать, и теперь вижу, что это не самая удачная мысль, – Луис протягивал купюру в двести баксов, которая тут же исчезла в жесткой ладони.

– Надо же, какая щедрость. Но, раз ты настаиваешь, второй, то скажу: ты никогда не получишь того, чего желаешь больше жизни.

– Слушайте, мэм, не нужно гадать. Я не просил, и прекратите называть меня этим дурацким слоганом!

– Слоганом, – цыганка расхохоталась, обнажив ряд грязных кривых зубов.

– Послушайте, – прошептала Вайлет. – Я дам вам, что хотите, только... только скажите правду – вы ведь узнали меня! Только ответьте: откуда вы все знали, что... откуда знали, что Джек погибнет, – две блестящие слезинки скатились с глаз.

– Как трогательно, ты сказала, что отдашь все? Тогда давай поменяемся телами, милочка, что на это скажешь, – цыганка пристально всматривалась в упрямо сжатые губы и слезы, стекающие по бледным щекам. – Не стоит так убиваться, Фея, я всего лишь шучу, но... – она встала и, хромая, приблизилась вплотную к девушке, не отрывая глаз. – Дай мне пятьсот баксов, – потребовала она.

Луис протестующе выдохнул, но Вайлет тут же засунула руку в карман джинсов и протянула купюру цыганке:

– Хорошая маленькая леди, оставь мертвое мертвым, не вороши осиное гнездо! Может, стоит полюбить второго и наслаждаться жизнью? Хотя... в пустой душе не сможет вновь зацвести сад.

– Пожалуйста, – умоляла девушка. – Что такое Апакатика? Вы сказали это тогда. Васка, ответь!

Брови цыганки поползли вверх.

– Бойся числа тридцать девять! Не дайте ему соединиться с цветком! Ты должна была бы знать о проклятии Игриды!

– Что... что это значит?

Но старуха молчала, тяжело дыша, словно астматик, обдавая перегаром и табаком, продолжая сверлить Вайлет взглядом.

– Откуда вы знали, что Джек погибнет?

– Погибнет... о, это что, неудачная шутка? – Хмыкнула старуха. – Ему нужно намного больше, чем просто падение с высоты, милочка. Смерть еще нужно заслужить, либо праведными, либо ужасными делами.

– Что вы такое говорите? Откуда...

– Пожалуйста, перестаньте! – Сказал Луис.

Вайлет вскрикнула, прижимая к груди руки.

– Жертва! Жертва! Дайте ему жертву! – Раздалось из глубины комнаты.

Луис чертыхнулся и бросился в направлении звука.

– Черт, это же попугай, – раздался его крик.

– Оракул никогда не говорит впустую, молодая леди! Ты ведь знаешь это, верно? – Прошептала цыганка, схватив ее за руку. – Ты ведь можешь умереть за него, и тогда он будет жить. Выбор должна сделать только ты, и второму вовсе незачем об этом знать!

Вайлет замерла, не смея оторвать взгляд от черной бездны алчных глаз. Почувствовала, как ее с силой тянут к выходу

– Нет... нет, Луис, я должна знать... я должна понять, – кричала она.

– Ни минуты больше! Какого черта я думал, притаскивая тебя в это место, придурок!

– Отпусти, не смей, – вырывалась Вайлет, но это все равно, что пытаться сдвинуть с места китайскую стену.

Приток свежего воздуха привел в чувства, только теперь она поняла, что находилась на грани обморока. Они прорывались сквозь толпу зевак, продолжая слышать за спиной хриплый хохот. Кто-то дернул ее за руку, заставив Луиса немного притормозить. Вайлет обернулась.

– Уходите отсюда, как можно скорее, слишком опасно. Для тебя слишком опасно, – прошептал Вейн, и тут же бросился назад, теряясь среди моря лиц.

К счастью Луис ничего не услышал, продолжая тащить ее к машине. Включив скорость, он ударил педаль газа. Машина взвизгнула, подняв волну пыли, и сорвалась с места.

– Старая развалюха, корыто, которое плетется еле-еле, – процедил он сквозь зубы, вдавливая педаль газа. – А я, так просто болван.

– Луис, – позвала Вайлет, у которой зуб на зуб не попадал, которую словно лихорадило. Он глянул на нее, чертыхнулся и включил печку.

– Я не хочу, чтобы ты верила во всю эту чушь, – процедил он сквозь зубы.

– Луис... она сказала... она сказала, что Джек не погиб.

– Господи, Вайлет, эта женщина только тем и занимается, что всю жизнь дурит людей. Это ее хлеб, работа, способ выманивания денег. Как ты можешь придавать значения ее безумным словам. Да она сумасшедшая, чокнутая. Попугай прав! Мы жертвы, которые попались в ее лапы. Она требовала бы все больше денег, придумывая каждый раз очередную версию.

– Что такое Апакатика?

– Ви, прошу, не стоит думать над словами больного человека. Может, она сама выдумала это и теперь радостно вешает лапшу на уши. Бред.

– Что такое – тридцать девять?

Луис резко ударил по тормозам, отчего их бросило вперед, и съехал на обочину. Развернувшись к девушке, он обхватил ее лицо ладонями и приподнял.

– Послушай, Ви, очнись, прошу! Не стоит думать над ее словами, не стоит придавать им значение. Эти люди делают больно, чтобы вдоволь насладиться отчаяньем и чужими страданиями. У них одна цель – нажива, они пойдут по головам, растаптывая чувства и даря ложные надежды. Все сводится к одному, пойми. И ее слова циничны и жестоки, – он осторожно стер с лица слезы. – Она не даст тебе ответы, Ви. Не нужно возвращаться туда. Не нужно доставлять ей радость. Цыганка ничего не знает, и все ее слова просто совпадение и не более.

– Только подумай, как, сорвавшись с такой высоты, да еще в море огня, – слова застряли в горле. – Прошел уже год, Ви. Ты думаешь, я не хочу верить, не хочу надеяться? Но жить, питаясь иллюзиями, – это не выход. Джек не хотел бы, чтобы мы метались. Он хотел видеть тебя счастливой, даже... даже если его не будет рядом.

– Откуда ты можешь знать?

– Я... я знал его с детства, Ви, – прошептал он, отворачиваясь. – Я знаю, что он хотел, именно поэтому так и поступаю!

4

Они оставили машину сразу за городом и отправились автостопом до Ньюпорта, где приобрели подержанную колымагу, и через Флоренс и Ридспрот без приключений добрались до городка Порт Силвер. Через час они были в бухте Надежда, в светлом трехэтажном особняке с мансардой, и выходящем прямо к морю лодочным сараем.

По мере того, как сокращалось расстояние, а Файерлейк становился ближе, Вайлет чувствовала себя все беспокойнее, и не могла понять тревогу. Бухта должна умиротворять, а не вселять печаль и грусть. Она снова превратилась в пустую оболочку, бродила по комнатам словно привидение, дотрагивалась до вещей, подходила к окну и надолго замирала, всматриваясь в горизонт безбрежного моря, на белые барашки пены и ракушки, оставленные приливом.

С двух сторон бухту огибали скалы – исполины, и если приглядеться внимательней, они походили на сторбленные фигуры, присевшие на валун немного отдохнуть. Уходящее солнце бросало последний луч света, отражающийся от белого, отполированного водой камня, рассеиваясь, словно тысячи блестящих брызг на водной глади, создавая иллюзию играющих на поверхности светлячков. Эта перламутровая дорога уходила за горизонт. Хотелось сбросить стесняющую обувь и пойти прямо по воде, ощутив блаженную прохладу.

По всему периметру прибрежной линии лежали огромные гладкие камни, словно застывшие гигантские морские черепахи, внутри которых время проделало искусственные ходы, попадая в которые нетрудно вообразить, что оказался в одной из множеств пещер Аппалачи или Маун-Худ, спрятанных на тысячи миль вглубь земли. Только сюда, через крохотные поры, проникал свет, будто льющий ниоткуда, а ноги утопали в теплом мягком песке.

Скалы защищали бухту от ветра, а густой лес, растилающийся позади, огораживал от чужого вмешательства, делая место уединенным и тихим, лишь морской бриз, крики чаек и бакланов нарушали тишину, а еще шелест тысячи листьев, нашептывающих каждый свою историю.

Это самое уединенное и самое прекрасное место, которое она когда-либо видела, и все здесь связано с Джеком, с тем, кто являлся смыслом, жизнью, светом, надеждой, и когда он ушел, душа ушла вслед за ним. Осталась пустота, которую ничем не заполнить, и тоска разъедала изнутри, словно яд. Оставался лишь вопрос времени, когда яд опустошит настолько, что она больше не будет видеть смысла жить дальше.

И сейчас лишь одно сдерживало от рокового шага – найти виновных. Вернее не одно... Луис!

Вайлет оглянулась, выходя из забытья, и тут же наткнулась на теплый внимательный взгляд. Он тихо стоял позади, боясь шелохнуться, любясь ее точеным профилем, фигурой, освещенной скупыми багровыми лучами, создавая вокруг волшебную ауру, словно она не человек, словно...

– Виденье, – прошептал он. – Награда, которую не заслуживаю, которую не достоин. Ви, понимаю, прошло слишком мало времени, но я не хочу больше молчать. И прежде чем уеду, хочу чтобы ты знала: я люблю тебя. Так сильно, что готов на любое. Так сильно, что самому страшно. Я всегда тебя любил и всегда ждал. Ничего не отвечай, просто хочу, чтобы ты знала.

Он сделал шаг на встречу, прикоснулся к ее волосам, утопая в блестящих от слез глазах, закрыл веки, растворяясь в нахлынувших чувствах, чувствуя ее дыхание на губах, и склонился ниже, осторожно прикасаясь губами к ее губам. Сердце готово пробить грудную клетку, а весь мир остался далеко позади.

Звонок телефона грубо швырнул обратно на землю. Вайлет вздрогнула и склонила голову. Луис сжал зубы, так что они скрипнули: волшебное мгновение ушло, безжалостно возвратив на грешную землю.

– Слушаю, – прохрипел он в трубку. – Да, как договорились. Вы должны заезжать каждый день и навещать девушку. Если что-нибудь вас насторожит, сразу связывайтесь со мной. Да, миссис Боуден, Вайлет будет только рада вашему присутствию. Хорошо.

– Кто это? – Спросила девушка, как только он положил трубку.

– Я нанял миссис Боуден из Порт-Силвера, она станет заезжать к тебе каждый день: прибирать, готовить обед, ну... чтобы ты не оставалась одна, понимаешь, – прохрипел он, подходя ближе. Но Вайлет сделала шаг назад.

– Луис, мне никто здесь не нужен. Я хочу побыть одна, необходимо многое обдумать и решить с чего начать. Не хочу, чтобы кто-то отвлекал. Ты напрасно волнуешься за меня. Никто не знает, что я здесь.

– Нет не напрасно. Иногда ты не осознаешь угрожающую тебе опасности и, к тому же, я буду спокоен, зная, что ты не одна в бухте Джека, – он проговорил это автоматически и запнулся, видя, как вспыхнуло ее лицо.

Вайлет сделала еще один шаг назад и отвернулась к окну. Волшебный момент был упущен. Он со злостью покосился на телефон, стоявший на полированной тумбе.

– Я не могу быть в этом месте одинока, надеюсь, ты понимаешь, – прошептала она.

– Конечно.

– Можно я пройду к берегу?

– У меня предложение, – выдохнул он, стараясь скрыть досаду. – Я приготовлю ужин, а потом мы с тобой прогуляемся вместе. Когда звезды зажгутся на небе, ты увидишь лунную дорожку и русалок, махающих тебе из воды.

Вайлет развернулась, ямочки на щеках заставили замереть на месте.

– Идет.

– Э... тогда я пошел готовить салат из киви и ананасов, а также куриные ножки и коктейль своего собственного изобретения, и только не проси у меня рецепт, потому что я его не выдам даже под пытками. Ведь тогда ты сама сможешь его приготовить, без моей помощи!

– Отлично, надеюсь, ты когда-нибудь меня научишь.

Луис прошлепал в просторную кухню, и через некоторое время она услышала, как он, включив бумбокс, напевает вместе с «марсианами», как он называл группу «Тридцать секунд до марса». Послышался грохот:

– Все в порядке, просто не впился в поворот, – раздался его голос.

Вайлет закрыла глаза и втянула носом влажный воздух. Как только они вошли в гостиную, она почувствовала почти неуловимый легкий вкус утреннего кофе и такой знакомый запах мужской туалетной воды. Силуэт Луиса скрывали серые сумерки. В его облике она увидела другой, всего на миг, вообразив, что это Джек и сейчас он прикоснется к волосам, и тогда она умрет от счастья.

И когда Луис протянул руку и дотронулся до нее, она была уверена – это он, и она проснулась, а жуткий кошмар ушел вместе с ночью, развеяв страхи и уничтожив боль.

Она разглядывала комнату, проводя рукой по бархатной спинке кресел, прикасаясь к прохладной поверхности керамических ваз и картин, впитавших теплоту дома, и края раны зияли все шире.

«Почему Джек оставил этот дом ей и Луису»? Она все чаще возвращалась к этой мысли, к странным словам Джека и понимала: он чувствовал, что может навечно остаться внизу бушующего кратера, он всегда предчувствовал, всегда знал:

– Ты вечно будешь в нем блуждать и в «Красном Озере сторать», – прошептала она слова старого пророчества. – «Красное озеро...»

Луис взвизгнул, подражая аккорду гитары, продолжая греметь посудой: заработала электропечь, и вскоре по дому поплыл запах жареного мяса.

Раздался телефонный звонок, и Вайлет сняла трубку.

– Бухта Дж... Надежды. Я не слышу, говорите громче, пожалуйста.

Она вслушивалась в электрическое потрескивание на другом конце провода и ничего не слышала.

– Алло... ничего не слышно! Попробуйте перезвонить, – вздохнула она и повесила трубку.

– Ви, еще минут пятнадцать, и ты сможешь оценить мои кулинарные способности, – крикнул Луис. – Надеюсь, не провалю экзамен!

Луис оказался прав. Ужин был превосходный, и Вайлет впервые поела с аппетитом, сразу почувствовав прилив сил. Он с улыбкой наблюдал, как она налегает на салат, а фирменный коктейль «а-ля Луис» вызвал восторг. Скванность уходила, а мышцы приятно расслабились: стало спокойно, впервые за несколько месяцев.

– Небольшая доза алкоголя, никогда не помешает, – хмыкнул Луис, смотря на вспыхнувшие щеки девушки. – Этот коктейль меня научил делать Ламар Уокер. Он говорил: после честно сыгранного матча он просто необходим. Восстанавливает силы за минуты. Ты чувствуешь, как руки наполняются энергией?

– Я чувствую себя просто превосходно. Это потрясающий ужин, мне повезло с шеф-поваром! А теперь обещанная прогулка?

Они бродили по теплому песку, вспоминая старые истории. Вайлет действительно увидела лунную дорогу, и белый пучок света вдалеке.

– Что это?

– Старый маяк. Миссис Боуден рассказывала, что в нем живет свихнувшийся рыбак, старик Хеслер, который продолжает зажигать его каждую ночь, хотя в этом давно нет никакой необходимости. Он одинок: жена умерла несколько лет назад, а дети разъехались, но старик все время твердит – именно в эту ночь придет его бригантина.

– Бедный мистер Хеслер.

– Отчего же, вовсе даже нет. Он счастлив, уверенный, что это все вокруг поспоходило с ума!

– Надо обязательно пригласить его в гости!

– Вряд ли получится. Старик патологически подозрителен. Ему кажется, живущие в городе, положили глаз на его маяк и теперь мечтают прибрать к рукам, отправив его в сумасшедший дом.

Они уселись на один из круглых камней. Луис обнял ее за плечи и прижал к себе, и теперь тихо рассказывал очередную историю. Ви помнила то время, когда видела в нем единственную отдушину и терпеливого слушателя. Он всегда оказывался рядом, когда было плохо, никогда не задавал вопросов и не требовал внимания. Просто был рядом, постепенно становясь частью ее жизни, становясь жизненно необходимым, как вода и воздух, как солнце и ласкающий лицо ветер.

– Ты знаешь, как мы сдружились с Джеком? Хочешь послушать эту историю? – Постепенно разговор перешел на воспоминания. И Вайлет вдруг поняла, что не испытывает больше ужасающую боль при его имени, а просто неукротимое желание слышать о нем и представлять, что он рядом.

Можно создать иллюзию и жить в ней: так легче, так проще идти вперед и не сойти с ума. Иллюзия – это спасение. Джек рядом и когда-нибудь он обязательно вернется, и тогда до окончания времен они будут вместе.

– Не знаю, сколько нам тогда было, что-то коло пяти. Брат Джека – Сэм – еще не пропал, и он постоянно был с ним: на тренировках, в спортивных клубах, даже на рыбалке. Джек особенно ни с кем не общался. Мне всегда он казался слишком серьезным, и все наши детские забавы его вовсе не привлекали.

Как-то один тип по имени Итон со своими друзьями, поймали меня на баскетбольном поле. Фредди Керлин напротив них сущий ангел! Что эта банда только не творила – грабила

туристов, разоряла сады, не давала прохода ребятам. Но мне с Майклом и Дэнни везло, и мы не особенно попадались им на глаза. Мне они казались здоровенными парнями, им тогда было по десять – двенадцать, и связываться с ними желание не возникало.

Итон всегда ходил с «бабочкой» – нож с двумя ручками, и любил хвастать им, особенно перед девчонками. Майки это просто выводила из себя, и он придумал, как этого придурка немного спустить на землю. Один раз, когда он плескался в реке, мы спрятали его одежду, и он полгорода бежал в одних трусах в мелкий цветочек. Хохма была еще та! Мы за животы хваталась, а уж девчонки и вовсе чуть не поумирали от хохота.

Но Паркер сдал нас с потрохами, рассказав ему, кто виновен во всей истории, и за нами началась охота. Сейчас все это смешно вспоминать, но тогда было не до шуток. Сколько раз мы вовремя делали ноги, спасаясь от разъяренного Итона и его дружков, и пока удача нам соблаговолила, до того самого дня.

Они зажали меня с трех сторон: Итон и еще два верзилы. Я был один, и если б Майки с Дэном были бы рядом, вряд ли сумели помочь, скорее неминуемо пострадали. И поэтому я злорадствовал, ведь Итон так и не смог добраться до них.

– Ну, что козявка, сейчас за все ответишь, – бросил он мне в лицо. Я расхохотался и тут же получил сильный удар в нос. Помню, что в глазах заплясали звездочки, и я отлетел не несколько футов. Тут же пошла носом кровь, и от боли я не мог вымолвить ни слова, только силился не зареветь – ведь это худшее унижение для меня.

Удары сыпались один за другим, но я сжал зубы и прикрывал голову. Когда я думал, что мне точно крышка, услышал, как кто-то крикнул:

– Эй вы, смельчаки! Втроем на одного, к тому же намного младше вас? Да вас засмеют, если узнают об этом.

– А ты сопля проваливай, пока и тебе не перевалило.

– И кто это говорит, самый крутой чувак, который только и может, что бить слабого?

Помню, как меня покорежило слово: «слабый», и я решил – никто, никогда больше не назовет меня так. Я вскочил, но, тут же, снова был сбит с ног, успев заметить напротив стоявшего Джека.

– Твои трусы в цветочек станут мелочью, по сравнению с тем, когда узнают, как ты у Джозефа стянул бумажник и пытался залезть в чашу «Подношений» вчера ночью!

– Что ты сказал? А ну повтори!

– Ты прекрасно услышал, что я сказал. Оставьте его в покое, – крикнул Джек.

– Откуда ты знаешь, – прорычал Итон, хватая его за грудки.

– Слушай, оставь этого пацана, – сказал один из его дружков. – Это младший брат Сэма. Он за него тебе голову оторвет. Да к тому же этот сопляк чокнутый!

– А мне начхать, что вы там скулите, трусы! Это щенок сейчас схлопочет, я на куски его порежу. Быстро говори, кто тебе сказал про Джозефа?

Джозеф был учителем в начальной школе. Хороший рубаха парень, кажется, он преподавал математику, но я могу и ошибаться.

– Оставьте парня в покое, – прошептал Джек.

Я видел, как Итон достал нож, и приблизил к его лицу.

– Значит ты у нас праведник, так? Если тебе его жаль, может, поменяешься местами? Пусть он идет, а ты останешься вместо него и получишь сполна. Выбирай: либо ты, либо он. Стоит ли за того, с кем даже не дружишь, получать по физиономии, к тому же я тебя так отделаю, что мать родная не узнает. Что? Что ты сказал?

– Согласен, – ни минуты не раздумывал Джек. – Отпустите его.

– Ну, ты даешь, придурок, – захохотал Итон и ударил Джека.

Я смог подняться, и меня буквально трясло от злости. Я даже перестал чувствовать боль, а только ярое желание отомстить за свое унижение. Итон бил Джека, а меня схватили за шквар-

ник и выкинули с поля, но я кидался на них снова и снова. В общем, они дубасили нас до тех пор, пока проходящий мимо Дик, не вызвал копов, и помню, мы сбежали с Джеком еще до того, как те приехали.

Как только мы оказались в безопасном месте, Джек развернулся и с серьезным видом протянул ладонь:

– Джек, меня зовут Джек.

– А я Луис, – сказал я, не узнав собственного голоса, потому что разбитые губы мешали говорить. Я сжал его ладонь и почувствовал, какая она горячая и сильная.

С тех пор не проходило ни одного дня, чтобы мы не встретились. С тех пор он стал мне другом, самым лучшим другом.

Луис загнулся. Глаза предательски щипало. Еще не хватало, чтобы Вайлет увидела это. Парень с силой сжал зубы, пытаясь унять восстававшую из глубины боль.

– Что стало с этими ребятами – Итоном и его друзьями?

– Через годик семья Итона уехала из Файерлейка, а один из его друзей – Ричи, стал полицейским и работал в управлении города.

– Ричи?

– Ричи Тауэнс.

– Вот это да! И как складывались ваши взаимоотношения?

– Вполне нормально. Ричи всегда говорил: у него две дороги – либо в бандиты, либо в копы. Уверен, если бы Итон не уехал, до копа дело бы явно не дошло. Джек из тех, кто никогда не проходит мимо, даже если его ждут серьезные неприятности, – добавил Луис и замолчал.

Вайлет закрыла глаза, тоска сжимала сердце, причиняя физическую боль. Она никогда не смирится с гибелью Джека. Не успокоится, пока виновные не понесут заслуженного наказания.

Луис интуитивно почувствовал смену ее настроения, тело напряглось, а сжатые кулаки говорили сами за себя.

– Луис, ты не знаешь, кто такая Игрида? – Прошептала она.

– Нет. Впервые слышу о ней. А кто это?

Вайлет пожала плечам:

– Цыганка сказал: бойся числа тридцать девять и ты должна бы знать о проклятии Игриды.

– Ви, ты снова, – буркнул Луис. – Повторяю, не нужно придавать значение безумным словам. Не заморачивайся над дурацкими фразами. Все равно, что размышлять над словами ее попугая: дайте жертву!

– В тот раз он тоже так кричал. Оракул, его так зовут. Васка сказала.

– Отлично. Попугай Оракул, и старуха провидец! Остается податься в шуты и тогда...

– Луис, не стоит так говорить. Твое неверие не означает, что этого не может быть. Это не повод насмеяться.

Парень вздохнул, и посмотрел на девушку. Далеким свет маяка скользнул к бухте и замер недалеко от берега, словно пучок света от летающей тарелки.

– Я быстрее поверю в существование зеленых человечков. Ну, прости, – заметил он брошенный в его сторону недовольный взгляд. – Ты права, мое неверие не повод. Просто я не желаю, чтобы тебе морочили голову.

– Я справлюсь.

– Знаю, но это не повод не волноваться за тебя, согласна?

Она хмыкнула.

– От Маркуса ничего?

– Нет. Это и беспокоит. Он просил не связываться с ним, но Бог свидетель, терпение мое тает с каждым днем. И когда ты вернешься, мы отправимся в резервацию. Я наконец-то смогу поговорить со старейшинами. Они укажут, с чего начать.

– Ви, мечь не выход.

– Не выход, согласна, но виновные должны получить по заслугам. Все те, кто преследовал его, не давал жить, как ему хотелось, связывали сводом правил. Это они виноваты. Это они убили мою семью, Майкла и всех тех, кто оказался погребенным под камнем. У них руки по локоть в крови, Луис, и ты говоришь: мечь не выход!

– Но ведь они мертвы, Ви!

– Это еще не факт... не факт, – пробормотала она и поднялась. – Когда я буду уверена в этом на сто процентов, тогда и поговорим.

– Отлично. Давай не будем сориться.

– Согласна.

Она направилась к дому, и Луис поплелся следом. Собранная сумка ждала в холле. Он еще раз окинул взглядом комнату и с беспокойством уставился на нее.

– Ты позвонишь, прежде чем решиться на что-то?

– Луис, все будет хорошо. Не волнуйся за меня.

– Меня не будет неделю. Ты уверена, что хочешь остаться здесь? Может, лучше поедем в Порт Силвер? Семья Боуден с радостью согласится, чтобы ты пожила у них это время. У нее две дочери и сын, и она просто...

– Луис, сделай все, что сможешь. Я буду ждать тебя, – перебила Вайлет и подошла слишком близко, почти вплотную. Его дыхание участилось.

– Пожалуйста, будь осторожен. Ты... все, что у меня есть, и ты... ты дорог мне.

Девушка подняла на него глаза и потянулась вперед. Он зажмурился, подставляя губы, но услышал лишь легкое прикосновение к своей щеке. Все произошло мгновенно.

– Иди сюда, – прохрипел он, обнимая ее, зарываясь в шелковые волосы.

– Не бойся... не бойся, – шептал он, а затем, схватив сумку, вышел прочь.

Вайлет услышала, как он завел мотор, и пикап сорвался с места. Через некоторое время гул мотора стих, и в дом вкралась тишина, лишь тихий звук прибоя и биение собственного сердца напоминал о том, что она еще жива.

5

– Фея... – прошептали в самое ухо.

Вайлет вздрогнула и проснулась. За окном занимался рассвет. Она проспала не больше трех часов, но казалось, что прошли целые сутки. Первые лучи настойчиво пробрались в комнату, а неугомонный крик множества птиц слился в сплошную звонкую какофонию. Она распахнула окно, впуская прохладу и запах моря, и поежилась.

Монитор сотового переливался яркими цветами. Она прочитала СМС, где Луис желал ей доброго утра. Написала ответ и плюхнулась в кресло, поджав под себя ноги, размышляя, как проведет день.

От Маркуса по-прежнему ничего не было.

– Проклятье Игриды, – написала она в строке поиска и стала терпеливо ждать ответа.

Через окно была видна стрела потухшего далекого маяка, и ей представился одинокий несчастный старик, в одиночестве смотрящий в море, который продолжал надеяться и верить, что его надеждам еще суждено сбыться.

Впервые после произошедшего она осталась одна, вдалеке от людей, в умиротворяющей тишине, наедине с мыслями. Без Луиса было пусто, а рана в груди снова зияла. Но это одиночество необходимо, чтобы собрать мысли воедино, найти зацепку, не отвлекаясь на вопросы Луиса и пытаясь скрыть от него решимость идти до конца. Она не хочет втягивать его в это. В клетку к голодному льву она зайдет одна.

«Если хочешь чтобы он жил, тогда умри за него», – прошипела в лицо цыганка, обдав смрадом застарелого перегара и несвежего дыхания. Она не колебалась бы ни секунды, если

бы дали шанс. Она не разжала рук и, если бы Луис не оттащил от края, бросилась бы следом. Она была бы с Джеком до конца.

Вайлет прошла на кухню, где ее ждал свежавыжатый апельсиновый сок, булочки и записка, прилепленная к микроволновке.

– И когда только Луис все успевает, – вздохнула она.

Она взяла сок и села перед ноутбуком.

– Никакая она не сумасшедшая. Такая же сумасшедшая, как и я, – прошептала Вайлет, читая предложенные поисковой системой страницы. Игры, фильмы, прекрасная работа Игриды Беккер в фильме о проблемах молодежи; проклятье далекого севера и все в том же плане, пять с лишним тысяч страниц и все мимо. Она бегло просматривала окна сайтов и переходила на следующие.

– Почему она сказала, что я должна была это знать? Если информации нет в сети, значит... значит, это каким-то образом касается ордена.

Спина затекла, тело не слушалось, по двигающимся по комнате теням она определяла бег времени, не желая глядеть на часы. С некоторых пор она ненавидела смотреть на белый циферблат, и черные безжалостные стрелки, которые больше ничего не могли принести, кроме боли и тоски. И первым делом, что она сделает после: уберет прочь все часы из дома. Конечно, остается сотовый и компьютер, но их можно просто игнорировать, или вообще убрать с рабочего стола.

Когда трезвонил сотовый, она машинально протягивала руку и шарила по дивану в поисках телефона. Конечно же, это Луис, который звонил почти каждый час, спрашивая как у нее дела, и, чтобы не расстраивать его, говорила, что прогуливается между «Спящими черепаками» на берегу, или только что вылезла из воды, или только что перекусила, или только что закрыла книгу. В общем, бесконечно занята, пусть он не волнуется и лучше расскажет о себе.

Он описывал природу, мелькающую в окнах пикапа, людей встречающихся по пути, запахи бекона и яичницы в придорожном кофе, яркий диск солнца, подмигивающий ему, когда нечаянно набегаает туча, толстого пушистого кота лениво виляющего хвостом на обочине и еще кучу смешных замечаний. Последний раз он позвонил и сообщил, что подъезжает к ГриндБэй и перезвонит после разговора с ребятами.

Вайлет закрыла ноутбук и вздохнула, живот скрутило в голодном спазме и, посмотрев в окно, она с удивлением поняла, что день подходит к концу. Она встала, наскоро перекусила оставленной Луисом в микроволновке лазаньей и сыром, запила соком, и, засучив рукава клетчатой рубашки, принялась снимать со стен часы.

В таком большом доме, их оказалось пятнадцать: круглые циферблаты с укором выглядывали из картонной коробки, принесенной из лодочного сарая: совсем крохотные и большие, с боем и без, полированные под дерево и блестящие позолоченным корпусом, все отправились в кладовую, даже наручные последовали следом.

– Это уже фобия, – прошептал Вайлет, без сил опускаясь в кресло. – Остается еще одно, уж извини, Луис. – Она подняла трубку телефона.

– Э, здравствуйте, могу ли я поговорить с миссис Боуден. Ах, это вы, приятно с вами познакомиться. Вам звонит Вайлет из бухты Надежда. Нет, нет, я ничего не хотела, просто звоню сказать, что вам незачем приезжать в бухту. Да, я понимаю, Луис заплатил и взял с вас слово, что вы каждый день будете навещать меня. Давайте так, мы не расскажем ему об этом, ему не за чем знать, – Вайлет вздохнула. Ей было противно врать Луису. И она объяснит ему позже, почему так поступила, но не сейчас.

– Я вам обещаю, если что-нибудь понадобится, сразу позвоню. Что вы говорите? Еда? Уверю, с голода не умру, стараниями Луиса здесь можно прокормить футбольную команду в течение всего последующего месяца. Спасибо за понимание и всего доброго.

Девушка устало откинулась на спинку дивана, снова глянула на темнеющее небо, и безумно захотелось пройти по песку, зайти в воду и вдохнуть соленый запах моря. Так она и сделала, а затем до темноты бродила по пустынному берегу, наблюдая за семейством крикливых чаек, устроивших гнездо на одной из «спящих черепах», и за лучом маяка, всматривающегося вдаль.

Это стало своего рода ритуалом. Весь день она копалась в Интернете, попутно отвечая на звонки миссис Боуден, которая, тем не менее, каждый день звонила, справляясь о делах, и Луиса, рассказывающего о последних событиях. Ему удалось поговорить со старейшинами и ребятами, которые рассказали, кое-что интересное, но он не хотел говорить это по телефону.

– Что стало с городом?

– Его нет, – выдохнул он в трубку. – Я не хотел, чтобы ты это видела, и до сих пор убежден, что тебе вовсе незачем приезжать сюда. Опасно.

– Ты хочешь сказать, что земля продолжает гореть?

– Нет, она не горит, Ви. В резервацию приезжал человек, который разыскивал тебя. Но об этом потом. – Он вздохнул. – Как там миссис Боуден? Она тебе понравилась, вы ладите?

– Да, все в порядке, не волнуйся.

– Я очень скучаю, ты знаешь?

– Я тоже, – прошептала Вайлет.

– Потерпи еще несколько дней, договорились.

– Договорились.

Ее тянуло только к одному месту, но она не могла спросить это у Луиса. Огненная воронка, кратер – что стало с ним? Страшно снова заглянуть в бездну и увидеть своих призраков, увидеть то место, которое отняло у нее все.

Вайлет взяла шезлонг и уселась с компьютером у самой кромки воды. Музыка моря уводила далеко в мечты, которые никогда не сбудутся, но от этого они не становятся менее желанными. Она некоторое время наблюдала за неугомонным семейством чаек, а затем снова застучала по клавиатуре.

От Маркуса ничего не было, и это начинало беспокоить, но верная своему обещанию, она не пыталась с ним связаться. Что ж, если он не поможет, помогут старейшины. Свет от маяка скользнул в сторону бухты и замер в нескольких милях впереди. Девушка задумчиво посмотрел в сторону пучка света, на сумерки и решительно поднялась.

Провозившись на кухне дольше, чем планировалось, она завернула ужин в бумажный пакет, взяла пинту молока и направилась в сторону маяка. Расстояние оказалось намного больше, чем она предполагала, и дорога отняла почти час. За это время сумерки стали гуще, и на небе выглянула луна.

Маяк приближался. Его одинокий конус тянулся в небо, словно забытая ракета среди всеобщего хаоса и нагромождения острых скал. Боясь в темноте переломать ноги, девушка осторожно приближалась к темнеющему проему деревянной двери и замерла в трех ярдах от цели, услышал грозный окрик.

– Еще один шаг и мая малышка проделает в твоей спине аккуратную дырочку, вернее вовсе не аккуратную.

– Извини, я не знала, что здесь кто-то находится, – спокойно сказал Вайлет.

– Ну, да. Думаешь, поверю? Всем известно, чей это маяк.

– Возможно, но я здесь недавно. Вернее я слышала рассказы о нем, но не воспринимала всерьез.

– А ну повернись, – потребовал хриплый голос.

Вайлет медленно развернулась. Прямо на нее глядело дуло охотничьего ружья, настояренные слезящиеся глазки всматриваются в лицо. Белые, отливающие серебром, волосы

выглядывают из-под вязаной шапки. Руки старика не дрожат, а плотно сжатые губы выражают полную решимость выстрелить, если бы...

– Вы забыли снять с предохранителя, – спокойно заметила она.

– Рад, что напомнила, – прохрипел старик, шелкнув предохранителем.

– Боюсь, оно не может выстрелить.

– Это еще почему, – рявкнул старик.

– Во-первых, вы не выстрелите в человека, потому что вы... не такой, а во-вторых – ружье вовсе не заряжено.

– Значит, девочка разбирается в оружии? – Хмыкнул он. – Или она слишком уверена? А вот как щас пальну прямо тебе под ноги, и будешь бежать без оглядки!

– Я бы на такое не рассчитывала, сэр. Не зря же я два часа провозилась на кухне, готовя ужин.

– Ужин?

– Да, я запекла гуся и думала, вы поужинаете со мной.

– А ну постой, так ты это... та девчонка, что живет в бухте?

– Совершенно верно, сэр!

– Что-то я давно не вижу твоего парня, того, что приехал с тобой.

– Я вижу, сэр, вы в курсе всего, что здесь происходит. Но, не будете ли вы любезны, опустить ружье. Знаете, неловко чувствовать себя мишенью, к тому же раз в году и палка стреляет!

Старик хрипло рассмеялся, ружье дрогнуло в руке и опустилось.

– Ну, раз ты не из Порта-Силвера, может и поговорим.

– Вижу, не любите горожан.

– Так и мечтают отобрать мой маяк, прохвосты.

– Ваш?

– А то чей же, – неподдельно удивился старик. – Ну... так может, зайдём внутрь. Раз ты не одна из них. Постой, а что это у тебя еще в руке?

– Молоко.

– Молоко? – Разочарованно протянул старик. – Ну, ладно, заходи, – вздохнул он, и первый прошел вперед.

Винтовая лестница скрипела под ногами, и Вайлет могла поклясться, что несколько ступеней шатаются и, не ровен час, лестница развалится прямо под ногами. Они поднимались достаточно долго, и она поразилась, откуда у старика столько сил, чтобы бодро вышагивать, почти бежать впереди нее.

Казавшаяся бесконечной лестница закончилась низкой дверью, пройдя в которую она увидела тесную комнатку с деревянным полом и широкими проемами окон, располагающихся в противоположные друг от друга стороны. Западная стена заканчивалась еще одной дверью, выходящей на площадку к гигантскому прожектору.

Из обстановки выдавший виды стол, диван, шкаф с кухонной утварью, плита, пару стульев и крохотный телевизор, стоявший на низкой тумбе напротив стола.

– Надеюсь, твой гусь еще при тебе, – хмыкнул старик, и в тусклом свете ночника она смогла как следует разглядеть его лицо: добрый открытый взгляд, благородное лицо, высокий лоб и совершенно седые волосы. Если бы она встретила его в другом месте, то подумала бы, что он профессор или священник.

– Так значит, тебя зовут...

– Вайлет.

– Ну, что ж, Вайлет, я мистер Хеслер.

– А можно я просто буду называть вас по имени?

– О... – смутился старик. – Что ж, не против, зови меня Гаред, – он хлопнул себя по бедрам. – Что-то моя старуха припозднилась и не приготовила ужин, и я говорю, ты вовремя, потому что брюхо мое бунтует, распугивая ночных мотылей жутким рычанием.

Пока Вайлет разогревала гуся и накрывала на стол, старик нетерпеливо мерил комнату шагами, поглядывая в ее сторону. Она с улыбкой наблюдала, как он с жадностью уплетает мясо, впрочем, не прикасаясь к молоку, и когда девушка предложила выпить за знакомство, он хмыкнул, кивнув в его сторону.

– И это ты говоришь: выпить за знакомство?

Он протопал к холодильнику и достал пиво. Вайлет покосилась через его плечо, заметив, что кроме пива там ничего нет.

– Мистер Гаред, а что вы едите? – Удивленно протянула она.

– Ну, э... вообще-то мой сын Ральф часто меня навещает, и моя старуха все время что-то стряпает и... иногда я все же выбираюсь в город.

– Понятно, – грустно протянула девушка. – А можно, я каждый вечер буду приходить сюда, и мы вместе будем ужинать, а вы научите управлять маяком, да и к тому же. Отсюда прекрасный вид.

– Ты, что же думаешь, я все вру, – подозрительно покосился на нее Хеслер.

– Я думаю, что это красивое место, и иногда бывает так одиноко, что... – она замолчала, громко сглотнув. Глаза заблестели от слез.

– Эй, ты чего, девочка, – крикнул старик. – Ты это... не расстраивайся. Конечно же, буду только рад. А то кроме пары ворон и шума моря никто и говорить со мной не желает.

– Ворон?

– Да, прибились недавно, живут прямо под крышей, а мне то что, пусть живут – забавные они, словно понимают все.

– Вы, наверное, правы.

– Ну, подышим бокалы, – пропел он. – Так ты пиво не пьешь?

– Нет, я лучше молоко!

– И верно, за знакомство, – они громко чокнулись железными кружками, которые Хеслер отыскал в глубине кухонного шкафа. Старик расцвел в улыбке. – Хорошо, что ты не одна из этих, – протянул он.

Время в беседе пролетело быстро, и Вайлет даже не заметила, как спустилась ночь. Пора было возвращаться. Как назло она оставила сотовый на кухне, и теперь представляла, что воображает Луис, не дозвонившись до нее.

– Так, значит, теперь ты владелица дома? – Сказал Хеслер, доставая сигареты и, спросив, не возражает ли она, с наслаждением затянулся.

– Нет, Луис.

– Луис – это тот парень, который с тобой?

– Гаред, Луис не мой парень. Как это правильно сказать – он очень хороший друг.

Старик пристально посмотрел на нее.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь и это... не мое дело. А вот и они! – Воскликнул он, и она повернулась в направлении его взгляда.

На козырьке окна сидели птицы, черное оперенье отливало серебром, пуговицы глаза смотрели с интересом, но недоверием. Одна из ворон, с белым крылом, недовольно каркнула, стукнув по железному козырьку клювом.

– И незачем злиться, – буркнул старик. – Не думайте, что вы здесь хозяева, и не бойтесь: Вайлет девчонка, что надо, – нежно пробормотал он, поглядывая на птиц. Вайлет растерянно оглянулась, и старик смутился.

– Иногда птицы лучше людской компании, – крикнул он, почесав за ухом. – По крайней мере, они не ударят в спину, когда ты отвернешься зачерпнуть им воды.

Он поднялся, сгреб со стола остатки ужина и осторожно выложил рядом с птицами, который не разлетелись испугано прочь, а лишь слегка отошли назад, уступая место.

– Очень умная птица, – протянул старик. – Не один вечер я делился с ними последним куском хлеба, как ни прискорбно звучит, и знаешь что, однажды проснулся, а они принесли мне живого окуня, не гиганта конечно, но все же. Представляешь, они решили меня отблагодарить. Вот так-то, девочка.

Он вздохнул и устало опустился на диван.

– Во что превратился мир. Люди стали друг другу словно звери, а они... – Он кивнул в сторону птиц, которые принялись за предложенное угощение. – Невинные души.

Вайлет вспомнила старый вяз за окном, черный от маленьких плотно сидящих друг возле друга тел, и огромную живую воронку, кружащую над головой и душу снова затопил лед, а боль, вспыхнувшая следом, исказила лицо.

– Ты чего, девочка, – прошептал старик, увидев слезинку, скатившуюся из глаз, и тут же оказался рядом. Старческая рука протянулась к щеке и осторожно вытерла слезы.

– Ты не слушай старика, девочка, иногда я слишком сентиментальный. Моя старуха всегда говорит, что часто я болтаю всякий вздор.

– Нет, вы не болтаете вздор, просто я все чаще думаю точно так же. Люди причиняют боль друг другу, ненавидят, а все прекрасное вызывает в их душах лишь презрение и насмешку. Можно... можно мне подойти к ним, – прошептала она.

– Конечно, девочка, думаю, они понимают, что ты не сделаешь им ничего плохого.

Вайлет поднялась и осторожно приблизилась к окну. В замешательстве остановилась, всматриваясь в настороженные глаза. Птицы тут же перестали клевать хлеб и пронзительно закаркали, размахивая крыльями. Она вздрогнула, а рука замерла на полпути.

– Ну, чего ворчите, грубияны, – пробасил Хеслер.

Девушка протянула руку и коснулась мягкого оперенья, провела кончиками пальцев вдоль спины, ощутив легкое покалывание, будто рука онемела. Вороны доверчиво разглядывали ее, и эта доверчивость, хрупкость их маленьких теплых тел успокоили, наполнив сердце непонятной радостью.

– Вот и подружились, – радостно сказал старик. – Похоже, они тебя больше не боятся, а ты их, верно?

Вайлет растерянно оглянулась.

– Мне пора, – удрученно сказала она. Хеслер нахмурился, вглядываясь в темноту.

– Подожди, я только захвачу ружье. Нечего тебе ходить одной.

– Нет, постойте, – схватила она старика за руку. – Со мной ничего не случится. Вы отдыхайте и не волнуйтесь, меня проводят новые друзья, – она улыбнулась, и, увидев на лице задорные ямочки, старик цокнул.

– Молодежь никогда не думает об опасности.

– Пожалуйста, не волнуйтесь и ждите меня завтра. Что вы хотите на ужин?

– Э... ну я бы не отказался от зажаренного окорока и... ну, что это я! – Покраснел он.

Вайлет засмеялась, чмокнув его в колючую щеку, отчего он покраснел еще больше.

– До завтра Гаред.

Она легонько сбежала вниз по ступенькам.

– Я буду освещать путь, Вайлет. Мой маяк будет освещать тебе путь, – раздалось вслед.

Легкий ветерок обдал соленым запахом моря, коснулся волос. Она осторожно спустилась по камням, выходя к узкой тропке. Толстый желтый луч тут же развернулся от моря и замер в направлении бухты Надежда. Освещенная лента петляющей среди каменных валунов дороги походила на золотистую тропку, такую же, что уходила далеко за горизонт водной глади, когда луна показывалась на небе.

Возвращаться совсем не хотелось, но старик Хеслер выглядел усталым, хоть и отчаянно храбрился, и ему необходим покой. К тому же не терпелось поскорее засесть за компьютер, может, пришло сообщение от Маркуса или она найдет упоминание об Игриде. Она подняла глаза. За границей света темнота, лишь в западной стороне светятся крошечные далекие огоньки – городок Порт Силвер. Такое ощущение, что это дорога сквозь пустоту, сквозь ничто, и стоит переступить тонкую границу – растворишься, превратившись в легкое дуновение загадочного океана.

Раздумье прервал легкий шорох, который был чужеродным среди ночного спокойствия, который не был ни ветром, ни шумом прибоя, ни шелестом крыльев ночной птицы. Вайлет ощутила чье-то присутствие рядом. Кто-то скрывался в темноте, наблюдая за ней. Взгляд был тяжелым и недружелюбным. Она физически чувствовала ярость, словно волны, накатывающие в жуткий шторм, истощая твои силы и разбивая тело о подводные скалы.

Еще до того, как поднять глаза, она знала, что увидит, и не ошиблась: темная долговязая фигура стояла почти рядом, и если бы она решилась протянуть руку, то дотронулась бы до нее. Вайлет охнула, и тень быстро шагнула назад, сливаясь с чернотой. Все произошло настолько молниеносно, что девушка не могла бы сказать с уверенностью: было ли там что-нибудь или все это только игра лунного света и богатого воображения.

Некому следить за ней. Все, кто желал ей смерти, погибли под развалинами монастыря, а если кому-то все же удалось выжить – никто не знает про «Спящие черепахи». Значит, просто показалось.

– Эй, – крикнула она. – Там есть кто-нибудь?

Вайлет прислушивалась, но ничего подозрительного не услышала и утвердилась во мнении, что ничего не было. Но страх, все же, успел коснуться ледяной рукой, и теперь сердце гулко стучало, а кожа покрылась мурашками. Прекрасная иллюзия чарующей ночи пропала бесследно, оставив взамен подозрительность. Всю обратную дорогу она прислушивалась к шорохам, окружающим со всех сторон, и всматривалась в темноту вокруг.

Переступив порог большого пустого дома, Вайлет вздохнула с облегчением. Щелкнула три раза выключателем и, увидев, как в ответ замигал столб света с маяка, засмеялась:

– И вам спокойной ночи мистер Хеслер!

Свет ушел в море, всматриваясь в пустой горизонт. Старик Хеслер вновь принялся ждать свою бригантину.

– Я тоже буду ждать, – прошептала Вайлет, и слезы тут же скатились из глаз. – Я тоже всегда буду ждать. Ведь ты говорил – если не в этом, то в том мире.

Она тяжело опустилась на диван, рыдание сотрясало тело, напряжение, тоска и боль пробились сквозь рану наружу. Луис был далеко и никто кроме него не мог успокоить. Иногда хочется уснуть и больше не проснуться, иногда сон – это самое лучшее, что осталось у тебя, ведь даже воспоминания теперь приносят боль. Воспоминания о счастье, которое словно падающая звезда на миг вспыхнула и сгорела, превратившись в пыль. Иногда хочется уснуть и уйти, забыв об этом мире навсегда.

Провалившись в тревожный сон, она продолжала ощущать боль. В области сердца зияла кровавая рана, а долговязые безликие фигуры зажимали в круг. Они подходили ближе, сужая зловещее кольцо, и Вайлет слышала их радостное шипение в предвкушении скорой расправы. Страх не было, лишь готовность принять то, что уготовано и когда она закрыла глаза, различила другой, сначала еле заметный, звук – шелест тысячи крыльев, который все приближался, сливаясь в одну сплошную какофонию, постепенно поглощая собой остальные звуки.

Она почувствовала легкое прикосновение к щеке, кто-то осторожно прикоснулся к волосам, провел по плечу, и знакомый запах, узнаваемый до боли, ожидаемый до безумия – запах дорогого мужского парфюма и потухшего, но продолжавшего тлеть, костра.

– Ты же обещал не оставлять меня, – прошептала Вайлет и улыбнулась, ощутив легкое прикосновение к губам.

Шелест прогнал прочь призрачные тени, и горячий луч солнца остановился на лице. Издалека раздался крик.

– Ви... постой. Ты не должна уходить!

– Луис... прости, – прошептала она.

– Ви, пожалуйста, не бросай меня! Я умоляю тебя!

– Прости.

Грудь сдавило от осознания неминуемого выбора. Выбора, который она боялась сделать, ведь тогда причинит страдание тому, кому не хотела их причинять. Но рано или поздно выбор должен быть сделан – и от этого не уйти, не сбежать, не спрятаться в ракушку. Вайлет отдала бы все, лишь бы уберечь Луиса от боли, понимая – это невозможно. Всегда кто-то страдает, всегда кому-то остаются разбитые грезы, а кому-то долгожданная свобода. Но она не имела права поступать так с Луисом, и не имела право не пойти за нежным шелестом, потому что сердце оставалось там, а душа могла жить только вместе с ним.

Телефонный звонок безжалостно выдернул в реальный мир, ставший пустым и безлико-серым. Всегда приходит время открыть глаза, хочешь ты этого или нет. Всегда приходит время, когда иллюзия сна безжалостно разбивается об острые камни реальной жизни, отторгаемое тобой всей душой.

Она никогда раньше не задумывалась, почему некоторые люди добровольно уходят в выдуманный мир, превращаясь в отрешенные манекены, живущие в психиатрических клиниках. Теперь знала – это просто ожидание, надежда, что все закончится, попытка оправдать свое жалкое существование в этой жизни, в которой перестаешь видеть смысла, в которой уже ничего не можешь потерять кроме оков и тоски. Люди, оставшиеся одни, чья душа давно ушла за грань доступного нашему пониманию. Люди, которые просто ждут.

Смерть иногда кажется избавлением.

– Алло, – пробормотала она в трубку, бросив взгляд в большое, во всю стену окно. Солнце стояло высоко в небе, одинокий маяк казался заброшенным и безжизненным: старик Хеслер, видимо, еще спит, готовясь к своему следующему ночному дежурству и бессмысленному ожиданию. А может быть жизнь действительно лишена смысла? – Она вспомнила безупречную улыбку псевдо Эрни.

«Нет, нет, не так!» Вайлет тряхнула головой. Ведь есть Луис, и его чувства и надежды вовсе не бессмысленны. Ведь он самый лучший друг, он самый лучший... после Джека. Но Джека нет.

– Здравствуйте мисс Вайлет! Простите, что беспокою и нарушаю наш уговор, но вы так давно не звонили и я начала волноваться. Этот миссис Боуден.

– Нет, нет, ничего. Эта я виновата, совсем вылетело из головы.

– Вам ничего не нужно? Может мне стоит приехать, я приготовлю шикарный ужин, мы наконец-то познакомимся, а то, знаете, мне жутко неудобно перед Луисом, который звонит каждый день и интересуется, как у вас дела, – голос был приятный и тихий.

– Луис слишком утрирует ситуацию. В таком месте можно только отдыхать. Что может случиться?

– Ну, знаете ли, всякое. Иногда волны просто огромные и купаться вовсе небезопасно!

– Думаю, с этим проблем не возникнет, к тому же добрый мистер Хеслер не даст мне заскучать, а его истории просто потрясающие.

– Кто?

– Мистер Хеслер, он довольно славный.

– О, деточка, – испуганно протянула женщина.

– Нет, нет, ничего не говорите. Я знаю, что рассказывают о нем в городе: будто у него не все в порядке с головой и прочее. Но уверяю – это наговоры. Он не опасен, он просто очень одинокий человек, который не может смириться с потерей и старается жить дальше. Знаете, люди бывают слишком жестоки в своих суждениях о тех, которых не понимают.

– Но... девочка...

– Прошу ничего не говорите об этом. У меня было достаточно времени, чтобы убедиться, что вы заблуждаетесь, понимаете, о чем я?

– Э... да, наверное, – протянула женщина. – Тогда, я с вами не прощаюсь?

– Послушайте, миссис Боуден, вовсе не обязательно...

– Вайлет, пожалуйста, и моя душа будет спокойна.

– Ну, хорошо.

Как только она положила трубку, телефон зазвонил снова.

– Вайлет, Господи, я не мог до тебя дозвониться! – Прокричал в трубку Луис, ей пришлось отодвинуть ее подальше от уха, иначе она бы оглохла.

– Эй, потише! И тебя с добрым утром.

– С добрым утром, о чем ты? Уже два часа дня!

– Ну..., – девушка глянула на светлый круг над камином, где когда-то висели часы. – Я даже не заметила. Знаешь, мне здесь нравится.

– Как ты себя чувствуешь, все нормально? Тебя ничего не беспокоит, никто тебе не докучает и...

– Постой, Луис! Перестань. Все хорошо, я же тебя вчера говорила, со мной все в порядке!

– Вчера? Ви, постой, я уже два дня не мог тебя дозвониться! Ты не подходила к телефону.

Я решил, что если сейчас до тебя не дозвонюсь, то незамедлительно отправлюсь в бухту. Твой сотовый отключен, а сообщения по электронной почте остаются без прочтения.

– Два дня? Луис мы разговаривали с тобой вчера вечером!

– Так, постой одну минутку. Я приеду, и мы все обсудим.

– Нет! Луис, ты должен все узнать, мне необходимо отправиться в Файерлейк! Я больше не хочу ждать. Ты... ты прав! Я, наверное, что-то перепутала. – Она пыталась совладать с дрожью, трубка буквально подпрыгивала в руках.

– Вайлет, прошу, скажи.

– Извини, я хотела побыть одна. Прости за эгоизм.

Девушка старалась придать голосу уверенность, чтобы ложь казалась убедительнее.

– Скажи, ты уже встречался со старейшинами?

– Да. Вместо Хорхе теперь Катано, и он настроен не слишком-то дружелюбно – он никогда не разделял веру Катано в преемника ордена и его предназначение освободить землю от Ваничичу. Старик придерживается более решительных мер и не намерен повторять его ошибку, и идти на компромисс. Теперь решать будут только старейшины. Весть о строительстве монастыря «Плача» ГриндБэй вовсе не обрадовала. Они уверены, что злой дух может вернуться, а жертва, которую принес Хорхе и... Джек окажется напрасной.

– Это все? – Сухо спросила она.

– Нет. Катано против твоего возвращения в Файерлейк, вернее на то место. Он говорит, что это послужит неким катализатором, и могут возникнуть проблемы.

– О чем ты? Каким катализатором?

– Ви, не спрашивай, что это значит – понятия не имею. Но не все одобряют его решение. Грейв выступил с целой речью, убедив половину старейшин, что ты продолжаешь нуждаться в их защите, и никто кроме ГриндБэй не сможет огородить тебя от сторонников ордена, которые желают тебе только зла.

– Значит, они знают о Рейчел и Керлинах?

– По-видимому.

– Луис, что еще? Об ордене? Куда ведут нити?

– Этого я не знаю. Катано отказывается говорить об этом.

– Спроси его об Игриде! Кто такая Игрида? И что за число тридцать девять? Что такое Апакатика?

– Попробую, хотя не уверен, что больной лепет старухи-цыганки имеет хоть какой-нибудь смысл.

– Луис!

– Да, малышка, – он тяжело выдохнул в трубку.

– Они были в Лунных пещерах после всего произошедшего?

На другом конце провода возникло молчание.

– Ты меня слышишь? – Затаила дыхания Вайлет.

– Конечно. Да. Грейв и Марот спускались вниз, хотя Катано запретил им возвращаться туда. Он говорит, что черные тени продолжают жить в подземных ходах, и находиться в них безопасно.

– Что это значит?

– Не знаю. Ты же знаешь манеру старейшин говорить загадками. Марот говорит, почти все ходы завалены и непроходимы. Им не удалось подобраться к основанию кратера – это невозможно. Они не нашли ни одного тела и не могли долго находиться в пещерах. Он говорит, что они почувствовали себя плохо – голова жутко разболелась, а воздух был таким раскаленным, что, казалось, сожжет легкие.

– «Красного озера» больше не существует, Ви. Никто не сможет преодолеть каменные завалы и горы застывшей лавы. Никто и никогда...

Вайлет, продолжая сжимать трубку, вышла к морю и опустилась в шезлонг.

– Я скучаю, – прошептал Луис.

Она повернула голову к потухшему маяку.

– Мистер Хеслер говорит, надвигается сильный шторм – в такое время телефоны не работают.

– Тогда не выключай компьютер и..., может быть на это время тебе переехать к миссис Боуден. Уверен, она будет только рада. Не хочу, чтобы ты оставалась одна на побережье в такое время. Еще несколько дней и я приеду за тобой.

– Я никуда не поеду.

Она устало прикрыла глаза, и снова почувствовала любимый запах, мятное дыхание на щеке, прикосновение к волосам. Может она сходит с ума? Воображение выдает желаемое за действительное? Пусть даже и так. Если это та цена, которую необходимо заплатить за то, чтобы почувствовать Джека рядом – она готова.

В этом месте все им пропитано: в каждой комнате живет память о нем, в каждом дюйме береговой дорожки отпечатки его следов, а в шелесте ночных волн его тихий завораживающий голос. И она всегда будет возвращаться сюда, ведь только здесь может ощутить его присутствие.

– Ви, ты меня слышишь? Обещаешь не делать опрометчивых поступков? Обещаешь сразу связаться со мной, если увидишь или почувствуешь что-то подозрительное?

– Конечно, ты... ты не должен волноваться. Со мной все будет в порядке. Поговори со старейшинами и сразу свяжись со мной.

– Обязательно. Катано уезжает на пару недель к старику Макдилану. Вот уж не думал, что они такие закадычные друзья. Оказывается, их связывает крепкая многолетняя дружба. Старику крупно повезло. Во время землетрясения он был за сотни миль от Файерлейка на очередном симпозиуме. Правда его библиотека погибла и старик безутешен по этому поводу. Затем у старейшин назначена встреча в Сайлеме. Я думаю, к этому времени смогу найти достаточно доводов, чтобы переубедить Катано.

Вайлет почувствовала обжигающую реку, прокладывающую путь через сердце, словно кровь вспенилась и закипела. Тело вспыхнуло, словно в огне, а туман перед глазами приобрел форму высокой статной фигуры.

«Я устал от бесконечной бессмысленной опеки моего блаженного дядюшки и был просто счастлив вырваться из семейного гнезда, и заняться тем, что действительно интересно!»

Том-Эрни, племянник Макдилана, мечтающий заполучить Иеинак и собрать печати. Тогда в пещере Вайлет не знала, что шокировало больше: известие о предательстве, о тщательно продуманном плане, где они с Джеком были лишь разменными монетами или другое...

Но Вайлет не могла озвучить странную догадку вслух, потому что это означало бы лишь одно – она определенно сошла с ума.

– Значит, ты говоришь, Макдилан и Катано старые приятели?

– Похоже на то, – выдохнул Луис.

– Но его племянник, Луис, его племянник Том – ведь это он планировал и готовил убийство Джека. Это он был маньяком. Это он выжидал, собирал печати, прятался среди людей, словно волк в овечьей шкуре. Это он виновен в гибели Джека и многих других!

– К сожалению, в семье не без урода.

– Я не об этом! Мне необходимо встретиться с профессором! – Все больше волновалась Вайлет.

– Для чего? Макдилан ничего не знает. Уверен, он не имеет к произошедшему никакого отношения. Он просто ученый, книжный червь, а его племянник воспользовался им, как и остальными, а затем бросил.

– Я не собираюсь обвинять его, Луис. Возможно, мистер Макдилан, сам того не зная, даст зацепку или поможет понять, кто помогал Тому все это время, направлял его.

– Но ведь Афения...

– Афения тоже была лишь разменной монетой. Ей манипулировали, играли на ее тщеславии.

– Возможно, ты права. По возвращению Катано я свяжусь с профессором.

– Где он сейчас живет?

– Думаю в своем родовом поместье.

– Где?

– Точно не знаю, но выясню. Обещаешь ждать?

– Обещаю, месье – блюдо, которое подают холодным, поэтому не волнуйся за меня.

– Это как раз и беспокоит, – вздохнул Луис. – Маркус молчит?

– Пока да.

– Пока? Ви, повторяю, не стоит на него рассчитывать. Этот парень не добрый самаритянин и не волшебник Дамблдор. Он вообще темная личность.

– Спокойной ночи, – прошептала девушка и отключила телефон, услышав недовольный вдох Луиса.

Она огляделась по сторонам. Только теперь осознав, что не слышит привычного радостного крика семейства чаек, живших на «спящей черепашке», и ахнула, увидев разграбленное опустевшее гнездо. Бурые подтеки окрасили гладкий камень, несколько белых перьев безжизненно лежали на песке рядом.

На негнущихся ногах она подошла ближе, и резко развернулась, сдерживая подступивший к горлу комок.

– Кто мог совершить такое? Кто мог убить чаек?

Красный седан приближался к особняку со стороны шоссе двенадцать. Девушка снова посмотрела на одинокий маяк.

«Смерть всегда ходит рядом, готова сюрпризы один за другим, – говорил старик Хеслер. – Она испытывает волю и хочет сломить тебя. И только сильные достойны награды, девочка.

Мы не знаем, кто мы и зачем мы, но в мире не все так бессмысленно, как кажется на первый взгляд. Только единицам позволено заглянуть под завесу, и только единицы способны понять и оценить это. Смерть рождает жизнь, а истинная любовь не угасает с годами. Кто безоглядно верит, не разворачиваясь на смех за спиной, тот дойдет до конца пути и найдет то, что так отчаянно искал».

– Может вы и правы, мистер Гаред, – только где взять силы не опустить руки...

6

Из седана вышла миловидная пышная женщина лет сорока и улыбнулась доброй улыбкой.

– Я такой вас и представляла, – вскрикнула она. – Ой, да что же это я, – заметив на лице девушки растерянность, пропела она. – Я миссис Боуден, но буду благодарна, если станешь звать меня просто Пэнни.

Женщина тщательно расправила несуществующий складки на бирюзовом брючном костюме, заправила за ухо локон светлых волос, и заговорщицки подмигнула.

– После нашего разговора так потянуло приехать сюда, что просто не могла сидеть на месте – это одно из красивейших мест на земле.

Она шумно втянула носом воздух и шлепнула руками по массивным бедрам.

– Рада, что снова оказалась здесь. Была бы большая несправедливость, если бы дом пустовал. Такие дома не должны быть одни, понимаешь, о чем я?

Вайлет пожала плечами. Пэнни расхохоталась и полезла в машину, вытащив большой букет цветов.

– Нет, это не от меня, и даже не от моего сына, дожدهшься от него, как же! Это Луис, просил, чтобы я передала их тебе, когда в следующий раз поеду. Я ведь уверяю, что бываю здесь регулярно. Должна заметить, такой красивой пары, как вы, я еще не встречала. Вы прямо созданы друг для друга. Так рада, что бухта Надежды снова ожила. Ну, показывай, как вы тут устроились.

Она всучила, продолжавшей стоять столбом, Вайлет цветы и первая прошествовала в гостиную.

– Узнаю этот аромат, – протянула она. – Здесь всегда был особенный аромат, чувствуешь? – Она закрыла глаза и снова с шумом втянула в себя воздух. И дело даже не в лобелии, растущей под окнами.

– Да, вы правы.

– Эта близость моря, леса и нетронутой девственной тишины, ничего кроме шума прибоя – потрясающе!

Она по-хозяйски протопала на кухню, заглянула в холодильник, посмотрела на одинокий полупустой стакан с соком на столе и укоризненно покачала головой.

– Так я и знала! Еще дня два и ты погибла бы от истощения: холодильник не открывали, наверное, с прошлого дня благодарения. Что ж, приготовлю хороший ужин и заставлю тебя съесть тройную порцию.

Пока она весело болтала, гремя кастрюлями, Вайлет продолжала смотреть через окно на «спящую черепаху» с разоренным гнездом.

– Значит, вы раньше сюда приходили?

– Я смотрю за этим замечательным домом лет двадцать. С тех пор, как переехала в Порт Силвер и вышла замуж.

– Значит, вы знали семью, которая им владела?

– Конечно – Харисоны. Замечательная была семья, – протянула женщина, на миг, показавшись в проеме. – Миссис Керол само очарование и такая талантливая: потрясающе рисовала, у меня даже хранится несколько ее рисунков. Муж замечательный человек, всегда веж-

ливый и нескупой. Их дети часто играли с моими озорниками, вернее старшенький, а младший Джек, все время строил на песке замки и говорил, что у него нет времени на забавы – он должен построить такой дом, где могут укрыться все люди, когда придет ураган. Мы так смеялись над этим. Миссис Керол всегда называла его маленьким ангелом, а он так злился.

Вайлет закрыла глаза, опустившись в мягкое кресло.

– Почему вы сказали – была?

– Ну, потом произошла ужасная трагедия: их старший сын пропал без вести, его так и не нашли, а мистер Харисон не смог перенести утрату и скончался от сердечного приступа. Бедная Керол осталась совсем одна с маленьким сынишкой и больше не приезжала в бухту. Я помню это время. Все было так ужасно! Мы переживали, но помочь ничем не могли. Дом опустел, и вот теперь его приобрели вы. Уверю, вы ни разу не пожалеете об этом.

– Да, я уверена, – прошептала Вайлет. Из кухни раздался звонкий смех:

– Вообще, Джек необычный ребенок! Сейчас он, наверное, стал совсем взрослым, а тогда так любил разглядывать старые семейные фотографии. Все время спрашивал, кто на них изображен. Дело дошло до того, что Керол просила подальше прятать фамильные портреты и не поддаваться на его просьбы. Хотя, как вспомню его глаза, такие чистые, лучезарные, добрые – ни за что не могла отказать в его просьбе, никогда, – миссис Боуден вздохнула.

– Почему его мать просила не показывать семейные альбомы?

– Видишь ли, мальчику все время казалось, что он совсем не похож на отца и мать: такой смугленький, с черными волосами, тогда как мать, отец и брат светлые. Мальчик спрашивал, почему он не такой как они, и миссис Керол смущалась, говоря, что он похож на предка, ее прадеда, который был жгучим брюнетом. Джек кричал, что видел на портретах всех родственников, и ничего подобного там не было. Помню, он даже спросил однажды у нее, может, она взяла его с приюта и теперь скрывает. Миссис Харисон так долго плакала, когда услышала это, уверяя, что он ее родной мальчик, и не должен об этом думать. Детям часто кажется, что они неродные, особенно когда надаешь им подзатыльники, как это случилось с моим Уорреном.

– Наверное, – сказал Вайлет, растирая кончиками пальцев виски.

Через час на столе оказался пирог с курицей, стейк, салат с грибами и брюссельской капустой. Пэнни заставила съесть Вайлет огромный кусок, внимательно наблюдая за ней, как за тяжелобольной, впрочем, не переставая болтать. Вайлет услышала почти всю историю семьи Боуден, рассказы о сыне и дочерях, о жизни провинциального городка и ценах на бензин.

Затем Пэнни всучила журнал мод, сказав, что девушкам нравится подобная литература, как ее старшей дочери, и отправила Вайлет прогуляться к морю, занявшись уборкой в доме. Вайлет со вздохом зашвырнула журнал на полку, взяла ноутбук и уселась в шезлонг.

Красное солнце на безоблачном небе плавно приближалось к горизонту: значит уже часов шесть-семь вечера. Она открыла компьютер и снова погрузилась в поиски загадочной Игриды и ее проклятья. Не хватит и целой жизни, чтобы просмотреть все страницы.

Вайлет очнулась лишь тогда, когда почувствовала, как ее трясут за плечо. Подняв глаза, она увидела прямо перед собой раскрасневшееся лицо Пэнни.

– Теперь понимаю, почему ты такая бледная, – вздохнула она. – Нельзя же так долго сидеть за компьютером! И тебе нужно поесть. Ты такая худенькая, прямо светишься.

– Нет, спасибо. Боюсь, что не захочу есть до завтрашнего вечера. Лучше скажите, вы ничего не слышали об Игриде?

– О... ну... – женщина задумчиво посмотрела на «Спящую черепаху», где на месте разоренного гнезда сидел крупный ворон. Вайлет проследила за ее взглядом.

– Так вот, кто виновник трагедии! Ну, здравствуй дружок мистера Хеслера, – прошептала Вайлет и, увидев озабоченный взгляд Пэнни, поняла, что переборщила. Теперь милая женщина действительно подумает, что у нее не все дома. С мыслями вслух нужно быть поосторожней.

– Я о гнезде, – кивнула в сторону птицы Вайлет. – Совсем недавно в нем жило семейство чаек, а теперь вот.

– А ты об этом, – женщина всплеснула руками.

– Так вы не ответили об Игриде.

– Ну, знаешь, никогда не понимала современную музыку, а уж ее исполнителей с боевым раскрасом, тату и пирсингом на всех частях тела тем более.

– Нет, это к музыке отношение не имеет. Проклятье Игриды – вы что-нибудь слышали об этом. – Вайлет замерла, всматриваясь в недоуменное лицо.

– Э... честно говоря, нет. Тебе стоит поговорить с отцом Джаредом, возможно он знает об этом. Я надеюсь, что когда вернется Луис, вы навестите меня в Порт Силвер и я обязательно познакомлю вас с этим прекрасным человеком. Но я хотела спросить вот о чем. Вайлет, зачем ты убрала все часы из дома?

– Не выношу смотреть на циферблат... словно... Это не важно, просто не выношу часы. Они отвлекают, не дают забывать о проблемах. Понимаете?

– Ну, наверное. Что ж, мне пора. Надеюсь, не слишком тебя заболтала, – Пэнни развернулась на полдороге к машине.

– Как-то становится не по себе, зная, что ты остаешься здесь совсем одна. Может, поедешь со мной, и я познакомлю тебя со своими детьми. Уверена, вы поладите.

– Я не остаюсь одна, миссис Пэнни. К тому же каждый вечер ужинаю с сэром Хеслером, который не дает мне заскучать.

– С мистером Хеслером? – Воскликнула женщина и подозрительно покосилась в сторону маяка.

– Ну вот, опять ваше предубеждение, – вздохнула Вайлет.

– Х... хорошо, не буду отвлекать. До встречи.

Через некоторое время девушка услышала звук отъезжающего автомобиля. Ворона недовольно каркнула и, распушив перья, удобнее устроилась на теплом камне, пристально разглядывая Вайлет, которая тут же погрузилась в виртуальный мир, быстро застучав по клавиатуре.

Каждый день проходил по определенной схеме: Вайлет просыпалась с первыми лучами солнца, наскоро перекусывала и хватала компьютер, в надежде обнаружить в нем сообщения от Маркуса или наткнуться на информацию об Игриде. Затем разговаривала с Луисом, который сообщал очередные новости. Через день приезжала Пэнни: охала по поводу ее бледного вида и худобы. Готовила на целый отряд голодных скаутов, и уезжала недовольная, ведь Вайлет почти не прикасалась к угощениям.

С наступлением вечера Вайлет, сложив в корзину стирпню чрезмерно заботливой Пэнни, отправлялась к маяку, где засиживалась с Хеслером до темноты. Одно его присутствие успокаивало. Вид добрых, покрытых пеленой глаз придавал силы жить дальше, а его слова возвращали уверенность, возрождая безумную надежду.

– Неважно, что думают другие, Вайлет, главное, что чувствуешь ты. Надежда всегда оставляет отпечаток, оживляя, казалось бы, несбыточные мечты. Только ты можешь решить, куда тебе идти. Ты сама выйдешь на верный путь. Только нужно забыть о плохом, оставить позади. Темные мысли тянут назад, как камень, привязанный на шее, только в твоих силах разрубить эти путы. В твоих силах двигаться дальше.

Гаред напоминал отца, интонация и голос вызывали воспоминания. Она прониклась к этому мудрому и одинокому человеку симпатией, искренне привязавшись к нему. Наступил момент, когда Вайлет рассказал ему о Джеке, Луисе, Дэне, Майкле, о Файерлейке и ордене. Слова давались с трудом, и когда сухая жилистая рука осторожно взяла ее за ладошку, больше не могла сдержать слез. Вся боль и тоска вырвались наружу. Хеслер по-отцовски обнял ее, укачивая, словно младенца и молчал, давая ей время придти в себя, всматриваясь в темный горизонт.

– Я понимаю, что ты сейчас переживаешь. Боль потери – самая страшная боль, которую испытывает человек. Но за любым испытанием приходит награда – запомни это, Вайлет. Ты не можешь знать все наперед, и если не в этой, так в той жизни вы встретитесь и будете вместе.

– Так всегда говорил Джек.

– Джек знал, что говорил.

– Но, как же Луис?

– Что ты испытываешь к нему? Ты скучаешь, когда его нет, верно? Ты волнуешься за него, его прикосновения тебя волнуют?

– Он очень дорог мне, тоже очень дорог. Я не хочу причинять ему боль.

– Вайлет, ты не можешь сделать весь мир счастливым, но одного единственного человека – да. Так уж распорядилась судьба, и кто знает, правы ли мы, проклиная наносимые ей удары.

– Я никогда не забуду Джека. Не смирюсь с его потерей.

– Знаю, девочка, но Луис поможет тебе. Он пойдет на все ради тебя, даже уйдет в сторону, если это потребуется, но никогда не причинит страдания, понимаешь? Твоя душа в агонии. Ты желаешь, чтобы виновный был наказан, а что если виновного нет? Ты можешь очерстветь, думая о мести, можешь измениться, станешь другой, совсем другой, не той, которую любил Джек. Как ты думаешь, он хотел бы этого?

– Нет... не хотел, но я должна понять.

– Ты поймешь, обязательно поймешь! Ты многое пережила и стала мудрее, страдания закаляют и я уверен, ты обретишь счастье. Но стоит ли возвращаться на то место, стоит ли переживать боль вновь?

– Я уверена – стоит. Меня тянет туда, словно магнитом и я не могу совладать с этим чувством.

– Верно, как и меня к моему маяку. Тогда уверен, ты поступаешь правильно.

– Мистер Гаред, почему люди из города так предубеждены против вас? Откуда такая настороженность, равнодушие к вашей судьбе? Почему здесь нет ваших детей?

– Милая девочка, не суди никого. Кто вынесет такой скверный ворчливый характер, как у меня? Разве что сам ангел во плоти, – он чмокнул ее в макушку.

– Вы похоже на моего отца, – прошептала Вайлет и, заметив в уголках мудрых глаз слезы, смутилась.

– О... не обращай внимания, девочка. Я становлюсь с каждым годом все сентиментальней, расклеился как старая тряпка.

Гаред поспешно поднялся и, хлюпая носом, прошлепал в закуток, где находилась старая плита.

– Время ужина, – ворчливо пробасил он, включая плитку.

Черные птицы терпеливо разместились на окне, ожидая очередного угощения.

– Гаред, семейство чаек на «Спящей черепахе» в бухте погибло, это сделали вороны.

– Всегда приходит время кому-то умирать, а кому-то продолжать жить – этот цикл не изменить, – многозначительно протянул он. – Одни охотники – другие жертвы, одни волки – другие овцы.

– Это ужасно!

– Это жизнь, – он выглянул в окно. – С моря идет ураган, и если твой парень не поторопится, то долго не сможет проехать к бухте, подходы к которой превратятся в бушующие реки. Ты тоже не сможешь прийти сюда. Уровень воды подымется и будет небезопасно бродить по камням.

– Вы не знаете Луиса! И не знаете меня! – Она глянула на чистое без единого облачка небо. – Но откуда вы знаете, что близится ураган?

– Старые кости лучше любого прогноза, Вайлет. Эх, ну-ка погоди, – старик прошлепал к небольшой тумбочке, стоящей за диваном и принялся рыться в верхнем ящике. Она увидел

старые фотографии, письма и бумаги. Старик бубнил под нос, перебирая пожелтевшие от времени листы и, наконец, радостно вскрикнул.

– Вот она! – Он протягивал выцветшую, с потертыми краями, открытку. – Хотел подарить на память. В детстве часами мог разглядывать ее, так она нравилась, уж не знаю почему. Мать всегда ворчала на меня, все время говорила, что от нее мороз по коже, но меня она притягивала. Я всегда любил жуткие истории и древние легенды о Геракле и Тристане, о золотом руне и погибшей Трое и Хлое. Вот, держи.

Девушка осторожно взяла открытку в руки. Пока она разглядывала ее, Гаред без умолку болтал, рассказывая ее историю:

– Это открытка ручной работы точная копия старой фрески итальянского мастера Караваджо. Как она оказалась у меня, уже и не припомню, но открытка так заморозила, что я решил отыскать оригинал. После многолетних поисков случайно оказался в предместье Пирито, что в Южной Италии, рядом с Пальми. В монастыре «святой Елены» я и обнаружил древнюю фреску и был поражен мощью и силой, исходящей от нее.

К несчастью уговорить Лоренца, чтобы он продал гравюру, не удалось. Я так и уехал ни с чем, а затем жизнь закрутила, что я и думать забыл об этом.

Вайлет внимательно рассматривала рисунок, который действительно гипнотизировал, и невозможно было отвести взгляд.

Тяжелые тучи нависли над заброшенным старым кладбищем с покосившимися плитами и истлевшими кустами цветов. Случайно прорвавшийся сквозь густую пелену луч света освещает прекрасную полуобнаженную фигуру юноши с длинными до плеч темными волосами. Виден только точеный профиль и плотно сжатые губы, но этого достаточно, чтобы понять – парень прекрасен. Рука протянута к одному из надгробий с полустертой надписью, на которой сидит крупная птица. В мощном клюве зажат блестящий предмет – не-то цепочка, не-то медальон, а черные глаза бусинки ворона внимательно разглядывают человека, без испуга или беспокойства.

Впрочем, ничего не было необычного в рисунке, если бы не одно но – на спине прекрасного юноши большие черные крылья, а с руки стекает кровь, капая на смятые, поникшие головки цветов, так похожих на белые лилии.

– Этот рисунок пугает... – прошептала девушка.

– Не больше и не меньше, чем гравюры с изображением Армагеддона или гибели Помпеи.

– Кто изображен здесь?

– Это низвергнутый Ангел – Аниил, покровитель и защитник птиц... воронов – неприкаянных, ищущих прощения душ. Гравюра написана в семнадцатом веке.

– Почему вы решили расстаться с ней?

– Девочка, я очень стар. И хотел бы, чтобы моя фреска попала в достойные руки, – старик тяжело вздохнул. – Ты очень добрая Вайлет, и я знаю, у тебя все будет хорошо. Пусть это станет памятью о старом свихнувшемся старике. А теперь беги и не забудь просигналить три раза, когда доберешься домой, как и всегда, в противном случае, возьму ружье и отправлюсь на твои поиски. Ведь, кроме тебя никто не знает, что оно не заряжено.

Хеслер пытался шутить, но Вайлет заметила, как он отводит глаза, на которых блестели капельки слез.

Луч прожектора всегда освещал ее путь назад, и она вновь шла по узкой, усыпанной ракушками и круглыми камешками, дорожке. Иногда девушка замечала осторожное движение в глубине ночи, и долговязая фигура в капюшоне появлялась на миг на границе света и темноты. Страх уступил место молчаливой решительности. Она намерено не рассказывала об этом Луису, предвидя его реакцию.

Если они нашли ее первыми, так даже лучше – это лишний раз доказывает, что она права. Ничего не закончено и орден возрождается. Если Вайлет не остановит хранителей, то никогда

не будет жить спокойно, ведь они будут продолжать ломать судьбы невинных людей. Милый Гаред не прав в одном: ее тянет на дно не темнота в душе, а безнаказанность упырей, превративших ее жизнь в ад.

Уничтожить осиное гнездо можно, лишь добравшись до матки. Значит нужно выяснить, где она затаилась. Старейшина Катано знает намного больше того, что говорит и ему придется рассказать все. Хочет он того или нет.

К закату следующего дня океан почернел, тяжелые тучи закрыли небо, одна за другой молнии сотрясали его, разрывая на части, а усиливающийся ветер поднял громадные волны, которые с грохотом обрушивались на берег, разбиваясь на миллионы ледяных брызг. Подходы к маяку ушли под воду, и девушка тоскливо смотрела на скупой свет прожектора, скрытый в глубине холодной дымки. Особняк сотрясался от ураганного ветра, словно карточный домик, свет мигал, а затем и вовсе потух.

Телефон не работал, и они разговаривали с Луисом теперь только через интернет. Он сообщил, что завтра возвращается в бухту и не оставит ее в одиночестве больше ни на час. Луис внимательно всматривался в окно камеры, видимо пытаясь понять настроение Вайлет, и когда она улыбнулась, а ямочки появились на бледных щеках, вспыхнул:

– Ви, я больше не вынесу разлуки. К черту упертого Катано, мы вместе решим, как заставить его помочь нам.

– Прошу не рискуй. Вода залила шоссе и слишком опасно сейчас возвращаться. Когда ураган утихнет...

– Это продлится не один день! – Вскричал он. – Я не позволю, чтобы ты была там одна. Зная, что ты ни за что не согласишься отправиться в Порт Силвер, хотел попросить миссис Боуден присмотреть за тобой, но не могу дозвониться на ее сотовый.

– О, нет. Не нужно никому звонить! Я умру от переедания, если Пэнни поселится здесь. Это всего лишь ветер и дождь, Луис. Что может случиться?

– Ты потрясающая, знаешь? Девчонки боятся оставаться одни, да еще в такое время. Но не ты, ты... необыкновенная, – он с нежностью смотрел в глаза. – Ты другая, и я не хочу больше оставлять тебя. Жди меня завтра и, надеюсь, хоть со мной ты поужинаешь.

– Значит, Пэнни разболтала! – Вскрикнула Вайлет. Луис засмеялся, и она осознала, как сильно по нему скучает.

– Она просто волнуется. Говорит, что не понимает, как ты вообще еще живешь при таком-то режиме.

– Сегодня она не приезжала. Я просила Пэнни остаться дома. Пусть хоть немного отдохнет от моего вечно недовольного вида при виде зажаренных куриных крылышек.

– Это неправильно, – нахмурился он.

– Джек, батарея скоро разрядится, – сказала Вайлет и замерла, видя, как расширяются глаза Луиса. – О, Господи, – застонала девушка, закрыв глаза. – Луис, прости.

– Тебе не за что извиняться, Ви... Просто... жди меня.

Окно монитора потухло. Девушка закрыла крышку ноутбука и долго смотрела на спящий компьютер.

– Джек, Джек, где ты? – Шептала она, раскачиваясь из стороны в сторону. – Джек, как ты посмел уйти? Как посмел оставить меня... Джек!

Тихий шепот тонул в грохоте буйствующей стихии. На мгновение комната освещалась голубым призрачным светом, когда очередная молния пронзала небо. Тени в доме вытягивались, принимая причудливые формы. Формы так похожие на скрытые во мраке фигуры в длинных плащах.

Когда очередной раз ударил гром, и зарево осветило землю, Вайлет увидел человека, прильнувшего к самому окну гостиной, в попытке заглянуть внутрь комнаты. Ливень хлестал

по натянутому до самых глаз капюшону, ручьем стекая по широким плечам. Она отвернулась, спокойно закрыв глаза.

«Там никого нет, и на дорожке от маяка тоже никого не было»!

На кухне хлопнуло окно, и стекла зазвенели, усеивая полированную поверхность пола. Холодный воздух коснулся лица, будто кто-то нежно провел по щеке, стирая остатки слез. Она жадно втянула носом знакомый до боли запах и еще сильнее зажмурилась, не желая терять тончайшую нить иллюзии, пришедшей вслед за этим.

– Джек... – прошептала она, почувствовав, как прохладные пальцы прикасаются к лицу. – Только не уходи.

– Куда же я уйду от тебя, Фея, – раздался хриплый голос.

– Никуда, – улыбнулась Ви, вздохнув. Нежные руки коснулись волос, погладили по голове, успокаивая, словно маленькую девочку.

– Так плохо без тебя, – шептала Вайлет.

– Мне тоже плохо без тебя, – отвечал голос. – Но это кончится. Мы все равно будем вместе, не в этой, так в другой жизни, Фея.

Раствориться в волнующем воображении. Не открывать глаз. Не видеть жестокой правды, не принимать горького разочарования – только этот запах, нежные губы, шепот и его горячее дыхание на своем плече. Если бы это могло продолжаться вечно, она с радостью слилась бы с ней, не размышляя ни секунды. Жить во сне, жить в этом сне – все, что ей сейчас необходимо. И пусть она чувствует сильные руки только в своем воображении – нет ничего прекраснее этого.

Хоть на миг поверить в счастье, которого больше не будет. Хоть на мгновение возродить надежду, которая умерла безвозвратно. Хотя бы еще раз обнять его, хоть это и невозможно.

Резкий стук безжалостно вернул назад в мир полный тоски и боли. Вайлет не желала открывать глаза, цепляясь за исчезающую, словно эфемерная тень, призму сна. Только не так скоро, только не теперь, когда вновь почувствовала себя счастливой, поверив в его присутствие! Но стук повторился снова и снова, громче и настойчивей.

Вайлет разлепила глаза и зажмурилась от света, ударившего по глазам. Кто-то светил лучом фонарика прямо в окно. Хотя уже был день, но тяжелые тучи, закрывшие солнце погужали дом в сумерки.

– Мисс Шелдон, откройте дверь – это полиция!

Она приподнялась на диване, растерянно оглядываясь по сторонам. Рядом на широком подлокотнике стоял ноутбук, а шерстяной плед валялся тут же на полу. Она даже не заметила, как уснула. Она даже не помнила, что ходила за пледом в спальню.

Гулкий вой ветра, срывая листья, продолжал сотрясать деревья. Кусты софоры, растущие под окнами, погибли. Выдернутые с корнем их бросало на голых камнях, относя к морю, где гигантские волны, пенясь, обрушивались на пустынный берег. Ливень прекратился, но грохот за окном от этого не стал тише.

– Мисс Шелдон, откройте!

Только теперь Вайлет повернулась на звук голоса. Две сгорбленные фигуры колотили в стеклянную дверь, грозя разнести ее вдребезги. Длинные зеленые плащи делали их бесформенными, а капюшоны – безликими.

– Так быстро, – прошептала Вайлет и решительно направилась в их сторону.

Мужчины вошли в дом и сами закрыли за собой дверь. Ворвавшийся вместе с листьями и пожухлыми цветочными головками ветер обдал холодной сыростью, прогоняя последние остатки сна. Она хмуро смотрела на незваных гостей.

– Извините, если мы не ошибаемся, вы – мисс Шелдон, – наконец сказал один из них, откидывая капюшон. Слегка прищуренные глаза окинули хрупкую фигурку с ног до головы – Можно? – Спросил он и, не дождавись ответа, вздохнул и расстегнул плащ, под которым

оказался полицейский мундир, второй тоже снял плащ, но под ним – дорогой серый костюм и в тон ему рубашка, галстука не было. Полицейский расстегнул верхнюю пуговицу и дернул за ворот, словно ему не хватало воздуха.

– Извините за вторжение, – пробормотал первый, который оказался моложе напарника лет на десять, на черных, как смоль волосах блестели капельки дождя. – Телефон не работает, поэтому мы не могли с вами связаться. Позвольте представиться: детектив Таун и детектив Грин, – он кивнул в сторону хмурого напарника, который тем временем внимательно рассматривал гостиную и, казалось, не обращал на нее никакого внимания.

– Чем обязана? – Недружелюбно спросила Вайлет.

– Вы не возражаете, если мы зададим несколько вопросов?

– Разумеется, только покажите сначала ваши значки.

Грин хмыкнул, и первый полез в карман.

– Похвально, – прогнусавил он, будто был простужен. – Полиция округа Лодердейл, отдел расследования. Мы могли бы присесть?

Девушка пристально вглядывалась в протянутые значки.

– Простите, – прошептала она. – Просто я, наверное, немного напугана – этот ураган, изоляция от города, ваше неожиданное появление.

– Конечно, мисс.

– Вайлет, – сказала она и улыбнулась. Бледное лицо Таун тут же пошло красными пятнами, его напарник неодобрительно крикнул и прошел в центр гостиной, оставляя на полу грязь и комья земли. – Могу предложить горячего чая или кофе.

– С удовольствием, – воскликнул Таун.

Пока она готовила кофе, копы, спросив разрешение, осмотрели дом. Девушка услышала, как один из них свистнул, увидев разбитое стекло в кухне.

– Значит, вы живете здесь совсем одна, – прогнусавил Грин, прищурив глаза. Вайлет протянула горячий капучино.

– Нет. – Сказала она. Лгать не стоило, прежде чем приехать сюда, они наверняка выяснили все о новых хозяев бухты.

– А с кем? – Грин казался бывалым копом, у которого за всю карьеру не найдется ни одного не раскрытого дела. Держался он уверенно и расслаблено, но зоркий взгляд продолжал ощупывать каждый фут дома. Таун же казался беспечным, и тут же плюхнувшись в одно из кресел рядом с потухшим камином, с неприличным чмоканьем отпил из кружки.

– Здорово, спасибо. Чертовски замерз, пока добрались до вас.

Грин неодобрительно покосился в его сторону.

– С другом, – ответила Вайлет. – Луис Смол.

– Почему вы решили приобрести недвижимость именно в бухте Надежда?

– Мы не приобретали. Мы получили по завещанию, – голос сорвался, и это не укрылось от Грина.

– Вы хотите сказать, что Керол Харисон оставила вам дом?

– Этот вопрос заинтересовал отдел расследования? Вы приехали ради этого?

– Пожалуйста, мисс, просто отвечайте на вопросы, – жестко сказал Грин. – Если вы думаете, что мы ради забавы тащились по такой чертовой погоде в бухту, то ошибаетесь.

– Э, просто давайте поговорим спокойно, – вскочил с дивана Таун. – Вайлет, пожалуйста, присядьте, – он галантно подал руку.

– Мы никоим разом не пытаемся ущемить ваши права, но поймите и нас. Вы новые люди в наших краях, а мы представители закона и обязаны знать, зачем вы приехали сюда.

– Зачем люди покупают дома?

– По разным причинам, Вайлет.

– Я думаю, вы лукавите.

– Барти, пожалуйста, зовите меня Барти, к чему этот официальный тон. Брось, Дрю, она всего лишь напуганная девочка, можешь хоть раз быть повежливей.

– Если бы я вел себя, как ты парень, то до сих пор ходил бы в помощниках, смекаешь, о чем я?

– Каждому свое!

Разыгрываемый спектакль в плохого и хорошего полицейского мог означать одно: приезд копов вовсе не связан с ознакомительной поездкой. Отдел расследования подобными делами не занимается.

– Мисс Шелдон извините за недружелюбный тон, – проворчал Грин. – У меня выдалась чертовски трудная ночь, и я хочу поскорее закончить с формальностями и оказаться дома в тепле, рядом со своей старухой и рюмкой хорошего бурбона.

– Вы не виноваты, – вздохнула девушка.

Пожилой коп, рассеяно пригладил начавшие сесть волосы, и заглянул в кухню.

– Давно уехал ваш друг? – Он вытащил из кармана небольшую записную книжку в синей обложке и тут же что-то записал. Его образ воскресил в памяти другой, казалось бы, из прошлой жизни – шериф Гордон деловито расхаживает по их дому в Фаейрлейке в ночь исчезновения Майкла

– Две недели назад.

– И вы все это время был здесь одни, – воскликнул Таун.

– Ну, не совсем, – Вайлет раздумывала, рассказать ли о старике Хеслере, и решила – не стоит.

– То есть, – прервал раздумья Грин.

– Мы общаемся с Луисом через сеть. Знаете, такое ощущение, что он вовсе не уезжал. К тому же меня навещает Пэнни Боуден из Порт-Силвера. Она прибирает дом и не дает умереть от голода.

– Не дает умереть, – задумчиво протянул Грин, чиркнув в блокноте. – А вы можете сказать, куда и зачем он уехал?

– Он отправился в округ Лейк в резервацию ГриндБэй. Мы решили, что вернемся туда.

– Вы?

– Да, я и Луис.

– После той трагедии, что произошла там год назад, я бы не рисковал, – сказал Таун.

– Трагедии... – Вайлет растирала кончиками пальцев виски, которые будто пульсировали, прогоняя по сосудам горячие сгустки боли. Этот шум за окном начинал сводить с ума.

– Да, чудовищное по масштабам землетрясение. Весь город буквально превратился в руины, словно Помпеи.

Вайлет недоуменно подняла на него глаза.

– Э... извините, неудачное сравнение, – пожал плечами Таун.

– Почему вы хотите вернуться туда, мисс Шелдон, – пробасил из кухни Грин.

– Потому что... – она хотела сказать «там моя земля, там Джек», но прикусил губу.

– Да, мисс Шелдон?

– Потому что там очень красиво.

– Вы все-таки ответите на мой вопрос, почему Керол Харисон оставил вам этот дом, – полицейский вышел из кухни и опустился в кресло прямо напротив нее.

Сильный удар ветра опрокинул вазу на столе в кухне, которая, рухнув на пол, разбилась. Небо пронзила молния, и через несколько секунд пришел гулкий раскат грома.

– Этот дом оставила не миссис Харисон, а Джек ее сын.

– Я видел игру «Орланов» в прошлом сезоне. Отличный квотербек, его «полет в невесомость» буквально взорвал трибуну. Такого я сроду не видел.

Пожилой коп кхекнул, метнул взгляд в сторону напарника.

– Вы были близки с Джеком Харисоном? – Спросил он.

– Он лучший друг Луиса, они с детства вместе, понимаете?

– Простите, но нет. Зачем молодому перспективному человеку отписывать дом пусть и лучшему другу. Подарок? Но такое даже в голову не может прийти. Особняк стоит целое состояние, откуда у парня такие деньги? Вы что-нибудь знаете о религиозной организации, именуемой себя «Хранителями земель»? – Его глаза превратились в две узкие щели, пальцы левой руки нервно барабанили по подлокотнику кресла.

– Нет, – резко ответила Вайлет.

– Нет? Керол Харисон являлась одной из ее членов. Вы знали об этом?

– Я же сказала, что не имею об этом ни малейшего понятия.

– Хорошо, допустим. Тогда почему Джек Харисон оставил бухту Луису Смолу?

– Боюсь, на этот вопрос может ответить только Джек, – девушка опустила лицо, отчаянно пытаюсь сдержать подступающие слезы.

– Мисс Шелдон, – выдохнул Грин. – Молодая красивая девушка живет одна в большом доме, вдали от людей и, похоже, ее вовсе не тяготит одиночество. Такое ощущение, что вы прячетесь от кого-то или скрываетесь?

– Скрываемся?

– Не поймите меня неправильно, но такой вывод напрашивается сам собой. Вы понимаете, мы приехали не для приватной беседы или потому что нам захотелось. Все это выглядит более чем странно.

– Вы знаете, что случилось в Файерлейке? Воспоминания до сих пор свежи, а боль от потери дорогих людей вынуждает пренебрегать обществом, где любопытство и даже любое напоминание вызывают безумную душевную боль. Я прячусь здесь, чтобы скорее прийти в себя, постараться жить дальше, понять, что делать.

Барти Таун вздохнул, качнув головой:

– Мы вовсе не хотели лезть к вам в душу.

– Понимаю, но мне от этого не легче.

– Скажите, вы прожили здесь две недели, не замечали ли вы посторонних, может какой-нибудь бродяга шлялся поблизости?

Вайлет качнула головой. Находиться под пристальным взглядом Грина было не по себе.

– За две недели, я видела только Пэнни.

– А когда в последний раз она приезжала к вам? – Прогнусавил Грин.

– Три дня назад. Она должна была приехать вчера, но видимо из-за надвигающегося шторма передумала. Телефон не работал, и я не могла с ней связаться.

– Только она одна к вам приезжала? – Таун прикоснулся к ее руке, и она подняла на него взгляд.

– Я уже говорила – да. А что не так? – Холодок прокрался к самому сердцу, заставляя его замереть.

Таун отвел глаза и поднялся, протопал к витрине окна и выглянул наружу. Тогда девушка посмотрела на Грина.

– Мистер Грин, что-то произошло?

– Почему вы так думаете? – Он не отрывал глаз от побледневшего вмиг лица.

– Потому что у меня нехорошее предчувствие. Ведь вы...

– Вы правы, мисс Шелдон, – тихо сказал Грин. – Сегодня ночью миссис Пэнни Боуден была найдена мертвой. Ее убили недалеко от бухты, прямо на краю леса. Кто-то преградил машине дорогу и заставил выйти. Она пыталась спастись бегством, но ее нагнали прежде, чем она успела позвонить в полицию. Сотовый был зажат в руке, Пэнни успела лишь нажать цифру один.

Вайлет охнула и вскочила с дивана.

– Ее бы долго не нашли, но проезжающий мимо коммивояжер случайно заметил бампер автомобиля, когда остановился в том месте и пошел отлить. Если человек, совершивший убийство еще здесь, то вам грозит опасность. Понимаете? Вы должны уехать отсюда или мы можем на время, пока не вернется ваш друг, предоставить помощь и оставить в бухте дежурного полицейского.

Она не слушала. На ватных ногах Вайлет прошла в кухню и налила в бокал воды. Пока жадно пила, полицейские молчали.

– Мисс Шелдон, я мог бы остаться здесь, пока не приедет ваш друг, – раздался от двери голос Тауна.

– В этом нет необходимости, – ответила она, не узнав собственного голоса. – Луис вернется уже вечером.

– Он не сможет пробиться к вам через шоссе двенадцать.

– Вы же смогли.

– Мы знаем здесь каждый поворот, каждую колдобину, мисс, и боюсь к вечеру погода только ухудшится. Вот-вот снова хлынет ливень, и видимость будет нулевая.

– Луис вернется вечером, – снова сказала она и решительно развернулась.

– Хорошо, – сказал пожилой коп и поднялся, прошел к двери и снял с вешалки плащ.

– Вам решать, но если понадобится помощь, мы не сможем приехать сюда быстро, вы это понимаете?

– Да.

– Последний вопрос, Пэнни Боуден не говорила вам, что ее кто-то преследует или запугивает? Может, она видела что-нибудь необычное? Ее поведение в последний раз, когда вы встречались, не показалось подозрительным, тревожным, испуганным?

Полное с крупными веснушками на носу лицо Пэнни стояло перед глазами, ее осуждающий взгляд по поводу диеты Вайлет не выражал скрытый испуг или беспокойство. Вайлет качнула головой. В горле появился горький комок, и она не смогла вымолвить ни слова.

– Если вдруг что-нибудь вспомните или увидите здесь чужака, что-нибудь подозрительное или необычное сразу свяжитесь со мной. В любую минуту, подчеркиваю, в любую минуту, – от простодушия и, казалось бы, юношеской наивности Барти Тауна не осталось и следа. Она видела перед собой профессионала: собранного, сосредоточенного, не упускающего ни одной мелочи.

– Вот, возьмите, – сказал он, вкладывая в ее холодную ладошку что-то белое и мягкое. – Это лежало под вашим диваном, – добавил он.

Она наблюдала через окно, как копы, сгорбившись, побежали к припаркованному на подъездной дорожке джипу. По стеклу забарабанили первые капли, и уже через минуту хлынул такой сильный ливень, что дальше, чем за пять ярдов ничего нельзя было разглядеть.

– Девочка многого недоговаривает, – садясь в машину, прокричал Барти Грину. – Никогда не встречал такого психологического типажа – с одной стороны непонятная мне ярость и холодная решимость, с другой стороны хрупкость, ранимость и страх, но страх не за себя, за другого. Тщательно маскируемая за равнодушным безличием боль и фанатичная убежденность в своих силах. Будто ей лет пятьдесят или того больше, столько в ней накопленного горя и скрываемого отчаянья, разочарования в жизни, в людях. И она прекрасна, как сама сказка, но не достигаема, как сама мечта, а зеленые глаза могут свести с ума любого.

– Тебе виднее, – прохрипел Дью Грин, заводя мотор. – Ты ведь у нас лучший психоаналитик! Твой вердикт?

– Нужно как следует присмотреться к этой парочке. Чутьем чую – что-то здесь не так, и еще. У меня друг некоторое время работал в полицейском управлении Файерлейка, вернее он друг моего отца, но суть дела от этого не меняется. Возможно, он сможет много порассказать, если...

- Если?
- Если захочет.
- Да? И кто это, мать его?
- Бенкс. Чак Бенкс, слышал о таком?

Грин свистнул.

- Крепкий орешек и профессионал, каких поискать!
- Именно, мистер Дью, – хмыкнул Таун, натягивая на глаза капюшон.
- Слышал, у него были проблемы.
- А у кого их нет в наше-то время! Корвин с командой прочесывают территорию маяка.

Может, ублюдок, который сотворил такое, затаился именно там?

– Возможно и так. Мы это скоро узнаем, Барти.

– Если не против, я вздремну часок, пока мы не доберемся до Порт-Силвера. Мне ведь еще отчет строчить, – зевнул парень.

– Давай, валяй, напарник! – Хмыкнул Грин и ударил по тормозам, дернув рычаг коробки передач.

Пелена дождя скрыла из глаз джип. Молнии теперь сверкали одна за другой. Вайлет задумчиво посмотрела в сторону маяка, в окне отразился ее расплывчатый силуэт, развернулась, прошла к дивану, где стоял компьютер. Включила и только теперь вспомнила, что продолжает сжимать кулак, в который что-то сунул мистер-загадка Таун. Она медленно разжала руку.

Прямо посреди ладони лежала скомканная смятая головка белой лилии.

– Откуда?

Компьютер пискнул, показывая пришедшее сообщение.

– Вайлет, у меня имеется информация на ваш запрос. Переведите указанную сумму на этот счет, после чего я свяжусь с вами. Нам необходимо встретиться лично. Данная информация не может быть выложена в сети или выслана по электронной почте, а передана только при встрече. О месте и условиях сообщу дополнительно. Никто не должен знать об этом и присутствовать при передаче данных. Письмо самоуничтожится через три минуты после открытия. Маркус.

– Мистер Хеслер, – прошептала она, – вы правы: неважно, что думают другие, важно, во что веришь ты...

7

Фред икнул, чертыхнулся и потряс головой. Руки дрожали так, что попасть в замок удалось не с первой попытки.

– Гребаное виски, – прохрипел он.

Тошнота поднималась из глубины протестующего желудка. Время эйфории прошло слишком быстро, а прекрасный вечер закончился головной болью и похмельным синдромом. Плюс ко всему, он поцапался с Рейчел, которая обозвала его безобразной обезьяной за грубую попытку поцеловать, обдавая ее запахом перегара и сигар.

– Ну и катись ты, – буркнул он. – Сама прибежишь, подумаешь, принцесса!

Наконец ключ оказался в замке, и парень вошел в темный номер отеля Слипихилл.

– Добро пожаловать домой, – буркнул он. – Ложись спать в кровать, на которой до тебя перебивало человек сто или двести.

Как он ненавидел эти разъезды, бесконечные погони за все время ускользающей впереди тенью и обещаниями, что осталось немного, и скоро он сможет возглавить орден. Да! Осталось добавить, это произойдет после того, как он доставит к ним девчонку. И на кой черт она сдавалась? Почему все вновь крутится вокруг нее?

Он думал, что разделавшись с главным конкурентом на пути к заветной цели, получит желаемое. Он думал, что только Джек отделяет его от этого. Он думал, что не составит труда убедить всех в том, что он истинный хранитель, а Джек – одна большая ошибка.

– Надо же, гребаный любимчик, и где ты теперь? – Хмыкнул он. – Слился с природой!

Он засмеялся и тут же поперхнулся, когда голова пошла кругом, а в затылок будто ударили кулаком. Фред, щелкнув выключателем, застонал, когда свет больно резанул по глазам, зажмурился и с вытянутыми руками направился к центру просторной комнаты, где стоял широкий угловой диван, обтянутым тошнотворным светло-голубым флоком с темно-синими и черными лепестками. И какой придурок догадался обтянуть его такой тканью?

Парень шлепнулся на мягкую обивку и потерял виски кончиками пальцев. Да, он всегда завидовал этому выскочке – внимание, забота, которыми его окружали незаслуженно. Почему его выбрала Афения, тупая старая корова?! Почему Джека, а не его? Ведь тогда все было бы по-другому, и не пришлось бы гоняться за призраками, полагаться на всяких придурков и ждать с моря погоды.

Почему лучшие девчонки достались ему, что эта Шелдон нашла в Джеке, и почему отвергла его? Почему Рейчел тайно вышла за него замуж, не сказав не слова? Почему они все не ставили Фреда в расчет, ведь у него есть деньги, власть, он не дурен собой, тогда какого хрена им надо?

Рейчел продолжает строить из себя безутешную вдову, смотреть тошно. Шелдон же горько пожалеет о своем выборе, и будет умолять его, когда останется одна. Да, когда она останется совсем одна, уж он постарается, он все припомнит. Ведь теперь некому прийти ей на помощь. Осталось-то всего ничего. Устранить эту пешку Луиса, гребаного телохранителя, и дело в шляпе.

Желать смерти кому-то и самому убить человека – две разные вещи. Уж кому как не Фреду это знать. То, что произошло возле чаши «Подношений», долго приходило в кошмарах – посиневший Дэнни, со свисающим багровым языком, протягивал к нему скрюченные пальцы, шипя, как обкурившаяся гадюка, а из дырищи в груди сочились зеленая гниющая жижа, от вони которой слезились глаза и перехватывало дыхание.

Фред боялся ежечасно, ежесекундно, что за ним придут копы, упрячут за решетку, но время шло и ничего не происходило. Землетрясение уничтожило все следы, а единственный свидетель должен скрываться, чтобы защитить девчонку. Единственный свидетель, до которого он, Фред, скоро доберется, чтобы закрыть его вонючий рот навсегда.

Он зевнул, скривившись от запаха перегара, и только теперь заметил в проеме спальни темный силуэт. Он хмыкнул, стянул с себя футболку и зашвырнул в противоположный угол. Медальон на груди в свете люстры тускло блеснул, глаз в центре треугольника будто ожил, переливаясь матовым светом.

– Ну, извини, – бросил он фигуре в проеме. – Совсем забыл! Забыл, что у нас назначена встреча.

– В нашем деле такого быть не должно. Ты все провалишь, Фред! Ты еще хочешь быть главным хранителем, – человек сделал шаг вперед.

– Я же извинился, что еще нужно. С кем не бывает?

– Со мной не бывает и с другими, которые рядом с нами.

– Да, бросьте, сэр! У всех нас есть слабости.

– Ошибаешься. В нашем деле этого быть не должно, повторил он. – Все слабости ты должен оставить в прошлой жизни, иначе все бесполезно. Это последний раз, когда я говорю об этом, иначе мне стоит поискать другую кандидатуру.

Веселость Фреда вмиг исчезла, лицо исказила ярость.

– Не стоять этим шутить. Я много через что прошел, чтобы сворачивать, сэр, и дойду до конца. Плевать, через кого перешагивать, понимаете? – Зловеще прошептал он. – И не стойте там, как, мать его, мессия на проповеди. Я не мальчишка выслушивать ваши нравоучения.

Человек хмыкнул и шагнул вперед на свет. Строгий деловой костюм подчеркивает начинающую полнеть фигуру, галстук в коричневую полосу идеально доминирует с дорогими лакированными туфлями и темным цветом пиджака.

– Мистер Лестер, для начала здравствуйте. Даже не спрашиваю, как вы проникли в номер.

Адам Лестер достал из кармана брюк платок и вытер потеющую затылочку, подозрительно поглядывая на Фреда. Затем протянул ему белую пилюлю:

– Выпей это.

– Что за хрень!

– У меня мало времени ждать, когда ты протрезвеешь, парень. Или ты выпьешь таблетку, или я уйду, и разговор не состоится, а значит, вынужден буду сообщить в совет о твоей некомпетентности. Мало того, что ты забыл о встрече, к тому же явился пьяный как... – он презрительно сморщился.

– Я попросил бы быть поосторожнее в высказываниях, – рявкнул Фред, выхватив таблетку из протянутых рук. – Черт, это что, собачье дерьмо? – Скривился он, когда горечь расплзлась по пищеводу.

Банкир хмыкнул, достал жвачку и протянул парню, тот, не говоря ни слова, вырвал ее из рук.

– Итак, давай перейдем к делу, – сказал Лестер, расхаживая взад-вперед, заложив руки за спину, как школьный учитель перед аудиторией. Фред со злостью наблюдал за ним, интенсивно работая челюстями.

– Твоим ребятам удалось обнаружить Вайлет?

– Я посылал вам отчет о Марлоу.

– Вы были в двух шагах от нее и не могли задержать?

– Слушайте, сэр. Если бы это был так просто – она давно была бы у вас, разве нет? Девчонка испарилась прямо из-под носа, в парке, будто растворилась среди деревьев. Этот чертов туман был таким густым, что не было видно даже собственной вытянутой руки. И еще эти гребаные птицы подняли такой шквал, что грозили привлечь копов, которые усиленно патрулировали улицы. Вам известно почему? И почему она оказалась именно в этом городе и именно в это время?

– Это к делу не относится, Фред. Говоришь, птицы подняли крик?

– Да, глупые вороны. Наверное, мы были рядом с их гнездом? Черт, да это и не важно! Вы не прекратите ходить, будто маятник? У меня такое ощущение, что мои глаза сейчас лопнут от вашего матания туда-сюда?!

– Как сказать, – задумчиво протянул Лестер и остановился. – Птицы... не птицы... – Он опустился рядом с Фредом и хмуро посмотрел прямо на него. От этого взгляда парню сделалось не по себе – глаза напротив казались безумными, в их глубокой темноте затаилась злость.

– Ты знаешь, что произошло с Афенией? А ведь она могла просчитывать шаги на много ходов вперед, к тому же обладала отличной интуицией и могла заставить любого сделать то, что необходимо или почти любого. Но Джек оказался хитрей: он задушил настоятельную и сорвал ритуал, после чего все пошло не так. К великой для нас удаче, он не выбрался из пещер, и только поэтому мы живы. Это ты понимаешь?

– Я все знаю и без вас, не стоит лишний раз напоминать.

– Все верно, Фред, но что ты скажешь на то, что обещания о твоём посвящении всего лишь хитрая уловка, и кто-то вовсе не собирается назначать тебя хранителем. Что ты скажешь на то, что кто-то из совета решил приберечь место для себя. Ведь такой случай выпадает раз на

тысячу, а тебя просто используют. И чтобы все прошло правильно ему нужно провести ритуал. Тот же ритуал, вернувшись в место, где все началось – в храм.

Фред побагровел, сжал кулаки и выплюнул жвачку под ноги.

– Поэтому так быстро выделили инвестиции для восстановления монастыря?

– Именно... именно поэтому им нужна девчонка: ее смерть, ее кровь даст право тому, кто совершит жертвоприношение вступить в истинные права. Ты же знаешь, к чему это обязывает и что дает. Ты к этому все время стремился. Ведь в тебе течет кровь одного из семерых, и ты единственный, кто должен унаследовать титул. Ты должен оберегать это место и хранить знания, передавая следующему поколению. Они просили доставить девчонку, чтобы совершить ритуал, если ты не опередишь их. Нет ее, нет возможности занять место Афении, но ты... ты можешь доказать, что не пешка в разыгранной комбинации.

– Сэр, вы намекаете, что я должен убить Вайлет? – Фред громко сглотнул, такого расклада дела он не ожидал.

– Только ты и никто другой. Запомни, и только в одном месте, если и не в храме, то на земле Файерлейка, запомни это. Подумай, что важнее для тебя, жалость к Шелдон или быть главным хранителем вместе с Рейчел со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ты должен заманить ее в Файерлейк.

– Но обмануть совет не удастся! Что будет, когда все откроется?

– Я помогу тебе, а когда все произойдет им ничего не останется, как признать тебя, потому что та сила, которую получишь по праву, заставит подчиниться такому решению: твоему, а не их. Совет должен, обязан будет сотрудничать с тобой. Иначе и быть не может.

– Отчего вдруг такая забота обо мне? – Прищурился Фред. – Ты-то что с этого поймешь? Ради чего тебе рисковать, ведь если дело не выгорит, не думаешь же, что я один стану отвечать за провал?

– Фред, ты никогда не жил по правилам. Никогда не соблюдал законы. Никогда не верил людям. Ты берешь, что хочешь и живешь, как хочешь, так к чему задавать вопрос, ответ на который очевиден. Мне надоело быть мальчиком на побегушках. Я уже не молод и мне необходимо что-то более материальное, чем рабское служение совету и подчинению его законам. Я всю жизнь прожил под колпаком сводов и ограничений, не хочу больше.

Мне нужна свобода и право выбора. Ты дашь мне это, ты сможешь решить. Скажем так: мне будет достаточно небольшого острова вблизи австралийского континента и приличный счет, дабы скоротать оставшиеся деньки в спокойствии и удалении от проблем хранителей.

– Ты хочешь сбежать? – Фред поднялся. Стало холодно, в открытое настежь окно ворвался шум дождя и ночная свежесть. Кожа покрылась мурашками, он подошел к встроенному в стену шкафу и достал рубашку.

– Мистер Лестер, вы думаете, я поверю в бред о всемирной усталости и затерянном острове? Зная вас, могу предположить, вы, говоря простейшим языком, вешаете лапшу на уши. Вспомните семейство Шелдонов и папочку решившего удалиться от дел. Что с ним произошло, дайте-ка вспомнить?! Ах, да! Несчастный случай на дороге! Надо же какое совпадение, похоже, он и вправду удалился от дел.

– Фред, ты можешь верить или нет, твое право. Ирония здесь лишняя. Только когда все произойдет, и тебя просто вышвырнут, как надоедливую щенка выполнять мелкие поручения и подтирать зад за главным хранителем, вспомнишь мои слова. К тому же...

Лестер подошел вплотную, хитро заглядывая в глаза:

– Тебе разве не хочется отплатить Джеку? Он перевернется в гробу, зная, что ты прикончил его девчонку. Ведь ты так и не смог лично с ним покататься. Неужели ты просто проглотил обиду? То, как он унижал тебя при всех, насмеялся, я бы подобного не вынес. Но ты ведь сильный мальчик, и, похоже, прощаешь всем тем, кто бьет тебя по носу?

Фред взревел и, подлетев к журнальному столику, швырнул его об стену. Лестер тут же оказался рядом.

– Я знал, ты не из тех, кто прощает, – шептал он на ухо. – И ты добьешься всего, чего захочешь. Пусть мои мотивы тебя не тревожат. Я не причиню вреда и всегда прикрою, но ты должен обещать, что выполнишь условия, когда придешь к цели.

– Хорошо, – процедил сквозь зубы Фред. – Гребаный ублюдок поплатится сполна. Если не он, так те, за кого он душу рвал, и этот жалкий полукровка пойдет под раздачу первым. Когда храм будет восстановлен?

– К следующему лету, если ничего не помешает.

– Ничего не помешает, – прохрипел Фред. – Передай совету, я сделаю все, что в моих силах. Постарайся убедить их в моей преданности, а пока...

– А пока мы будем готовиться. Время у нас есть, нужно собрать информацию об этом... Луисе. Ты прав, сначала займемся им. Он единственная преграда на пути к девчонке.

– Ошибаетесь, сэр. Если они вернуться в ГриндБэй на их стороне будет резервация, индейцы станут на ее защиту.

– Значит нужно постараться, чтобы они туда не добрались, – оскалился Лестер улыбкой крокодила, заманившего к водопою антилопу.

После того, как банкир ушел, Фред долго не мог найти места и метался по номеру, словно безумный в одиночной палате. Он не хотел смерти Вайлет, которая продолжала нравиться, не смотря ни на что, а ее неприступность просто сводила с ума. С другой стороны жажда власти быстро перевесила чашу весов не в ее пользу, а мысль о том, что стало бы с Джеком, знай он об этом плане, распаляла еще больше.

С кем он мечтал разделаться так это с Луисом. Жаль, что у него дрогнула рука тогда, возле церкви. Жаль, что не смог совладать с эмоциями, страхом, испугом, когда понял – пуля, предназначавшаяся лютому врагу, досталась другому, жалкому неудачнику Дэну. Как жаль, что он не разрядил обойму в харкающего кровью полукровка, ползущего к нему с перекошенным от ярости лицом. Скольких проблем избежал бы, сколько времени сэкономил. Одно нажатие на спусковой крючок, жалкий трус, и дело сделано.

Фред снова корил себя за малодушие, но былого не вернуть, а произошедшее не изменить. Зато пришло время все исправить, и больше рука не дрогнет. Мертвые не возвращаются, чтобы мстить, но слабые получают сполна уже в этой жизни, а что будет после – начхать!

Он подошел к бару и потянулся за бутылкой мартини. Прошел к витрине окна, занимающей всю западную стену, и уставился на горящие огни спящего города.

– Начхать! – Прохрипел Фред, сделав большой глоток. – Начхать, мистер умник, и на тебя тоже. Гребаный благодетель нашелся! Остров ему и кучу бабок! Я вижу тебя насквозь, такой же хитрый и скользкий, как и те в совете. Вздумал поиграть в свою игру, что ж... – Он отхлебнул от бутылки и икнул. – Только не на того нарвался. Ты уже провалил одно дело в Файерлейке, я не дам завалить тебе еще одно.

– Здесь ты абсолютно прав, ученик, – раздался приглушенный шепот.

Фред развернулся так быстро, что бутылка выскользнула из рук и с гулким стуком покатилась по полу, оставляя позади золотистый ручеек, пока не наткнулась на тяжелые массивные сапоги стоящего в проеме. Человек протянул руку, одетую в черную перчатку, к стене и шелкнул выключателем, погрузив комнату в полумрак.

Свет из прихожей, падающий в спину гостя, не давал возможности разглядеть его, скрывая лицо в темноте, но это было не важно, потому что Фред сразу узнал эти широкие плечи и тихий вкрадчивый тембр голоса. Тень, упавшая на пол, не двигалась, человек замер в ожидании или был призраком, галлюцинацией после чрезмерно выпитого, что более правдоподобно, потому что он не мог сейчас стоять здесь. Не мог, потому что остался под каменным завалом в Лунных пещерах.

– У меня сегодня что: дом свиданий или вечер открытых дверей? – Пробубнил Фред, стараясь скрыть испуганные нотки дрожащего голоса. – Вообще-то на двери висит табличка – не беспокоить!

«Мертвые не возвращаются»? – Парень вытер ладонью вспотевший лоб. – «У меня едет крыша, иначе не объяснить»!

– Ваш тандем меня впечатлил, – рассмеялся человек. – Это был новый союз розы и лилии? А где договор, скрепленный кровавой печатью?

– Ты еще кто такой, твою мать?

– Тихо! Тихо! Не нужно приплетать сюда мою бедную матушку, ей бы это не понравилось.

– Но ведь это не можешь быть ты... – простонал Фред и покачнулся. – Ты ведь... ты...

– Лучше присядь, парень. Не хочу, чтобы ты грохнулся в обморок, испортив впечатление от произведенного мной эффекта. Успокойся, я не призрак и не чертов труп, как ты себе, наверное, вообразил. Можешь потрогать меня, удостовериться, что я из плоти и крови.

– Я не верю, что это ты. Я никогда не видел твоего лица, а голос и осанка всего лишь...

– Хорошо, чтобы тебя убедить приведу несколько фактов из прошлой жизни в Файерлейке. Для начала сядь, – рявкнул он, и Фред тут же плюхнулся в кресло, словно его бросило туда силой.

– Во-первых, моя интуиция, Фредди, подсказывает, что ты узнал меня, верно? Во-вторых, напомню тебе о Дэне, которого ты убил возле чаши «Подношений». Рассказать, как все было? Что ж... – не дождавшись ответа, продолжал гость.

– Ты целился в спину Джека, потому что не мог выстрелить, глядя ему в глаза. Его взгляд всегда причинял тебе боль, а меняющие цвет глаза пугали. Когда на тебя смотрела черная бездна, парализующая своей ненавистью и злобой. Страх затапливал тебя, Фредди, как ужасающий ливень мелкий высушенный засухой водоем, в одно мгновение, превращая в бурлящее озеро. Твоя ненависть к нему была лишь жалкой крупницей напротив его ненависти. Песчаной крупницей напротив горы Маун-Худ. Подсознательно ты всегда боялся его, поэтому знал, в честной борьбе тебе не выиграть, так?

– Да пошел ты... Кто ты? – Пискнул парень. Холод проник под рубашку, а зубы клацали, дрожь пробрала до самых костей.

– Ты знаешь, кто я, Фред! И я учил, что ты должен делать, как поступить. Если бы ты меня слушал, то был бы теперь во главе группы, а не шестеркой, исполняющей мелкие поручения. Этот медальон, что висит у тебя на груди, дал тебе я в день перед затмением. Ты помнишь, что мы находились одни в доме Афении – в лесной хижине, недалеко от монастыря «Плача», перед тем, как Рейчел рассказала тебе о месте, где индейцы прячут девчонку – в одной из лунных пещер. Мы были ведь совершенно одни там, верно?

Помнишь, что я сказал о пропадающих людях в Файерлейке? Я приехал, чтобы, как и Лестер, не дать совершиться непоправимому и вовремя вмешаться. Но, как известно, наш банкир немного заигрался и не проинформировал совет об истинном положении вещей, что привело к дестабилизации всего предприятия, поставив под угрозу само его существование.

– Ты никогда не говорил, чтоходишь в совет.

– Я и сейчас не говорю. Но совету нужны такие преданные делу люди. Если бы не мы, катастрофа давно произошла бы и тогда ни совет, ни мы с тобой, ни другие не смогли бы остановить процессы, запущенные адским механизмом. Ведь что есть тьма – всего лишь дверь. Но я вижу в тебе настоящего преемника, Фред, поэтому и пришел. В отличие от остальных я сразу не был согласен с кандидатурой Джека, потому что многое в его биографии меня настораживает и является подозрительным.

– Кто-то сильно постарался убедить совет в том, что он истинный, несмотря на знаки и пророчества. Знаешь, это как утешать себя мыслью, что ты приручил льва, надев ошейник и накормив до отвала еще теплой плотью, превратил в домашнюю кошку. Когда придет время

лев кинется на тебя, освобождая путь к свободе. Такие дети вообще долго не живут, но он каким-то образом выжил и это лишь доказательство тому, что кто-то из совета сильно этому поспособствовал.

– Ты хочешь сказать, что в самом совете...

– Я хочу сказать, что зло не спит. Ему не нужен ни отдых, ни пища, ни силы, чтобы продолжать попытки повернуть все вспять.

– Но... как ты выжил? Ведь я видел собственными глазами руины. Видел, как все обрушилось. Видел, как пылал город!

– Как и Лестер, я просто вовремя ушел, когда понял, что Афения мертва и оставшиеся хранители уже не могут адекватно реагировать на ситуацию и принимать правильные решения. Они покорно остались под землей, решив придать себя в жертву. Думая, что это поможет отсрочить время. Окончательно потеряв контроль над мальчишкой, отпустив девчонку, они сами подписали себе смертный приговор. Они давно утратили истинный смысл существования хранителей, их же алчность их и сгубила.

– Значит, Лестер не знает о тебе?

– Разумеется, нет. Скажем так, я на тайной службе одного из членов совета, и мое инкогнито дорого стоит.

Фред поднялся и, обойдя гостя, прошел в гостиную. Он даже не пытался всмотреться в скрытое под капюшоном лицо – пройденный этап, ничего бы все равно не вышло. Пока он копался в шкафу, фигура напряглась, руки, одетые в перчатки, сжались в кулаки – гость не привык стоять спиной и Фред ожидал его решения, так и случилось. Человек прошел в глубину комнаты и опустился на дальнее кресло, почти у окна, скрытое в полумраке.

Фред бросил рыться в шкафу, эта была лишь уловка, и протопал обратно в комнату.

– Хочу предупредить, – прохрипел гость. – Я не придурок Лестер, и игры со мной для тебя плохо закончатся. Я даже знаю, о чем ты думаешь, поэтому не стоит выкидывать фокусы. Если сделаешь, что скажу, у тебя все получится, если же нет... Ты же понимаешь, я пойду на все, чтобы обезопасить себя и свое дело.

– Отлично, сэр, – Фред облизал пересохшие губы. Угроза, исходящая от гостя, была ощущима даже физически. – Тогда где ты пропадал этот год, когда мне так нужна была помощь?

– На то имеются свои причины, знать о которых тебе вовсе не обязательно. Теперь ты не один, и я не позволю одурачить нас. Первое: ты уверен в своих ребятах?

– Пока я им плачу – да.

– Отлично, – хмыкнул гость. – Сильнее денег лишь страх, поэтому ты должен сделать так, чтобы они тебя боялись. Я помогу в этом.

– В этом проблем не будет.

– Твои братья должны помочь.

– Артур в Вашингтоне, он не бросит учебу.

– Ты должен убедить его приехать.

– Я сказал, что он не бросит учебы, – рявкнул Фред. – Генри при мне.

– Тогда ты должен сделать так, чтобы он оказался в ГриндБэй, когда я скажу. Дальше ты знаешь. Где сейчас девчонка?

Парень пожал плечами.

– Мы потеряли ее след в Марлоу.

– Я подскажу, где ее найти, вернее – где ожидать.

– И без тебя знаю, что она рано или поздно отправится в резервацию.

Гость поднялся, шумно выдохнув. Внушительная фигура возвышалась над Фредом почти на два фута. Инстинктивно он сжался, будто ожидая удара.

– Слушай Лестера, пусть он думает, что одурачил тебя. Сделай вид, что поступишь так, как он скажет, и собирай информацию об этом Луисе. Здесь Лестер прав – пока тот с девчон-

кой, нам к ней не подобраться, а она необходима. Лестер не хочет допустить ее появление в совете, возможно и здесь он прав. Возможно, ее кровь помогла бы тебе, возможно... но может и наоборот. Рисковать нельзя.

– То есть?

– Что если кровь наследника одного из хранителей принесет тебе вред, и ты никогда не сможешь занять место Афении?

– Что же делать? – Испуганно прошептал Фред.

– Когда придет время, я сам займусь девчонкой. Таким образом, к ее гибели ты не будешь иметь никакого дела.

– А... может ее лучше не трогать, ведь она, возможно, поможет, – он замер, ожидая ответа.

– Понимаю. Но если девчонка узнает, что ты пытался убить Джека, ее ничего не остановит. А она узнает, если останется жива – всего лишь вопрос времени. К тому же ее связь с преемником очень сильна, и рано или поздно она захочет занять твое место. Мы не можем рисковать.

– Откуда Вайлет узнает об этом? – Вспыхнул Фред.

– Не забывай о Луисе, который все видел. Он может рассказать о случившемся возле церкви, если уже не рассказал. Она никогда вас не простит, уж будь уверен. Но об этом я сам позабочусь. Ты должен убедить Рейчел быть с тобой – союз укрепит твои силы, ты станешь основателем новой группы и создашь новые законы.

– Она до сих пор думает о нем.

– Так заставь ее забыть Джека. Мне ли учить тебя, как это делается?

– Ну, хорошо, допустим. Твоя роль? Почему ты помогаешь мне? Что хочешь получить взамен?

– Ничего, – гость сделал шаг вперед. – Мне надоели интриги и закулисная борьба, пора произойти тому, что действительно должно было случиться еще много лет назад.

– Да? И что же должно было произойти?

– Дверь должна оставаться открытой, никто не смеет препятствовать приходу...

Телефонный звонок прервал гостя. Человек поднял руку, указывая в направлении источника звука.

– Я свяжусь с тобой, когда появятся новые сведения. Делай все, как мы решили, и очень скоро в твоих руках окажутся такие нити, о которых ты и не помышлял. Ты станешь обладателем такой власти, которую и представить не мог. Лестер будет ползать у твоих ног, как блохастый щенок, да что Лестер, совет склонит перед тобой голову, и только ты будешь решать, кому дозволено служить тебе.

– Кто состоит в совете? Сколько их? Кто они?

– Никто точно не знает, кроме них.

Сердце застучало, словно он пробежал несколько миль. Фред кивнул головой человеку в плаще, прошел в другую комнату и негнущимися пальцами поднял трубку.

– Да? – прохрипел он, голос тоже не слушался.

– Фредди, ну извини, что нагрубила. Просто, ты иногда становишься невыносим, настоящее животное. Я говорила, что не терплю этого.

– Ты ослепляешь, с тобой я забываю о любых приличиях, крошка, – самодовольно хрюкнул парень. – Вражда забыта. Мне приехать к тебе?

– Нет.

– Ну же, чего ты боишься?

– Слишком поздно, и я уже легла спать.

– Так это здорово!

– Прекрати, иначе мы снова поссоримся. Приезжай завтра. Ты знаешь, у меня возникло несколько свежих идей по отношению к нашей маленькой проблеме. Думаю, ты их одобришь.

– Как скажешь, малышка.

Фред положил трубку и самодовольно крякнул.

– Все равно, будет по-моему. Слушайте, сэр, я хотел спросить кое о чем, – он развернулся. В спальне никого и в гостиной тоже. Странный гость исчез, будто его и не было, хотя он не слышал, чтобы сработал замок двери.

– Испарился, как всегда – не прощаясь, – пробурчал он, вытаскивая из верхнего ящика полированного комода пачку сигарет. – У меня сегодня помощников хоть пруд пруди, – протянул он, обходя номер и зачем-то заглядывая под кровать и за кресла. – Очень складно вы все поете, но я в гробу вас видал, в белых тапочках. – Парень посмотрел на свое бледное отражение в круглом зеркале гостиной.

– Кто же ты, сукин сын, – задумчиво прошептал он, бросив взгляд на кресло, в котором только что сидел незваный гость. – Ты следил за мной в Файерлейке, а теперь нашел здесь.

Фред ощутил непонятную тревогу, как было всегда, когда он встречал гостя, у которого не было ни имени, ни лица. Которого не узнал бы, если б встретил на улице без маскарадного балахона и ореола таинственности, которым тот себя окутывал. Но если только голос – этот шипящий, будто змея, баритон он никогда не забудет.

– Ты хочешь, чтобы я привел Вайлет к тебе? А что если я не согласен с таким решением? Я могу ее спрятать. Могу подчинить себе, когда возглавлю орден. Ведь ты сам говорил, что даже совет склонит передо мной голову. Было бы слишком расточительно уничтожать такую красоту, и Рейчел вовсе не зачем знать об этом.

Фред пригладил светлые волосы, пожевал сигарету и пыхнул дымом в самодовольное отражение.

– Тебе придется подчиниться, милочка – ведь ты не захочешь умирать. Никто не хочет умирать, даже тупой червь. Вот тогда я все припомню...

8

Вайлет нервно мерила комнату шагами, бросая взгляд в окно, за которым продолжал буйствовать ветер, а ливень превратил очертания скал в дрожащие фантомы. Маяк растаял в мглистой пелене, но иногда казалось, что слабый свет мощного прожектора пробивается сквозь мокрую завесу, будто старик Хеслер дает знак – с ним все в порядке.

– Гаред, как же мне нужен ваш совет, – наверное, в сотый раз прошептала девушка, тоскливо посмотрев на прозрачный плащ, висевший на вешалке. – Может, все-таки получится?

Весть о смерти Пэнни повергла в шок, а страх за Луиса сводил с ума. Это могло быть просто совпадение, и эта смерть вовсе не относится к их пребыванию здесь, как и в Марлоу. Но что если она ошибается? Луиса нельзя было остановить уговорами, чтобы он переждал непогоду в безопасном месте. Он, видимо, вообразил черти что, и теперь, рискуя попасть в аварию, мчится на полной скорости к бухте. Луиса никогда нельзя остановить, когда дело касается ее.

Теперь это долгожданное сообщение от Маркуса. Она так долго ждала его, а теперь растерялась, не зная, как реагировать на известие. Словно стояла перед невидимой демаркационной линией, перешагнув через которую захлопывала за собой дверь, отрезая путь назад, ступая на дорогу, ведущую к одному концу. Но ведь это то, что она давно хотела. Бездействие сводило с ума, являясь молчаливым укором, своего рода предательством по отношению к Джеку.

Смущало другое. Как она может не рассказать о сообщении Луису. Ведь это тоже напрямую его касается, и Джек также ему дорог, как и ей. Как она может оставить его в стороне, умолчав о письме? Как может обмануть доверие?

Старик Хеслер наверняка разрешил бы эту дилемму, подсказав правильное решение. Но добраться до маяка невозможно, слишком рискованно, можно легко сбиться с пути, заблуд-

диться и угодить в водоворот. Время идет, и когда придет Луис, времени на раздумья уже не будет.

Компьютер не работал, села батарея, света по-прежнему не было, телефон молчал. Она полезла в сумочку за айфоном. Как и следовало ожидать, связи тоже не было – она полностью отрезана от мира, и принимать решения придется самой.

И она его приняла.

Вайлет решительно направилась в гостиную, накинула плащ и распахнула дверь. Мощный порыв ветра отбросил назад, сбив дыхание, а мокрые струи ударили словно пощечины. Холод моментально пробрал до костей, но решимости не убавил. Она бесстрашно шагнула за порог. Порыв ветра проник в комнату. Смятая головка белой лилии покатила по ламинату вместе с желтыми мелкими цветами софоры и зелеными листьями тиса.

Она в мгновение словно очутилась в тяжелом удушающем смоге тумана, который был живым, являясь порождением потусторонней бездны ненависти ко всему живому. Белая густая пелена, будто намокшая вата, через которую пришлось пробираться. Потоки низвергающейся с неба воды, несмотря на наглухо застегнутый плащ, мгновенно проникли под одежду, которая стала тяжелой, сковывающей движение. Будто она провалилась в зимний прорубь: руки сводило от холода, и нужно было прилагать усилия, чтобы сделать хотя бы один вздох.

Хрупкую фигурку бросало из стороны в сторону, ноги проваливались по щиколотку в пенящуюся воду, вязли в песке, но она упорно шла вперед, по исчезнувшей дорожке в сторону маяка. В ушах стоял гулкий шум, похожий на стон умирающего от бессильной ярости дракона, поднявшегося из глубин океана, тысячи змей в шипении распахнули голодные пасти, тысячи ос вонзали жала в теплую плоть, попавшую на их праздник безумия и торжества смерти.

Время слилось с безумным криком и ледяной болью, замерло... остановилось совсем, будто выбросив за границу реальности, в вакуум, где больше не существовали законы физики и понятия наваждения. Вайлет ничего уже не чувствовала и брела вперед как запрограммированный робот. Она не слышала ни стенаний, ни проклятий, само время для нее перестало существовать, и только свет постепенно становился тусклым, словно гаснущая лампочка, темнел, превращаясь в сумерки.

Она заблудилась – это очевидно, и теперь неясно в каком направлении двигалась. Силы стремительно таяли, и сопротивляться разъяренной стихии уже не хотелось. Закрывать глаза и подчиниться ее воле. Закрывать глаза и почувствовать тепло разливающегося по телу. Представить, что ты не здесь и не сейчас. Вздохнуть в последний раз, ощутив, как ледяной воздух прорывается в легкие, оставляя дорожку из боли, которая станет последней, что ты почувствуешь.

Сон – это покой, в котором красочные сны становятся явью. Где больше нет тревоги и безумной тоски. Где прекрасная белая дорога, переливающаяся тысячами ослепляющих бликов, ведет прямо по океану, чьи бирюзовые воды спокойны и чисты, к красному блину уходящего за горизонт солнца. Где до боли знакомый силуэт уже виден сквозь редящие белые хлопья теплого, как детское покрытие, тумана.

– Это прекрасное место, – прошептала Вайлет.

– Да, наша с тобой голубая лагуна, Фея!

Глаза горели от счастья, но, увидев выражение его лица, восторг сменился нежностью. Девушка взяла его за руку и поднесла к щеке.

– Спасибо, что ты делаешь это для меня. Я всегда буду помнить это место, где бы ни оказалась.

Следом пришел знакомый запах, ощущение горячих сильных рук и чувство невесомости, словно она раскачивается на качелях на заднем дворе дома Грандов.

– Джек, теперь уже никто не сможет нас разлучить, верно?

– Верно, Фея, – губы прикоснулись к ее лбу. – Только еще не время. Ты должна понять, что тебе нужно. Должна быть твердо уверена, что это именно то, что тебе необходимо.

– Но, я решила. Я всегда это знала, Джек. Никто не заставит отказаться от тебя.

– Ты не знаешь, что говоришь. Ты не знаешь, что я...

– Мне все равно.

– Нет. Ты должна знать, чтобы решить, как поступить. Только ты должна сделать выбор, и если бы я мог препятствовать твоему решению – так бы и поступил, даже, несмотря на то, что тысячи раз буду жалеть об этом, потому что ты единственное, что есть у меня и без твоей любви мне незачем существовать. Я не имею права, потому что не достоин. Потому что проклятым место в аду!

– Я не понимаю. Не говори так, прошу. Ты самый лучший. Зачем ты так говоришь?

– Ты поймешь, Фейя. Мне пора. Я отнесу тебя обратно.

– Нет, Джек не уходи. Нет, только не снова. Нет! Не уходи! Не уходи!

Она кричала, пока голос не сорвался, видя быстро исчезающее любимое лицо в бушующей огненной бездне «Красного озера» и тысячи горящих нитей тянущихся к ней. Вайлет дернулась вперед, но чьи-то руки остановили ее падения.

– Нет! Джек не уходи. Отпустите меня! Я вас умоляю, отпустите!

... Прохладная рука легла на раскаленный лоб. Веки были тяжелы, не было сил открыть глаза.

– Не уходи, – продолжала шептать Вайлет.

Прохладная рука погладила щеку, она ощутила легкий поцелуй и снова спасительную прохладу на пылающем лбу.

– Ви, все будет в порядке, – шептал чей-то голос. – Ураган ушел и больше не вернется. Все позади. Ты в безопасности, ты дома.

Резкий свет причинил боль, и она зажмурилась. Услышав, как задергивают шторы, снова попробовала открыть веки. Мокрые от слез глаза пристально всматривались в ее лицо. По мере того, как возвращалось зрение, приходило и понимание случившегося.

– Луис... – прошептала девушка. Он всхлипнул и прижался губами к пылающему лбу.

– Господи! Как же ты напугала меня. Вайлет, – он продолжал покрывать поцелуями обессиленные руки, гладить по голове и безмолвно плакать. Крупные тяжелые капли стекали по смуглым щекам, и он рассеянным движением смахивал их дрожащими руками.

– Не надо, пожалуйста. Ты не должен плакать, – говорить сил не было, в горле горел огонь, опускаясь к самому сердцу. – Мне так жаль, что я расстроила тебя. Я думала, что справлюсь, мне так нужно было попасть на маяк.

– Ничего не говори, слышишь. Когда вернутся силы, ты все объяснишь, но не сейчас.

– Где я?

– Ты дома. Мы дома. В бухте.

– Но я ничего не слышу, ураган...

– Буря ушла, Ви. Ты, ты совсем ничего не помнишь?

– Я помню ураган и то, как я пошла к маяку. Я помню Джека и то, как бежала к нему. Но он... он сказал, чтобы я возвращалась. Я просила его не уходить, я просила остаться.

– Тише... все хорошо, – прошептал Луис, видя, каким лихорадочным блеском вспыхнули зеленые глаза. Слезы снова скатились из его глаз. – Джек никогда не делал все просто так, значит так нужно, так правильно.

– Но я... – она хотела сказать: «не хочу», но передумала. Несчастный вид Луиса вызвал в душе бурю эмоция – жалость, благодарность, радость при виде его.

– Я не знаю, что правильно, – прошептала Вайлет, чувствуя, как на глаза опускается серая пелена. И когда она закрыла глаза – погрузилась в сон.

В комнате тикали часы. Такой привычный и позабытый звук. Словно она через несколько лет вернулась домой, не осознавая до последнего мгновения, как безумно тянуло в пропахший

ванилью, печеньем и розами дом. Луис гремел на кухне, пряный запах распространялся по комнатам, щекоча ноздри и вызывая громкие урчания в желудке.

Она подняла глаза на висевшие над камином часы, которые вновь оказались на своем месте, отмечая, что уже полдень и тоскливо посмотрела в окно на далекий одинокий маяк. Луис категорически запретил прогулки, пока она полностью не поправится, и теперь всюду сопровождал, даже к «спящим черепахам», где теперь поселилась семья неугомонных ворон.

Вайлет закрыла книгу и откинулась на спинку кресла.

– И мы улетим на луну, – протянул Луис, подпевая магнитофону. – Да... когда ты скажешь – да, мы улетим на луну!

Все случившееся в бурю будто происходило не с ней. Она помнила только, как вышла сразу после отъезда полицейских, решив поговорить с Хеслером. Помнила, как продиралась сквозь шквальный ветер и ливень, утопая в песке, но затем наступал провал. Ей казалось, будто она слышала голос, который убеждал вернуться. Казалось, что в забытьи она встретила Джека, но теперь не могла с полной уверенностью сказать, что это было, сон или явь.

Придя в себя через несколько дней, Вайлет не помнила, как Луису удалось найти ее посреди хаоса бури и ливня. Как он принес ее домой, как она очнулась и что говорила. Доктор Вайнер настаивал на переводе ее в госпиталь Порт-Силвера, но Луис категорически отказался, уверив, что справится не хуже любой профессиональной медсестры. Высокий тощий джентльмен недовольно выпячивал губы, считая ее пульс, поправлял, спадающие с длинного носа, очки в черной роговой оправе и качал головой:

– Девочка сильно истощена, как психически, так и физически. Ей необходима специализированная помощь, и я не понимаю вашего нежелания отправить ее в госпиталь. К тому же у нее тяжелое воспаление легких и нервный срыв. Я настаиваю мистер Смол.

– Я не буду обсуждать это здесь, – хмурился парень, поспешно выпроваживая под локоть доктора. Вайлет прислушивалась, но ничего кроме сдавленного шепота не могла услышать.

– Хорошо, подробно напишу, что необходимо делать и выпишу рецепт. Вот моя визитка, обещайте, что сразу позвоните, если состояние девочки ухудшится. И еще, я очень бы рекомендовал помощь опытной сиделки. Вот ее номер, на случай если вы, уважаемый, передумаете. Не понимаю, – вздохнул нарочно громко доктор Вайнер.

Луис так и не позвонил, возложив на себя все домашние проблемы и ее лечение, впрочем, доктор продолжал приезжать каждый день, строго контролируя выполнение процедур, и только пожимал плечами, видя, как Вайлет быстро идет на поправку:

– Ничего подобного не видел. Вам, уважаемый, нужно поступать в медицинский колледж, у вас талант от природы. Я даже готов дать несколько рекомендаций моему давнему коллеге, который преподает в Юджине – профессору Джасперу Батергейму.

Луис уверял, что подумает, хитро подмигивая Вайлет, которая старалась подавить улыбку, дабы не обидеть сэра Вайнера.

Прошло больше месяца прежде чем ее здоровье больше не вызывало опасения. Воспользовавшись платежной Интернет системой, Вайлет перечислила указанную сумму Маркусу и теперь с нетерпением ожидала ответа. Тем времени Луис поведал, что же произошло в тот роковой вечер.

Машина застряла, как только он свернул с шоссе двенадцать в направлении бухты, поэтому он добирался пешком, что, конечно же, заняло много времени. Ураганный ветер и ливень сделали видимость почти нулевой. Луис лишь в сумерках добрался до бухты. Он испытал ужас от того, что не застал ее дома. Распахнутая настежь дверь хлопала под натиском дождя и ветра, а тишина в комнатах поселила в душе ужас. Луис вообразил самое худшее, что могло произойти. Не теряя ни минуты, он бросился к морю, разыскивая ее.

Прошло не менее часа. Он бросался из стороны в сторону, зовя ее по имени, слова тут же тонули в невообразимом грохоте, но ему вдруг показалось, что он услышал крик Вайлет

доносившийся со стороны заброшенного маяка. Просто чудо, что он вышел прямо к ней, случайно наткнувшись на лежащую без сознания девушку позади высокого каменного валуна, хоть немного защищающего от порыва ветра.

По подсчетам Вайлет, она бродила в поисках маяка часов четыре – пять, отклонившись от него на тридцать градусов правее, и просто повезло, что она не пошла в противоположную сторону. Но она не помнила, ни спасительного обломка скалы, ни то, как добралась туда. Лишь одно отпечаталось в памяти: ощущение рядом с собой Джека. Впрочем, она предпочла не рассказывать об этом.

Луис узнал о гибели Пэнни лишь на следующий день, когда ураган начал стихать и появилась связь. Он связался с центральным госпиталем Порт-Силвера и приехавший к пациентке доктор Вайнер сообщил о трагедии. Луис даже боялся предполагать, могло ли это каким-то образом относиться к их нахождению в бухте или это снова совпадение. Но два совпадения подряд – слишком даже для их ненормальной жизни, поэтому Луис поклялся, что больше не оставит Вайлет одну, какие бы обстоятельства не вынуждали к этому.

Утром следующего дня после приезда доктора Вайнера появились полицейские. Они вернулись узнать, все ли в порядке в бухте – Барти Таун и Дрю Грин. Копы устроили Луису форменный допрос с причастием. Состояние Вайлет было тяжелым, и он не отходил от нее ни на шаг. Разговор не состоялся, и полицейским пришлось довольствоваться сухими ответами. Уезжая, Грин пообещал, что выпишет ордер на арест Луиса, если в следующий раз тот посмеет игнорировать представителей закона. Барти же наоборот предложил помощь и пытался урезонить все распаляющегося напарника.

Убийцу Пэнни еще не нашли, но Таун твердо дал понять, что они напали на след подозреваемого, и его задержание всего лишь вопрос времени.

– Ну, скажи, куда ты пошла, зачем? Что толкнула тебя в такой ураган уйти из дома? – В сотый раз спрашивал Луис, хмуро поглядывая из кресла напротив. – Нужно было дожидаться меня. А что, если тот псих бродил где-то поблизости? Что если бы я не смог тебя найти?

– Но ведь этого не произошло, верно? Прости, понимаешь, – девушка прикусила губу. – Мне необходимо было посоветоваться, поговорить с кем-нибудь. Так жаль Пэнни. Если бы мы не просили приехать в бухту!

– Послушай, мы не виноваты в случившемся!

– Но ведь из-за нас...

– Ты не должна так думать, иначе все несчастные случаи можно приписать на свой счет. Это большая ошибка. Мы ни в чем не виноваты!

– Я не могла больше оставаться здесь одна. Я не могла найти правильное решение, а мистер Хеслер, кажется, знает ответы на любые вопросы. К тому же я сильно за него переживаю, ведь на маяке он совсем один, что если ему стало плохо? Как только наберусь сил, сразу отправлюсь к нему.

Вайлет продолжала каждую ночь маяковать старику из гостиной, и неизменный луч прожектора тут же отвечал. По крайней мере, с Гаредом было все в порядке.

– Кто?

– Мистер Хеслер! Луис, не делай вид, что не понимаешь, о ком я говорю, – нахмурилась она, бросив взгляд в окно. – Не желаю слышать об его невменяемости. О том, что он опасен!

Луис кашлянул, поднялся и, подойдя к ней, опустился рядом на колени. Взял прохладную ладонь в свои большие руки и крепко сжал, бросив взгляд на потухший маяк.

Уходящее солнце погрузило комнату в алые тона. Крикливые соседи на «Спящей черепахе» наконец-то притихли. Спокойный океан гнал белые барашки к берегу, оставляя на песке пустые ракушки. Блестящая дорожка по мере наступления сумерек постепенно таяла, исчезала, истончалась. Больше ничего не напоминало об урагане, и казалось невероятным, что

он господствовал здесь всего несколько недель назад. Лето закончилось, и осень несла в себе грусть, тоску и отчаянье, которому нет предела.

– Ви, – тихо прошептал он. – О ком ты говоришь?

Она недоуменно посмотрела на Луиса.

– Я говорю о Гарде Хеслере, который живет на маяке. Когда ты уехал, я решила немного прогуляться вдоль берега и забрела на маяк, там и познакомилась с этим добрым человеком. Что здесь не ясно? Мне хватило времени, чтобы понять – он не безумен, как твердят вокруг, он очень добрый и одинокий. И когда ты познакомишься с ним, то поймешь, что я права.

– Слушай, – кашлянул он и посмотрел на нее как на тяжелобольную. – Нет никакого Хеслера, он существует только в твоём воображении. Тебе все привиделось... из-за болезни. Маяк пустует почти пятьдесят лет и в нём никто не может жить.

– О чем ты, – во рту пересохло и отчего-то стало трудно дышать.

– Я вижу, что ты все время смотришь в сторону маяка и ночью включаешь свет, но, послушай, там никого нет.

– Что ты такое говоришь? Ты хочешь сказать, что я сошла с ума? Ты же сам рассказывал о нём. Ты говорил, что на маяке живет чудаковатый старикан, бывший моряк, который рассорился с детьми, у которого умерла жена, но он до сих пор верит, что она рядом. Он перессорился со всеми жителями Порт-Силвера и перебрался на маяк, убежденный, что его рыболовецкий катер скоро вернется, и он будет на маяке, чтобы встретить его.

– Я говорил, что лет пятьдесят назад на маяке жил этот Хеслер! – Луис тоже повысил голос. – Но он давно умер, и никто больше там не живет. Вайлет, я говорил о человеке, который уже давно мертв. Ты не могла его встретить, потому что это невозможно!

– Но мы общались две недели, ужинали вместе, разговаривали...

– Ви, – прошептал Луис. – Старик Хеслер, Гарден Хеслер давно в могиле. Я не считаю тебя сумасшедшей, но ты не могла его видеть, а тем более разговаривать, если только...

– Что, если только? – С вызовом бросила она. От волнения на щеках заиграл румянец, и он залюбовался ее. Вайлет повторила вопрос, спуская с облаков на грешную землю, где он моментально оказался в своих мечтах.

– Если только кто-то не хотел, чтобы ты так думала.

Вайлет услышала тихий голос Хеслера. Увидела испещренное морщинами доброе лицо и затрясла головой.

– Луис, зачем ты делаешь это? Зачем пытаешься убедить меня в этом. Ты тоже, как те люди из города!

– Ви, прошу, успокойся!

Ее состояние начинало пугать, как и спрятанные в чулане коробки с часами, которые он обнаружил по возвращению, не смея спросить – зачем она их убрала. Что если от всего пережитого ее мозг создал другой мир, тот, в котором она могла спрятаться от боли, от своих преследователей и больше не страдать.

Все время, пока бредила в горячке, Вайлет не переставала разговаривать с Джеком, будто он был рядом. Крепко держала Луиса за руку, умоляла не оставлять ее, не разжимать рук. Она слишком много испытала, слишком много перенесла и продолжает страдать. Он видел, как Вайлет мучается, пряча слезы, как улыбается через силу, боясь обидеть его, как вздрагивает, когда он прикасается. Луис готов ждать, хоть десятилетиями. Но он выдернет ее из кошмара памяти, заставит взглянуть на мир другими глазами, поможет все забыть.

Вайлет пристально вглядывалась в его глаза. Затем решительно поднялась и направилась к двери.

– Пстой, – крикнул он.

– Хватит с меня! Я отправляюсь на маяк немедленно. Не позволю, чтобы меня водили за нос.

– Ты еще не окрепла.

– Луис, ты не сможешь меня удержать, – вспыхнула она.

– Позволь хотя бы пойти с тобой, – прошептал он, разворачивая ее к себе. – Я не хочу останавливать тебя, просто прошу – разреши пойти с тобой. Ты можешь встретить кого угодно, и я не допущу, чтобы ты рисковала, доказывая правдивость своего рассказа. Мне не нужны доказательства, чтобы поверить, Ви. Но, тот кто, возможно, затаился в маяке, может быть очень опасен.

– Он не мог лгать. Видел бы ты его, – она покачала головой. – Он так похож на моего отца! Он так старался поддержать меня, помочь.

– Ви, ты никогда не перестанешь верить людям, я же наоборот.

– Он старался отговорить меня от поиска членов ордена, от мести.

– Ты рассказала ему? Обо всем? – Выдохнул он, но, увидев в глазах растерянность, сжал зубы. – Хорошо, пойдем.

Они неторопливо шли по берегу в сторону маяка. Девушка бросала в его сторону нетерпеливые взгляды и хмуро оглядывалась на Луиса, который старался идти как можно медленнее. Вайлет еще слишком слаба для такой далекой прогулки. Наконец она не выдержала:

– Луис, прошу. Не нужно этого делать! Все равно не убедишь в обратном. И будет здорово, что вы, наконец-то, познакомитесь, и мы сможем пригласить его поужинать.

Он покачал головой, вынужденный прибавить шаг. На микрофишах в городской библиотеке полно информации о заброшенном маяке и некогда жившем в нем безумном старике. Они вместе поедут в город, и она убедится в своем заблуждении.

Они свернули на узкую каменную тропку, поднимающуюся вверх по склону. Идти становилось труднее. Капельки пота, словно крошечный бисер, выступили на ее лбу. Она дышала с трудом, будто легкие сдавила невидимая рука. Лицо побледнело, и только глаза продолжали гореть лихорадочным блеском, не отрываясь от башни. Луис поддерживал ее за руку, и теперь она с благодарностью принимала его ненавязчивую помощь.

Перед ним предстал величественный океан. Шум прибоя сливался с криком чаек и шелестом листвы в одну грандиозную завораживающую симфонию. Бухта осталась далеко позади, петляющая тропинка затерялась где-то среди камней, а скалы, словно застывшие античные фигуры, походили на задремавших сфинксов, охраняющих вход в волшебное место.

Вайлет остановилась, не дойдя несколько ярдов до распахнутой настежь, покосившейся прогнившей двери в маяк. Тяжело вздохнула и подняла лицо к голубому, без единого облачка небу. Она долго всматривалась в его бесконечность, будто выискивая кого-то, и когда разглядела две темные точки, кружащие над водной гладью далеко впереди, улыбнулась.

– Сэр Гаред, – громко позвала она и пошла вперед, исчезая в темном провале входа. Дверь за ней со скрипом захлопнулась, и Луис тут же бросился вперед, на миг, замешкался, рассматривая стремительно приближающихся двух ворон.

С гулким ударом сердца она поднималась по обшарпанному временем ступеням винтовой лестницы. С каждым последующим шагом страх нарастал, но сознание категорически отказывалось верить глазам, потому что они могли обмануть, как и все вокруг. Оставляя позади следы ног на толстом слое пыли из земли и каменной крошки, Вайлет дошла до верхней площадки и остановилась.

Стараясь справиться с участвующимся дыханием, словно ей не хватало воздуха, она медлила, не решаясь сделать следующий шаг, и только когда почувствовала присутствие Луиса рядом с собой, открыла дверь. Комната оказалась абсолютно пустой: не было старой мебели, кухонной утвари, старого одеяла и плаща на вешалке. Толстый слой многолетней пыли покрывал пол, и нигде не было видно следов человеческих ног.

Вайлет оглянулась, решив, что просто не дошла еще один пролет и верно ошиблась дверью, но в щель окна виднелся разбитый покореженный прожектор и смятые внутрь перила. Эта была та самая комната и не та.

«Наваждение. Так не бывает»!

Руки дрожали, и пришлось сжать их в кулак, чтобы Луис не видел страха, обезоруживающей растерянности. Она не могла понять, как такое могло произойти. Снова и снова убеждая, что это сон, и когда проснется, вновь увидит мерцающий луч мощного прожектора, направленный в сторону бухты.

Вайлет прошла комнату вдоль и поперек, всматриваясь в мертвый камень, вышла на шаткий балкон, слыша позади неодобрительное сопение Луиса. Ничего... ничего, что говорило бы о встречах и вечерах проведенных с милым стариком. Ничего, что говорило бы в пользу ее здравого смысла. И когда больше не осталось сил, она уткнулась в широкую грудь верного друга и заплакала, чувствуя, как он осторожно гладит ее по голове.

Она была благодарна Луису за его молчание. Благодарна за его понимание и адское терпение. Она этого не заслуживала. Не заслуживала его дружбы и преданности, не заслуживала ежеминутного, ежесекундного его самопожертвования. Она только мучила того, кто всецело принадлежал ей, который ради нее оставил позади нормальную жизнь, превратившись в беженца, отшельника. Который так же, как и она страдал от мучительной душевной боли – потери лучшего друга. И ему может быть тяжелее вдвойне, ведь девушка, которую он боготворил, вдобавок ко всему, еще и сошла с ума.

Так думала Вайлет, ругая себя за эгоизм. Ругая за иллюзии, которыми окружила себя, позабыв о том, кто терпеливо ждет рядом, о том, кто достоин лучшего.

– Прости меня, Луис, прости, – шептала она. – Не знаю, что со мной, но это было так реально. Ты не должен терпеть мои выходки, ты не должен жертвовать собой.

Он молчал, прикасаясь губами к ее волосам.

– Пошли, пошли отсюда, – наконец прошептал парень, потянув за руку.

Всю обратную дорогу она не могла остановить текущие из глаз градом слезы, вспоминая теплые вечера и милую болтовню Хеслера, такие реальные, что от этого становилось страшно, и, несмотря на теплый день, мороз пробирал до костей. Что если в один прекрасный момент она не вернется из выдуманного, созданного ей самой мира? Что тогда?

Луис будто услышал ее мысли, сжав крепче за руку.

«Значит, и безликая фигура в плаще на темной тропинке тоже иллюзия. Значит, и любимый запах по утрам в пустом доме – тоже»?

Как хорошо, что она не рассказала об этом Луису, тогда бы он точно усомнился в ее душевном равновесии. И она не знала, чего боялась больше – его убеждения в этом или своей ненормальности.

Последующие два дня они готовились к отъезду. Луис рассказал, что Катано категорически против ее возвращения, боясь неодобрения ордена.

– Но ведь ордена больше не существует, – спросила Вайлет и тут же увидела, как желваки заходили под смуглой кожей скул. Луис молчал, яростно швыряя в сумку свои вещи.

– Луис? – Громко позвала она. Пришлось, как следует тряхнуть его за плечо.

– Я тоже так думал, но буквально перед самым отъездом к ГриндБэй явилась делегация. Я не присутствовал при их разговоре, Катано категорически запретил мне появляться, но кое-что узнать все же удалось. Гостем оказался Адам Лестер, тот который вложил деньги в строительство монастыря. Грейв говорит, что он убеждал Катано возродить орден, потому что... я не знаю, это какая-то чушь!

– Потому что... Что? – Нетерпеливо спросила девушка, сверля его взглядом.

– Он говорил, что зло уснуло лишь на время, и чтобы сдерживать его нужны посвященные, обладающие особой силой. Сила крови самая верная, и только наследники могут удержать это на месте. Не дать распространиться дальше.

– Адам Лестер? Убеждал восстановить орден, но... Кто он, черт возьми? Постой, так значит, он непосредственно участвовал во всем этом Бедламе? Значит, с его руки травили Джека, внушая страшные мысли, не давая ему жить? – Вайлет прикусила губу так, что выступили капельки крови.

– Мы не можем знать наверняка. Но самое интересное впереди. Знаешь, кого он предлагает на место ушедших семерых хранителей, – Луис покачал головой. – Фред, Генри, Рейчел, куда же без нее, Марот, Грейв, как потомки Хаттаубы, Артур, брат Фреда...

– Шесть? Должны быть семь. Почему ты молчишь?

Он посмотрел на нее, вздохнул, и снова принялся швырять вещи в сумку.

– Постой Луис, ты хочешь сказать, что Лестер говорил обо мне?

– Но ведь в тебе течет кровь твоего отца, верно? Он твердил, что они должны убедить тебя.

Вайлет буквально захлебнулась от гнева.

– Лестер убеждал объединиться Керлинов и ГриндБэй? Он в своем уме? Это все равно, что посадить голодного волка в сарай с овцами! Фред Керлин – хранитель? Он хотя бы знает, чем тот занимался все это время?

– Думаю, прежде чем начать действовать, Лестер покопался в личных делах каждого.

– Керлины никогда не пойдут на сближении с резервацией. И Грейв, Марот, после того, что произошло возле пещер...

– Именно, Ви. Примирить волка и овцу. Глупее и не придумаешь. Катано послал его куда подальше, но Лестер заметил, что когда в резервации начнутся проблемы, они сами придут к нему за помощью.

– Значит, интуиция меня не подвела. Этот Лестер приведет к тому, кто виновен в трагедии!

– Ви, они хотели убить тебя! Не думаю, что их планы изменились.

– Я знаю, и мои планы тоже не изменились.

– Возвращаться небезопасно, я повторяю еще раз. Нужно переждать еще какое-то время.

– Я больше не желаю прятаться!

– Ви, послушай – это безрассудно. Мне пришлось пеглять несколько часов, прежде чем уйти от...

– За тобой следили?

– Ви, они знают, что ты захочешь вернуться! Они будут готовы!

– Кто они? – Зловеще прошептала девушка. Ты говоришь о Лестере, Керлинах и тех, кто за их спинами? Знаешь ли ты это наверняка? Знаешь ли ты, что я не хочу больше жить в страхе за тех, кто мне дорог? Я больше не желаю видеть кошмары. ГриндБэй выслушает, что я хочу сказать, и верю – они помогут.

– Ситуация изменилась, – застонал Луис. – Да, Грейв, Марот и их парни будут защищать тебя до тех пор, пока хватит сил, но как долго это продлится, и что будет потом? Керлин не оставит попыток отомстить за унижение, а Рейчел за...

– Рейчел и Керлин ничего не могут.

– Отчего такая уверенность, Ви?

– Что еще говорил Катано? – Проигнорировав вопрос, бросила девушка.

– Люди больше не пропадают, но голубой купол над тем местом, где раньше находилось «Огненное озеро» не исчезло. Он говорил, что теперь ГриндБэй возьмет в свои руки то, что по праву было их. Хаттауба и его племя жило на этих землях задолго до появления белых людей, и они держали все под контролем. Сейчас же умами людей владеет Ваничичу: их ослеп-

ляет ярость, месть и жажда власти, а это один из мощных катализаторов для его возвращения. Нельзя допускать возрождения бывшего ордена, но нужно создать другой, в котором не будет места алчным мыслям и испепеляющей ненависти. Только чистые помыслами должны служить ему. Ищущим же прощения неприкаянным душам будет прощено.

– Что? Что ты только что сказал?

– Катано сказал, что ищущим прощения неприкаянным душам будет прощено.

Вайлет бросилась из комнаты на второй этаж в спальню. Луис застал ее возле комода, где она лихорадочно перебирала вещи. Бросив комод, она принялась за платяной шкаф, затем, пройдя мимо него в кабинет, стала рыться в столе.

– Может, скажешь, я помогу?

Она нахмурилась, посмотрела в сторону маяка, откуда больше не приходил свет, и снова вернулась к поискам.

– Когда я это найду, ты согласишься, – бросила она.

Луис некоторое время наблюдал за лихорадочным поиском, затем пожал плечами и, бросив, что отправляется готовить ужин, спустился вниз.

Прошло достаточно много времени, прежде чем он поднялся на второй этаж. Вайлет сидела, поджав ноги в кресле, и смотрела в окно на белые барашки, бьющие о берег. Небо сгустилось, накрапывал мелкий дождь. В распахнутые настежь ставни врвалась прохлада и сырость.

Он поежился и неодобрительно покачал головой. Подойдя к окну, демонстративно захлопнул ставни и повернулся к ней. Слова недовольства, готовые сорваться с губ, застряли в горле. Зеленые глаза источали такую боль, что желания побранить ее за раскрытое настежь окно моментально отпало.

– Ви... я приготовил лазанью с сыром. Ты поужинаешь со мной?

Густые ресницы дрогнули, смахивая невесомую слезинку, которая тут же скатилась по бледной щеке.

– Конечно, Луис, – сказала она. – Я не заслуживаю всего того, что ты делаешь для меня. Я просто невыносима и мне стыдно за свое поведение.

– Тебе нечего стыдиться, – он опустился рядом на колени и взял ее прохладные ладони, поочередно прикоснулся к ним губами. – Ты... мы переживем это, обещаю. Все, что ты хочешь, – исполнится, обещаю.

– Спасибо. За все. Помнишь те цветы, что ты присылал мне каждую неделю в Файерлейке, большую корзину белых лилий, они так радовали меня. Я всегда знала, что это был ты, но не могла сказать, потому что... потому что...

Вайлет нежно посмотрела на растерянное лицо Луиса.

– Ц... цветы, – заикаясь, спросил он. – Какие цветы?

Нежность сменилась испугом, а затем боль вернулась, когда догадка моментально разрушила мнимую преграду видимого спокойствия. Девушка всхлипнула и закрыла лицо руками:

– О, Господи! Это был Джек! Это всегда был Джек! Как же я... как же... – причитала она. Рана в груди разинула пасть, кровоточила, и жгучие нити боли расползались по всему телу. Нужно было уйти, побыть в одиночестве, справиться с невыносимой тоской и безумной жаждой мести, вспыхнувшей вслед за этим.

Она отстранила протянутые к ней руки и бросилась из комнаты. В гостиной экран монитора мигал матовым блеском, показывая, что пришло сообщение. Вайлет тут же опустилась рядом. Руки дрожали, так что приходилось несколько раз вводить код, чтобы открыть письмо.

«Посылку доставили вовремя. Спасибо за подарок на день рождения. Жду вас на празднике, как и договорились. В шестидесяти милях восточнее Спрингфилда есть городок Дармон. Дом сто четыре, северное крыло, третий этаж, номер пять-пять-три. Ты должна быть одна».

Вайлет несколько раз перечитала сообщение, не веря собственным глазам, развернулась, отыскивая глазами Луиса, который уже стоял рядом, нахмурившись, сложив руки у груди снова и снова перечитывая письмо. Неожиданно компьютер издал писк, и письмо разлетелось на мельчайшие разноцветные кубики. Монитор погас, ноутбук отключился.

– Неповторимый стиль неуловимого Маркуса. И ты веришь, что он вот так возьмет и встретится с нами? Нарушит инкогнито? Для чего?

– Не с нами, Луис.

– Я даже обсуждать это не буду, – пробасил он. – Если думаешь, я отпущу тебя, то мне жаль, что ты обо мне такого мнения.

– Послушай, – во рту пересохло, отчего голос звучал глухо. – Это наш шанс! Этот человек никогда не шел на такой риск.

– Вот именно. Зачем ему, если он только не один из них? Мы не можем знать наверняка, верно?

– Господи, Луис, мы так начнем подозревать всех и каждого.

– А тебе не кажется это странным? Почему он хочет встретиться именно с тобой, какая у него к чертям собачьим информация? – Луис распалился не на шутку. – Без меня ты и шага не ступишь, Вайлет не вынуждай меня... делать то, чего я совсем не желаю.

– То есть?

– То есть... не хочу принуждать тебя ни к чему, но если придется... – широкие брови сошлись на переносице.

– Что?

– Ви, – мягче сказал Луис. – Ты должна понять, мы не можем доверять этому невидимке, потому что не знаем о нем ничего. Он же знает о нас слишком много. Мы не знаем, кто прячется за этой маской, и какие цели преследует. Он может оказаться кем угодно, и я не допущу, чтобы тебе грозила опасность.

В его глазах стояли слезы, и девушка вспыхнула, опуская взгляд:

– Ты прав, конечно же. Тысячу раз прав. Мы отправляемся немедленно.

– Уже темнеет, а это небезопасно. Мы отправимся рано утром. И видит Бог, найдем Маркуса.

– Хорошо, – примирительно сказала она. – Значит, отправляемся в Дармон. А затем, – она развернулась, бросив взгляд в сторону маяка. – Ты говорил, что выяснишь, где сейчас сэр Макдилан.

– Да, Ви, я знаю, где он.

Девушка молниеносно обернулась.

– Тогда почему ты не сказал сразу?

– Потому что... – Луис замолчал, сжав зубы.

– Луис? Мы же договорились.

– Он сказал, если мы туда отправимся, то я...

– Ну же, ну!

– Тогда я потеряю тебя, – Луис выдохнул и тяжело опустился на диван. Кажется силы оставили его, он устало таращился на циферблат часов над камином и молчал.

– Эй, – прошептала девушка, беря его за руку. – Ты не потеряешь меня, слышишь? Я ведь обещала приглядывать за тобой, чтобы ты не натворил бед. К тому же, кто будет спасать меня от разбушевавшегося ливня и крикливых ворон, облюбовавших «Спящую черепаху»?

Он грустно улыбнулся, притягивая ее к себе. Вайлет удобно устроилась на широкой груди и закрыла глаза.

– Мы не можем потерять друг друга, не можем, – прошептала она.

Тихий шелест пожелтевшей листвы убаюкивал, размеренный звук часов больше не опустошал, а потрескивания огня в камине уводило в другой мир. Туда, где еще жили краски,

и голубая заводь, словно гладкое зеркало, отражала тяжелые лапы елей и семейство оленей, пришедших на водопой.

– Это будет наша с тобой голубая лагуна, Фея, – прошептал любимый голос. Она вздохнула его запах и зажмурилась. – Только ты и я. Всегда.

– Ты обещаешь, что не оставишь меня?

– Конечно, Фея. Это равносильно смерти, что еще может быть ужаснее разлуки.

– Мне страшно из-за того, что я никогда не смогу тебя увидеть.

– Ты увидишь. Посмотри на противоположный берег. Посмотри, как олень настороженно прислушивается к шуму леса, всматриваясь в темноту позади, охраняя свою семью. Посмотри на решимость в его глазах идти до конца, чтобы защитить их, на любовь, на веру в свои силы. Прислушайся к шепоту ветра, подставь лицо навстречу нежным прикосновениям, вдохни аромат цветов и свежесть реки. Закрой глаза и запомни эту картину. Когда ты ощутишь пустоту и тоску в сердце, вспомни об этом. Достань открытку из глубины воспоминаний, и поверь в ее силу. Почувствуй мое присутствие, мою любовь.

– Джек, не уходи!

– Я не ухожу.

– Тогда, где ты?

– Везде! В аромате трав, дыхании океана, даже в том лепестке лилии, что я принес тебе ночью, и который глупый ветер спрятал под твоим диванчиком. Я везде!

– Джек я так тебя люблю!

Шум разбитого стекла прогнал сон. Вайлет вздрогнула и испуганно открыла глаза. Шея затекла. Она попыталась подняться, но сильные руки прижали к себе.

– Ничего страшного. Ваза. – Прохрипел Луис, с восхищением разглядывая раскрасневшееся во сне лицо.

– Я уснула.

– Ничего.

Вайлет посмотрел на журнальный столик, на котором стояла высокая фарфоровая ваза. Сотни мелких осколков разлетелись по комнате, усыпав полированную поверхность стола.

– Что произошло?

– Не знаю. Ваза просто разлетелась на кусочки, будто взорвалась изнутри, – он пожал плечами.

Вайлет поднялась, недоуменно разглядывая разноцветные глиняные куски.

– Долго я спала?

– Наверное, часа два, – прошептал Луис, сдвинув брови, заметив, что она снова бросает взгляд в сторону маяка: безжизненного и одинокого.

– Мне снился прекрасный сон.

– Знаю, ты улыбалась и... – он замолчал и отвернулся.

Вайлет на негнущихся ногах прошла к диванчику и опустилась на колени. Луис удивленно поднял брови, когда она заглянула под днище и принялась шарить по полу руками. Девушка поднялась, и он увидел в руках старую открытку.

Губы дрожали, когда она всматривалась в прекрасного юношу с темными волосами и крыльями за спиной, протягивающего руку к надгробью.

– Что это?

– Теперь я точно знаю, что мне ничего не привиделось, – она взволнованно вздохнула. – Старик Хеслер подарил эту открытку – миниатюрная копия фрески Караваджо. Я совсем забыла о ней, но слова Катано напомнили об этом, когда он сказал о просящих прощения. Ведь Гаред рассказывал, что на открытке изображен низвергнутый Аниил, покровитель неприкаянных душ, ищущих прощения. Я безнадежно искала ее весь день, и почти уверилась, что ты был прав относительно маяка, но теперь...

– Ты уверена, что эта та самая открытка? – Он протянул руку, чтобы взять ее.

– Посмотри... посмотри, что написано на надгробье, – вскрикнула она. – Как же я раньше не заметила?

– Апакатика, – с трудом разобрал Луис, его рука дрогнула.

– Апакатика, – прошептала Вайлет и покачнулась, теряя сознание.

9

Всю дорогу Луис молчал, бросая обеспокоенные взгляды на Вайлет, которая, отвернувшись к окну, на всем протяжении пути, а они ехали уже второй час, не посмотрела в его сторону ни разу. Форд мягко скользил по гладкой, как зеркальная поверхность, дороге. Стройные ряды буро-желтых деревьев мелькали за окном, а далеко впереди в безоблачном небе, словно раскаленная лампочка, висел диск солнца. Не за горами сезон дождей, небо спрячется за тяжелыми тучами, а солнечный свет станет скудным и холодным.

Прекрасный пейзаж за окном не завораживал. Девушка размышляла о предстоящей встрече с Маркусом.

– Ви, ты в порядке? – Наиглупейший вопрос, но он должен спросить, иначе не выдержит пугающей решимости в зеленых глазах и дерзкого упрямства в уголках красивых губ.

– В полном.

– Тогда, может, скажешь, о чем думаешь?

– О том, как убедить тебя подождать в номере, пока я буду беседовать с Маркусом.

– Мы это уже обсуждали. Этот тип может оказаться кем угодно, и я больше не допущу. Я больше не оставлю тебя без защиты, – Луис неодобрительно засопел. – Или со мной, или никак, – бросил он. – Ты должна принять это или...

Руки, сжимающие руль, дрогнули. Машина резко вильнула влево, колеса протестующе скрипнули, когда он слишком резко нажал на тормоз.

– Прости, – прохрипел парень. – Я задумался. – Он со всей силы сжал зубы, так что они заскрипели.

«Ты должен принять это или уйти», – так всегда говорил Джек. Фраза оживила воспоминание, вслед за которой пришла боль и чувство вины. Он виноват, что не успел. Он виноват, что вовремя не появился возле «Красного озера». Он виноват, что Джек сорвался вниз.

Вайлет, будто почувствовав резкую смену его настроения, подняла взгляд, прикоснулась к судорожно сжатой на руле руке.

– Я не хочу с тобой спорить, – в ее глазах стояла мольба. – Я не хочу, чтобы ты оставался в номере, но мы не можем ставить условия, понимаешь? Нам нужна информация и не мы заказываем музыку.

– Если этот парень... Маркус не задумал ничего дурного, значит, он предполагает, что я не отпущу тебя одну. Ви, Господи, о чем мы только спорим! Я не смогу спокойно отсиживаться в номере.

– Я знаю, – прошептала она. – Знаю, поэтому и прошу.

– Я не могу. Ты пойдешь либо со мной, либо не пойдешь вообще. Если Маркус не придет, значит, мы выясним из другого источника все, что нам нужно: Лестер, Катано – видит Бог, я заставлю его рассказать все, что он знает, Грейв и Марот тоже помогут.

Он ударил по тормозам, и машина резко остановилась. Луис крепко сжал ее за руку, окунувшись в зеленое море. Они молчали, рассматривая друг друга, словно видели впервые. В заднем зеркале обзора показался грузовик, стремительно приближающийся к форду, но Луис не видел его, не имея сил оторвать взгляд от девушки.

Прямо на капот машины с криком спикировала ворона, выдергивая из оцепенения. Луис чертыхнулся и посмотрел по сторонам.

– Вот черт, – крикнул он, вдавливая до упора педаль газа. – Ви, держись!

Форд сорвался с места, тяжелый, заляпанный грязью, грузовик успел лишь слегка боднуть борт машины. Их бросило вперед, колеса наехали на опору ограждения, сминая его, словно консервную банку.

Вайлет развернулась, пытаясь рассмотреть, через затемненное лобовое стекло, водителя, но ничего не видела. Сердце затрепетало от переполнившей ненависти. Намерения ясны, как божий день. Безликий водитель грузовика пытался столкнуть их с обочины.

Луис на предельной скорости гнал автомобиль по пустынному шоссе, и казалось, что удалось оторваться, когда неожиданного машину дернуло, и раздался громкий хлопок.

– Колесо! – Вскричал парень, пытаясь удержать руль.

Лопнувшая шина, хлупала по асфальту, как забравший воды дырявый ботинок. Стрелка скорости резко пошла влево, грузовик снова настигал. Он ударил в бампер, затем еще и еще. Луис отчаянно крутил руль, преграждая путь вырывающемуся вперед грузовику, ведь тогда тяжеловоз с легкостью столкнет их с дороги, и первое же встречное дерево разнесет капот форда, не оставляя ни единого шанса.

Лес остался позади, а шоссе раздваивалось, будто змеиный язык: одна дорога шла на восток, другая на запад. Там впереди маячил дорожный патруль, и если им хоть немного повезет, они доберутся до него прежде, чем их столкнут вниз.

Водитель грузовика сигналил, очередной удар, и заднее стекло разлетелось на мелкие осколки. Машину занесло влево. Луис ожесточенно крутил руль в противоположную сторону, с ужасом понимая, что машину не удастся выровнять.

Вайлет снова развернулась, всматриваясь в темное стекло. Она не чувствовала страха, только досаду: если все закончится здесь и сейчас, то виновный в смерти Джека не понесет заслуженного наказания. И еще Луис. Она не должна была впутывать его во все это. Не имела право распоряжаться его жизнью.

– Ну уж нет... – процедила она сквозь плотно сжатые зубы.

Одинокая тучка, появившаяся на небе, закрыла солнце. Перед глазами пейзаж слился в одно цветное пятно, и только петляющая впереди дорога казалась сплошной черной лентой, уходящей вдаль, не имеющей ничего общего с этим безумным калейдоскопом.

Черная, как крылья птицы. Вайлет смотрела вперед и не верила тому, что видела. Она не могла посмотреть на Луиса, боясь увидеть в глазах подтверждение своего безумия. Вайлет тряхнула головой, прогоняя наваждение, но оно не ушло.

Черная лента дороги неожиданно начала расширяться, будто расплывающееся чернильное пятно. Темные куски отрывались от пульсирующей поверхности и, со свистом пролетая мимо форда, с громким шлепком ударяясь о преследующий их грузовик. Они напоминали куски размокшей грязи, пока... пока она не пригляделась к ним лучше.

Сотни тысяч птиц, появившихся неизвестно откуда, с ужасным криком пронеслись мимо, не задевая форд, словно он островок посередине взбесившейся черной реки, и разбивались об грузовик, который скоро стал красным от крови. Птицы атаковали его снова и снова, словно обезумевшие, создав между фордом и ним сплошную живую стену.

– Да, что же это, мать твою, – вскричал Луис.

– Ты видишь это? – Прошептала Вайлет, но из-за гвалта, стоявшего вокруг, он не услышал.

Она обернулась назад и тут же зажмурилась. Маленькие камикадзе продолжали таранить машину, неминуемо попадая под мощные колеса, разбиваясь о темное стекло. Безжизненные тельца падали под колеса, словно опустошенные кульки. Намокшие от крови перышки, колыхались от встречного ветра.

– Что же они делают?

Птицы так же молниеносно пропали, как и появились. Только теперь Луис посмел оглянуться. Грузовик отстал, но снова набирал скорость. Дворники на его стеклах, работали как сумасшедшие, счищая налипшие перья и бурые подтеки.

Прямо впереди была развилка. Луис свернул на восток и тут через несколько ярдов был остановлен патрулем. Грузовик, сигналив, свернул на север, и скоро исчез из глаз.

Понадобилось некоторое время, чтобы привести дыхание в порядок и успокоиться. Они не смотрели друг на друга, не слыша то, что пытается внушить полицейский. Потеряв терпение, он рявкнул, чтобы они выходили их машины и держали руки на виду. Не мудрено, они походили на двух обкурившихся наркоманов.

– Вы... вы видели птиц? – Спросил Луис. – Они появились из... – он прикусил губу и оглянулся. Лес был далеко позади. Куда они могли исчезнуть так внезапно, и как появились?

– Птицы значит, – рявкнул коп. – Эй, Роули, проверь как ты этих ребят. Что принимали? – Спросил он, заглядывая Вайлет в лицо. – Мисс, посмотрите на меня! Так, сколько я показываю пальцев?

– Нет, сэр, вы не поняли, – прошептала Вайлет. От жажды горло жгло, и слова давались с трудом. – Мы не принимали наркотиков, мы просто не можем прийти в себя, – она толкнула Луиса в бок.

– Да? И что же такого произошло? – Хмыкнул коп.

– Нашу машину пытался протаранить грузовик, который только что свернул в противоположную сторону.

– Грузовик? Эй, Роули, ты видел грузовик?

– Нет, сэр. Я видел только этот форд, петляющий по всему шоссе. Их счастье, что рядом не оказалось другой машины, иначе аварии не избежать.

– Постойте! – Взревел Луис. – Вы что не видите, что с нашей машиной? Нас пытались столкнуть с дороги, да не трогайте меня! – Он дернулся, и Роули тут же наставил на него пистолет.

– Поаккуратней, парень, у нас тоже был чертовски тяжелый день, и я не желаю заканчивать дежурство перестрелкой. Поэтому не порти мой отчет, иначе загремишь за решетку дней на десять за оскорбление представителя закона.

– Луис, – Вайлет тряхнула его за плечо. – Прошу успокойся. Позвольте объяснить. На дороге у нас лопнула шина, и машину занесло. Луис пытался выправить ее, поэтому вы и видели, что мы петляем по дороге.

– Почему же у вас разбито заднее стекло, фары, покорежен весь корпус?

– Мы попали в аварию... э... на шоссе сто двенадцать, возле Норд-Бенд – не справились с управлением. Дорогу перебежал олень и, чтобы избежать столкновения...

– Так, понятно, – протянул коп на вид лет сорок в ковбойской шляпе, и глянул на Роули, продолжавшего держать их на мушке. – Ну-ка, Роули, сынок, осмотри шину.

Молодой человек кивнул, хмуро покосился на Луиса, и обошел форд.

– Значит, куда вы направляетесь?

– В Дармон, – ответила Вайлет, предостерегающе сжимая руку друга, который буквально кипел от гнева.

– И зачем?

– Мы...

– Путешествуем, – не слишком дружелюбно бросил Луис.

– Почему именно Дармон?

– Красивый город, почему бы нет, – снова пробасил Луис.

Полицейский крякнул, оглядывая его с ног до головы.

– Сэр... – раздался голос Роули.

– У вас и документы в порядке, полагаю? – Спросил коп в ковбойской шляпе.

– Разумеется.

– Сэр, – снова протянул Роули.

– Говори, напарник.

– Вам лучше взглянуть на это.

– Так, ребята, стойте спокойно. Не нужно делать глупостей, – предупредил коп и прошел к Роули, склоняясь к колесу.

– Луис, успокойся. Мы все равно ничего не докажем.

– Черт возьми, как это они не видели чертов грузовик? – Прошипел он. – Ты понимаешь что-нибудь? Я ни черта! И эти птицы... как?

– Не важно. Нам просто повезло, – девушка задумчиво глянула в сторону леса. – Мы должны скорее добраться до города. Нам нужно встретиться с Маркусом.

– Ты сказала нам?

– Да! Нам.

Она улыбнулась, и заигравшие на щеках ямочки вернули уверенность в свои силы.

– Так, где вы прокололи шину, – раздался над ухом недовольный бас.

– Эм... прямо перед выездом из леса. Машину занесло, – более спокойно ответил Луис.

– Да, да, – протянул коп в шляпе, почесав затылок. – Должен сообщить, что вам необходимо проехать с нами в участок для подтверждения идентификационных данных ваших личностей.

– Данных? Вы же видели наши документы! Что не так?

– Не так? Да все! – Протянул коп. – Начнем с того, что в вас стреляли, и пуля угодила в колесо. Если вы мне прямо сейчас сможете объяснить кто и где, то, пожалуй, я отпущу вас на все четыре стороны, и вы отделаетесь, лишь штрафом за машину.

– Стреляли? – Ахнула Вайлет.

– Мы проезжали через лес. Может случайный выстрел какого-то охотника, – Луис сам понял, как фальшиво прозвучали его слова.

– Хотел бы посмотреть на этого охотника, который бродит в лесу в поисках кабана с пистолетом 45 калибра. В машину, – рявкнул коп в ковбойской шляпе. – Роули, поедешь на их колымаге, хотя, по моему мнению, скорее всего ее проще отправить прямиком на свалку, чем выложить кучу денег за починку.

Ушло несколько часов на проверку документов и расспросы: не видели ли они кого-нибудь или что-то подозрительное по дороге в Дармон. Вайлет и Луис ничего не сказали о грузовике и птицах, предвидя реакцию полицейских. Осложнения были ни к чему. Времени потеряно достаточно, а неосторожно брошенное замечание могло задержать еще на несколько часов.

Они ожидали участия в приемной полицейского управления города Дармона, тихо переговариваясь между собой. Вайлет была обеспокоена тем, что теперь, когда они засветились в полиции, Маркус может не рискнуть выйти на контакт.

– Время покажет, – твердил Луис, заглядывая ей в глаза. – Тебя все время что-то гложет. Ви, ты можешь поделиться со мной.

– Я знаю, но это не самое подходящее место, ты просто, – она осеклась, когда перед ними выросла фигура, и полицейский в ковбойской шляпе дружелюбно расплылся в улыбке.

– Думаю, все уладилось, – протянул он и вздохнул. – Почему вы не сказали, что из Файерлейка.

Вайлет тут же нахмурилась.

– Не видим необходимости лишний раз напоминать об этом, – сказал Луис, разглядывая портрет мужчины, висевший на обшитой деревянными панелями стене позади копа: широкий лоб, волевое лицо, пышные рыжие усы.

Большой зал был разделен на несколько перегородок, за которыми находились полицейские: одни работали на компьютере, другие разговаривали с задержанными, либо пострадавшими. Мимо проволочки упирающегося изо всех сил парня, который в пьяном угаре изрыгал проклятья на головы достопочтимых служителей закона.

– Понимаю, – крикнул коп, неодобрительно покосившись на кричащего юношу. – Но советую в дальнейшем об этом умалчивать. Надеюсь, вы на меня не в обиде за неучтивость. День выдался тяжелым. Я принял вас за грабителей или наркоманов, уж не знаю, что лучше. Я Десмант, Десмант Гоус, – он протянул руку. – Шериф.

– Шериф? – Вайлет удивленно вскинула брови.

– А... это. Не люблю носить значок, – он махнул рукой. – Если будет нужна помощь, буду только рад оказать ее. Мог бы помочь в обустройстве и прочее, если надумаете остаться.

– Спасибо, будем иметь ввиду, – Вайлет поднялась и протянула к нему руку. Мужчина учтиво пожал ее, но девушка все не отпускала его, пристально вглядываясь в глаза.

– Послушайте, шериф. Вы, правда, ничего на дороге не видели?

– Не понимаю. – Руку закололо, будто по ней пробежал слабый заряд электрического тока.

– Еще одну машину.

– А она была? – Теперь Десмант внимательно рассматривал девушку, поражаясь красоте и скрытой печали, таившейся в глубине зеленых глаз.

– Нет, наверное, нет.

– Вы точно ничего не хотите рассказать?

– Мы сказали, все что знаем.

Профессиональное чутье подсказывало – эта парочка что-то утаивает. Их вид на шоссе был безумен, словно они повстречали самого черта. Но тесты на алкоголь и наркотики были отрицательными. Значит, остается лишь одно – страх. Что могло их так напугать? Ведь этот здоровяк вряд ли из пугливых, и он постоянно бросает на девушку взгляд, будто боится, что она вдруг исчезнет или превратится в дым. А еще не давала покоя пробитая пулей сорок пятого калибра шина.

Неожиданно перед глазами шерифа возникла странная картинка: окровавленная рука, с которой на жухлую траву капает кровь, тянется к одинокому белому цветку, растущему у старого надгробья. Одна рука, без человека или его очертания, освещенная единственным лучом, случайно выглянувшего из-за туч солнца.

Вайлет разжала руку, и картинка из головы тут же исчезла. Десмонту недоуменно открыл рот, но счел лучшим промолчать. Зеленые глаза напротив завораживали, и пока она не отвела взгляда, он не мог вымолвить ни слова.

– До встречи, – сказала девушка.

Сердце шерифа сжалось от необъяснимой тревоги.

Они остановились перед двойной дверью в отель. Вайлет схватила Луиса за руку и перевела дыхание. Маленький городок погрузился в послеобеденное оцепенение. Редкие прохожие уныло плелись по своим делам, не замечая застывшую у порога трехэтажного дома парочку. Гомон детворы затих, детская площадка в глубине тополиной аллеи опустела.

Прямо посреди песочницы вальяжно развалился желто-черный ретривер. Огромная морда покоится на передних лапах, а сонные глаза уныло смотрят прямо на Вайлет. Рядом на деревянной скамейке сидит сгорбленный старичок, клюющий носом. Черные круглые очки сползли на самый кончик, а полированная трость с позолоченным набалдашником в виде птичьей головы стоит рядом возле его правой руки.

Периодически старичок вздрагивает, поднимает голову и прислушивается. Собака тут же поворачивается в его сторону, ожидая окрика хозяина, и когда он снова впадает в легкую

дрему, она спокойно кладет морду на лапы и грустно смотрит на противоположную сторону улицы – туда, где находится дом сто четыре. Старичок слепой, и собака его поводырь.

Девушка вздохнула, подавляя желания подойти к одинокой сторбленной фигурке, и шагнула вперед.

– Постой, – прошептал Луис, оттаскивая ее за руку назад. – Я пойду первым.

Они прошли мимо консьержки: полной розовошкой дамы, громко храпевшей за стеклянной перегородкой у монитора компьютера. Миновали лифт, и поднялись по широким мраморным ступеням на третий этаж.

С каждым шагом, с каждой последующей ступенью волнение нарастало. Вайлет не хватало воздуха, а каменная декоративная кладка розовых стен давила, будто могильная плита. Ассоциация с подземным лабиринтом Лунных пещер только усилила страх: кто знает, может впереди искусно расставленная ловушка, в которую они сами безропотно шли.

После инцидента на дороге, она уже ни в чем не была уверена, даже в том, что они видели. Она уже не была убеждена, что это тот самый таинственный Маркус ждет сейчас за дверью с номером 553. Задавая себе один и тот же вопрос: «Ради чего ему идти на такой риск, раскрывать инкогнито и встречаться лично?»

Длинный коридор заканчивался нужной дверью. Бежевого цвета ковrolан с зелеными лепестками притуплял звук шагов, а в стройных рядах зеркал отражались их фигуры. Луис остановился перед номером и приложил ухо к двери, за которой царила гробовая тишина.

– Позволь мне, – прошептала она, но он покачал головой, с опаской разглядывая ручку замка, словно это была выдернутая чека гранаты, которая вот-вот взорвется.

Он осторожно постучал в дверь. Руки непроизвольно сжались в кулак, а под скулами заходили желваки. На стук не ответили. Парень глубоко вздохнул и постучал снова. Вновь тишина.

Страх оттеснило отчаянье. «Ну, конечно, Маркус предупреждал, чтобы она приходила одна. Если бы она не была такой трусихой!» Вайлет обижено поджала губы, и глянула в свое отражение в зеркале на противоположной стене коридора.

«Жалкая трусиха. Испугалась грузовика! Решила, что это связано именно с ней. Почему? Отчего такая уверенность? Может быть, пьяный водитель или идиот, развлекающийся подобным образом. Да? Тогда как же простреленная шина?»

От бесконечных вопросов разболелась голова. Она потеряла кончиками пальцев виски и с неммым укором уставилась на Луиса. Он, видимо, интерпретировал ее взгляд по-своему, поэтому еще раз постучав и немного выждав, смело протянул руку к позолоченной ручке двери. Она оказалась не заперта и при легком касании приоткрылась на несколько дюймов.

– Эй, есть кто-нибудь? – Позвал Луис. – Ви, стой, где стоишь, я сам проверю номер.

Он не стал ждать ее ответа и быстро вошел в комнату. Жалюзи на окнах были закрыты, и комната погружена во мрак. Луис протянул руку и принялся шарить по стене в поисках выключателя, и когда нашел, щелкнул, включая свет. Ничего. Темнота не рассеялась, продолжая скрывать очертания комнаты и возможно того, кто в ней прятался.

Впервые в жизни он пожалел, что не курит. По крайней мере, у него была бы зажигалка. Толк от нее небольшой, но он без труда бы пересек гостиную и открыл жалюзи, впуская солнечный свет. Наверное, но не сейчас.

Слух обострен до предела и когда он услышал тихий шорох в дальнем углу, тот показался громким хлопком ярмарочной петарды. Затем раздался щелчок, и угол комнаты осветился тусклым светом настольной лампы. Расплывчатая фигура сидела в кресле, и свет бил ей в спину, не давая возможности разглядеть человека.

– Тебе лучше не предпринимать ничего, – прошипел Луис. – Даже если ты всадишь в меня всю обойму, я успею придушить тебя собственными руками, и сам черт не сможет их разжать, даже после того, как я распрошаюсь с этим миром.

– Я бы придумал другой способ отправить тебя на небеса, Луис. Есть тысячи методов...

– Например, авария!

– Может, и так, – голос не был грубым, скорее, наоборот. Как будто разговаривал подросток. Луис вглядывался в темный провал, где должно быть лицо, но не мог пробиться сквозь тень.

– Ты меня знаешь? Откуда?

– Я расскажу, но сначала пригласи Вайлет. Уверю, ей ничего не угрожает!

– Как же! – Бросил Луис. – Тогда почему ты настаивал, чтобы она пришла одна?

– Потому что был уверен на сто процентов, ты придешь с ней. Пригласи девушку. О, она уже здесь!

Луис почувствовал, как маленькая ладошка сжала его руку. Вайлет никогда не воспринимала предостережения всерьез. Совсем как Майкл.

– Слушай, парень. Не люблю разговаривать с тенью, но понимаю причину, по которой ты должен скрываться, поэтому давай перейдем сразу к делу.

– Присаживайтесь. Позади вас кресла, между ними напольный светильник. Вы можете включить свет. Мне не зачем прятаться. Больше не зачем.

Луис удивленно посмотрел на девушку, которая не отрывала напряженного взгляда от Маркуса. Он почувствовал, как дрожит ее рука.

– Так значит, ты – Маркус? – Спросил он, пятясь к креслу, не желая поворачиваться спиной.

– Да, я Маркус.

Яркий свет на миг ослепил. Луис зажмурился, но не отпустил руку Вайлет и, услышав ее удивленный крик, напрягся. Постепенно очертания сидящего напротив человека становились четче, как в объективе настраиваемой фотокамеры.

На них смотрели сощуренные маленькие, словно пуговицы тряпичной куклы, глазки, одутловатое лицо, с висящими дряблыми щеками, словно у недовольного жизнью мопса. Нелепая светлая бейсболка с эмблемой фабрики Скъюета лихо надета козырьком назад, из-под которой торчат жидкие светлые пряди волос. На толстом, будто воздушный шар, животе спокойно лежат пухлые ручки, в одной из которых зажат телефон – нет, не телефон, компьютер.

И это чудакое создание – неуловимый злой гений Маркус? Такое и вообразить невозможно.

Луис открыл рот, и забыл, что хотел сказать. Физиономия напротив была знакомой, но где и когда он мог видеть этого человека? Мозги словно встали в ступор. Если бы сейчас у него спросили, как его зовут, то вряд ли Луис ответил. Удивление нарастало, а человек расплывался в хитрой улыбке, и в ней не было ничего пугающего или злобного. Маркус, если это он и есть, будто повстречал давних друзей и был несказанно этому рад.

Вайлет тоже почувствовала его настроение. Она дернулась вперед, вырвав руку, но на полпути замерла.

– Я уже видела одну метаморфозу, произошедшую с одним, казалось бы, безобидным парнем и...

– И он едва не убил вас в Лунных пещерах, – сказал Маркус, и его улыбка тут же исчезла.

Луис наконец-то вышел из оцепенения. Челюсти клацнули, когда он закрыл рот и вновь обрел дар речи.

– Ви, иди ко мне, – прохрипел он. – Он может быть кем угодно.

На этот раз девушка послушалась и сделала шаг назад. Человек нахмурился и покачал головой.

– Да, Луис, прав, что не доверяешь. Метаморфозы часто происходят с людьми. Они прячутся за масками, скрывая ярость или боль, но моя не несет враждебности, по крайней мере,

лично к вам. Я согласен с Эрни: когда люди считают тебя идиотом и не берут в расчет, легче взять то, что необходимо, но я солидарен с ним только в этом и ни в чем другом.

– Так ты знал, кто скрывается под маской Эрни? – Луис не мог поверить своим глазам.

– Тогда нет, а сейчас – да.

– Здравствуй, Мэтью. Я думала, ты погиб, – всхлипнула девушка.

– Нет, Ви. К счастью мой дом спасла близость реки и возвышенность. Лава миновала мою землю, распространившись на восток. Хотя лесопилка полностью выгорела. Повторю – меня спасла близость реки и может быть чуточку везения.

– Мэтью, – вскрикнула девушка, и прежде чем он понял, что произошло, она бросилась вперед, и, вскочивший на встречу маленький человечек, заключил ее в крепкое объятие.

– Мэтью? – Простонал Луис. – Молочник, твою мать.

– Добс, мистер, – сказал человечек, продолжая обнимать девушку. – Я так рад, Ви, что ты выстояла, что ты справилась. Я так хотел помочь тебе, но боялся лишь навредить, но когда понял, что ты не остановишься, – он всхлипывал, неуклюже топчась на месте.

– Ты жив, Мэтью! Ты жив! – Шептала девушка.

– Безумие, – прохрипел Луис, подходя к человеку, который оказался почти на две головы ниже его. – Безумие! Так ты... тот молочник-идиот, что каждое утро появлялся в нашем городе? – Вырвалось у него прежде, чем он осознал, что это более чем «слишком грубо».

Вайлет осуждающе бросила взгляд в его сторону, но Мэтью рассмеялся.

– Верно.

– Так ты, мать твою, Маркус – этот гений? – В ответ человек захихикал тонким детским голоском. – Не верю, – плюхнулся в кресло Луис. – Не верю, хоть убейте.

– Да, парень, и вы первые, кто узнали об этом. Надеюсь – последние.

Луис снова поднялся и, шатаясь, направился к окну. Нужно немедленно впустить свет, распахнуть окно настежь и плотнуть свежего воздуха, иначе можно сойти с ума. Парень протянул руку к жалюзи.

– Не открывай, – покричал Мэтью. И Луис подпрыгнул на месте, так изменился голос молочника, став низким встревоженным, даже испуганным.

– Не открывай, – медленно проговорил он по слогам, будто объясняя умственно отсталому, что делать это нельзя. – Луис, пройди назад в кресло и не открывай штор.

Беззаботность и радость от встречи моментально испарились. Темные углы комнаты снова напоминали черные провалы, таившие в себе враждебность и неизвестность, а пугающее настоящее вновь навалилось тяжелым бременем. Вайлет тяжело опустилось в кресло, словно ее оставили силы. Невысокая тучная фигура молочника резво прошла к окну, внимательно оглядела забранные жалюзи и, убедившись, что все в порядке, вернулась назад.

Мэтью сел рядом с девушкой и взял ее за руку, с нежностью заглядывая в прекрасные глаза.

– Помнишь наш разговор в моей ветхой лачуге, Ви? – Спросил он. Вайлет качнула головой. – Вы были испуганы. Спасались от преследователей. Весь город был против вас, но это не сломило вашу веру друг в друга, помнишь?

Она качнула головой.

– Мы разговаривали, сидя на кухне, пока Джек отправлял сообщение с моего компьютера. Вернее, это ты говорила, а я лишь слушал. Я был поражен, откуда ты можешь знать обо мне столько, ведь мы даже не были знакомы? Как ты можешь так чувствовать человека, подмечая малейшие детали в разговоре, взгляде, интонации голоса, выстраивая из этих песчинок сложную конструкцию, объясняющую многие аспекты моего поведения и действий. Откуда ты знала, что я чувствовал, что переживал, когда был ребенком? Как?

Мэтью тяжело вздохнул, руки его дрожали. Луис, словно замороженный, смотрел на Вайлет, от которой исходили сильнейшие волны магнетизма. Его безудержно тянуло к ней, и было

лишь одно желание – прикоснуться к шелку волос, быть рядом и сделать все, чтобы она была счастлива. Вайлет всегда бросалась на помощь, не задумываясь о последствиях, не думая о дурном, что в конечном итоге может привести к трагедии, как тогда в Лунных пещерах. Ведь если бы не Джек, Эрни совершил бы задуманное, и никто бы его не остановил.

– Я всегда был изгоем, – продолжал Мэт. – Ты права, Вайлет. – Я всегда был один. Стыдясь своего тела, своего лица, ежедневно терпя оскорбления и унижения от моих более удачливых сверстников, что в конечном итоге должно было привести лишь к одному результату. Ты права, я стал ненавидеть их, и мечтал только об одном – доказать, что я не такой идиот, как они все время твердят. Я видел в своих грезах, как они жалеют о том, что так обращались со мной, я мечтал, что все изменится.

У меня не было силы, не было денег, но были мозги, и я понял, что только благодаря этому могу подняться над ними. Подняться, но остаться в тени, чтобы вдоволь насладиться победой.

Но, чем старше я становился, тем сильнее понимал: мне не за чем доказывать всему миру, что я не такой, каким кажусь, – он посмотрел на Луиса, и тот опустил взгляд.

– Да, я выгляжу, как ожиревший гном, а мое лицо – будто карикатура несчастного Квазимодо, но что из того? Да, я вынужден жить в одиночестве, но так ли это плохо, ведь я жил так до этого? Зато я могу заниматься тем, что мне действительно интересно: я могу учиться, столько, сколько понадобится, могу работать столько, сколько захочу и жить так, как хочу. Ты дала мне это понять, ты помогла принять себя самого и теперь я действительно осознаю: неважно, как я выгляжу; важно, что я чувствую; важно, кем я стал; важно, что я живу.

При этих словах Вайлет вздрогнула, в глазах вспыхнула боль.

– Ты тоже должна понять это, Вайлет. Ты тоже должна понять, как и я: моя месть, всего лишь завышенные амбиции и униженное чувство собственного достоинства, и месть не решает проблемы, она лишь загоняет тебя в кокон, замораживает чувства, лишает эмоций. Ты превращаешься в зомби, переставая различать краски, а ведь мир так прекрасен. Ты дала мне понять это, ты...

– Я перестала видеть краски, Мэтью... в тот самый момент, – она замолчала, стиснув зубы.

– Я знаю. Пусть сейчас я сделаю тебя больно, но я должен сказать, надеюсь, поймешь. Когда вы отправились на лодке через реку, я поклялся, что помогу тебе, чем бы это не обернулось, чем бы ни грозило, и я выполню обещание, данное самому себе. Ведь я никогда не встречал того, кто готов был помочь, не требуя что-то взамен. Кто видел в тебе человека, а не смешную физиономию. Кто ценил твой ум, а не способ навредить обидчику.

Вайлет, тот парень... Джек. Ты не должна была быть с ним, потому что он... он не для тебя. Не знаю, как выразиться точнее. Он мог принести лишь страдания, потому что его душа все время кипела от ненависти, а злость, горящая в глазах, грозила смертью.

– Что ты несешь? – Взорвался со своего места Луис.

– Мэт, пожалуйста, не надо так, – прошептала Вайлет.

– Простите, простите друзья, я всего лишь хочу сказать то, что видел.

– Ты ничего не видел, парень! Ты его не знал!

– Луис, успокойся, я не хочу никого обидеть.

– Джек самый добрый и прекрасный человек, которого я когда-либо встречала, – сказала Вайлет. Луис тут же плюхнулся назад в кресло, закрыв лицо руками. – Он мне очень дорог, и я не позволю виновным уйти от заслуженного наказания. Я знаю, что ты хочешь донести до меня, Мэт, но поверь – не стоит тратить на это, ни моего, ни твоего времени, потому что ты не переубедишь меня, какие бы доводы не привел.

– Маркус, – глазки скрылись в узких щелочках.

– Что, Мэт? – Растеряно спросила Вайлет.

– Зовите меня Маркус, – сухо сказал Мэт. – Не молочник, ни Мэт Добс, ни парень из Файерлейка, а Маркус.

– Хорошо Мэ... Маркус, – Вайлет вытерла глаза и внимательно посмотрела на сидящего перед ней человека, который мгновенно превратился в профессионала, оставив за невидимой чертой, лишнее.

– Поговорим о деле, – сказал он.

Вайлет выпрямилась и взволновано вздохнула, пытаясь совладать с дрожью рук.

– Ты передашь материал, который я просила найти?

– Разумеется. Это моя работа и я всегда делаю ее хорошо, но это лишь один аспект.

– Что же еще, Маркус? – Подал голос Луис, нарочно сделав ударение на последнем слове. Мэт недовольно посмотрел на него, скривив губы в подобие улыбки.

– Луис, прошу тебя, – сказала Вайлет. – Говори, Мэ... Маркус.

– Вы просили любую информацию, касающуюся деятельности ордена. Чтобы все понять, нужно пойти с самого начала. – Маркус посмотрел на зажатый в руке планшет и нахмурился. – Есть только одно надежное место, где бы я ни волновался на счет этого. За годы моей практики, – хмыкнул Мэт, – я обзавелся обширной клиентурой и значимыми связями. Безликий Маркус может все, так почему же иногда не выполнить маленькую и, казалось бы, безобидную его просьбу. Только вот не каждый понимает: я ничего не делаю просто так, и маленьких просьб в моем деле не существует.

Вайлет и Луис переглянулись.

– Полагаю, вы обладаете достаточным количеством времени, чтобы спокойно все выслушать, и уж тем более – не люблю, когда меня перебивают, – он с вызовом посмотрел на сидящего в дальнем кресле парня.

– Отлично – урок номер один усвоен, – крикнул Маркус, выключая планшет. – Человек возомнил себя хозяином природы, великим творением Господа, верхушкой пищевой пирамиды, королем из королей – зовите, как хотите. Тщеславие всегда вело вперед прогресс, новые технологии, медицина, всемирная сеть. Сущий бред! Мы всегда будем лишь крохотной цепочкой в эволюции, и уж никак не вершиной пирамиды. Не согласны? Тогда попробуйте доказать это голодному льву, которого повстречаете в сафари за сотни миль от цивилизации.

Куда денется вся ваша спесь, гениальные идеи и жалкие амбиции? Что вы сделаете, оказавшись один на один перед грозным противником, истекающим при виде вас слюной. Он не поймет вашего испуганного блеянья в жалкой попытке спастись, которому не нужны ваши счета в банке и дом на лазурном берегу, который в гробу видел ваши условности и раздел территории, прогресс и победу над бедностью.

А теперь представьте врага в миллионы, миллиарды раз сильнее разъяренного голодного льва. Который ненавидит само человечество, который желает уничтожить людей как сам вид, и эта ненависть несоизмерима и неподвластна описанию. Враг, который убежден, что человек недостойн жить и наследовать эту землю, потому что душа его страшнее того зла, что несет он сам, а совершает он все во имя самообогащения, подчинения близкого своей воли, ради разрушения.

Да, человек возомнил себя царем природы. Он думает, что знает каждую пядь своей земли, думает, что понимает законы, существующие здесь. Он думает, что всегда сможет остановить болезни или вовремя укрыться от извержения вулкана, или разогнать приближающийся ураган, предсказать торнадо. Он думает, что может в любой момент заползти в свою нору и переждать беду, но это не так.

Крохотное звено – всего лишь звено – и если что-то пойдет не по сценарию, его просто выбросят и заменят другим звеном. Вам непонятно, но вы поймете.

Луис нетерпеливо ерзал в кресле. И ради этого бреда они тащились столько миль? Он открыл рот, намереваясь перебить Мэта, но Вайлет покачала головой.

– Всегда существует белое и черное. Всегда существовала борьба равновесий. Извечно были те, кто сомневается и те, кто уверовал, но это ничего не меняет. Человечество рано или поздно погубит себя само: болезни, войны, ненависть. Но если есть способ ускорить неизбежное, для чего промедление? Когда ты столько ждал, любое мгновение кажется вечностью, а предвкушение скорой победы толкает на действие.

Со дня сотворения земли существовали особые места, в которых все кардинально менялось, служа единственной цели, и эту цель нам не дано знать, но тот, кто находится по другую сторону, недооценил людей, этих слабых творений Господа, страдающих множеством пороков и таких уязвимых. Казалось бы, к каждому нужно просто подобрать ключик, и дело сделано, но тот, кто недооценивает врагов, а люди всегда были его врагами, рано или поздно терпит поражение.

Чтобы бы вы сказали о заговоре лягушек или летучих мышей – рассмеялись, говоря о бредятине, на какую и не стоит обращать внимание. Распылим тонны две химикатов, ударим психоволнами с особой чистотой, от которых у мышей голова взорвется, как переспелый арбуз – и гранты их Великому заговору. Так думает и он, глядя на нашу мышиную возню.

Правда, вышло маленькое недоразумение, но о нем позже.

Эти места всегда пугали и притягивали к себе сумасшедших, мечтающих докопаться до глубинного смысла, до истины. Ха! Все равно, как попытка изобрести вечный двигатель или эликсир молодости. Но мечта всегда толкает людей на крайности, без которых, впрочем, можно и обойтись, а уж любопытство вообще на безумства.

Но не все такие. Всегда есть исключения из правил, даже среди людей, мнящих себя пупом вселенной. Некоторые поняли, может, сначала интуитивно, внутренним чутьем, что это плохие места, и человек меняется, долго находясь там: заболевает, сходит с ума, умирает или просто исчезает, будто его никогда и не существовало.

Если есть начало – всегда есть конец, если есть вход в лабиринт, значит, должен быть выход, – Мэт поднялся и, шаркая ногами, прошлепал к бару. Налил полные бокалы Вердиккио¹, подал Вайлет и Луису, затем взял себе и задумчиво покрутил в руках.

Свет настольной лампы отразился от янтарной жидкости и заиграл на стене напротив.

– Почему ты молчишь? – Бросил он Луису.

– Ты же не любишь, когда тебя перебивают? Но, все же, замечу – ближе к делу!

Мэт хрюкнул и с наслаждением отпил от бокала.

– Некоторые люди рождаются другими, не такими, как остальные, – он с нежностью посмотрел на девушку. – Они могут и не осознавать, но остальные это видят и замечают. Такие люди всегда подвергались гонениями: их сжигали на кострах, мучили, четвертовали. Страх всегда двигает большинством поступков, а уж страх необъяснимого, как это любят говорить, с научной точки зрения, и вовсе толкает на крайности. Белых ворон никогда не любили. Если ты чем-нибудь отличаешься, выделяешься от общей массы – ты, безусловно, обречен на непонимание, ты становишься изгоем. Как не мне это знать, и хотя в моем случае это переживаемо, в твоём Вайлет чревато серьезными проблемами, ну если только... Если только ты не станешь одной из них. В одиночестве таким не выжить, и ты это понимаешь.

– Она не одинока, – прошипел Луис.

– Конечно, ты надеешься на это. Но журавлю никогда не быть с бакланом. Понимаешь, о чем я, сильный парень?

– Болтай, что хочешь!

– Луис, пожалуйста, – она дотронулась до его руки.

¹ Вердиккио – одно из самых известных итальянских белых вин, производимых в центральной Италии в провинции Анкона. Сухое бледное вино с интенсивным запахом, разливается в вазообразные бутылки.

– Такие индивидуумы стали скрывать от остальных истинную натуру, то, чем отличались, стараясь жить вместе и не выставлять себя напоказ. Но эти люди всегда несут большую ответственность и если им дана сила – они обязаны помогать другим. Давайте будем называть их одаренными.

Одаренные быстро поняли, откуда надвигается беда, и чтобы предотвратить катастрофу они обязаны охранять опасные места. Вернее охранять от того, что находится в них. Таких мест в Америке пять: в Неваде, Орегоне, Канаде, Иллуизиане и Северной Каролине. По всему миру их более десятка – это только те, что нам известны. Созданное сообщество называло себя орденом «Хранителей земель».

– Постой, Маркус, – не выдержал Луис. – Значит, ты утверждаешь, что таких организаций несколько?

– Да, пять, и все они объединены в некий союз, которым правит совет, состоящий из двух или одного представителя каждой группы, который решает возникающие проблемы и способы их устранения.

– Откуда такая информация?

– Позволь не называть своих источников, Луис.

– Афения?

– Да, она – как руководитель ордена, состояла в совете.

– Значит, совет решает проблемы.

– Руководит советом некий Алесандро. Ничего о нем пока не знаю. Знаю одно: ему подчиняются все пять групп. Кстати, если объединить на карте аномальные зоны, получается что-то вроде пятиконечной звезды.

– Поэтому символ ордена пятиконечная звезда?

– Возможно?

– Значит, этот Алесандро знал, что происходит в Файерлейке? Он руководил всеми процессами? Решил... убить меня? Выходит, это он принуждал Джека к такому выбору? – Вайлет поднялась, поставила на столик нетронутый бокал с вином, и прошла в другой конец комнаты.

– Похоже на то. Мне удалось сломать их базу данных, но хочу заметить – среагировали они быстро. Не удалось полностью скопировать один весьма интересный документ. Потребуется время, чтобы восстановить хоть часть данных.

– Постойте, я ничего не понимаю. – Луис тоже поднялся и нервно заходил взад– вперед. – Я не понимаю, что охраняет орден? Землю? Необычные места? Кто такой «он», который думает о нашем мышинном заговоре?

– Я рассказал то, что удалось прочесть в их Великой книге. Кто такой «он», подумайте сами. Эти места, разломы, как их еще называют, таят в себе угрозу и это не просто слова. Хаттауба предсказал произошедшее прошлым летом почти за пятьсот лет до этих событий. Индейцы называют разлом в Фаейрлейке – Битуа-Туа, и верят: зло, таящееся в его недрах, так же старо, как сама жизнь, и также мудра, как мать природа. Они верят, что зло жаждет заполучить землю, мечтает владеть ею. Ведь, что такое темнота – лишь дверь.

Эти люди религиозные фанатики. Они убеждены, что удерживают двери в саму преисподнюю, а слуги дьявола пытаются открыть врата. Орден пойдет на все, чтобы сохранить инкогнито и неизвестно, как далеко тянутся их нити. Они пойдут до конца, чтобы уберечь разломы от алчных до знаний или власти людей, ведь тогда случится непоправимое. Армагеддон, если хотите. Сорванная печать – одна из семи ступеней к началу конца света: «и вострубит Ангел начало конца»! По их мнению, в Файерлейке, в третьем секторе, как они это обозначают, Джек не дал произойти именно этому.

– Допустим. Тогда как люди могут сдерживать это?

– Не просто люди, а одаренные люди. Помните историю Френсиса Дебуа, который, несомненно, обладал некой силой? Он пытался открыть проход, пытался впустить демона – могу-

щественного военачальника адской армии. Он продал душу, отдал тело и просто случай не дал свершиться задуманному. Юная Пайхати, которую и в расчет-то никто не брал, ушла вместо Хаттаубы, подарив тому жизнь, дав шанс все исправить, оставить людям надежду. Она не побоялась нанести удар Дебуа, зная, что погибнет. «Если ты хочешь чтобы жил он, уйди вместо него», – вздохнул Маркус.

– Что? Что ты только что сказал? – Вскричала девушка.

– Если хочешь, чтобы жил он, уйди вместо него!

– Откуда эта фраза? – Она взволнованно подбежала к Маркусу.

– Это из записей Дебуа. Я же сказал, что еще не восстановил документ. Более подробно смогу ответить, когда завершу работу. Что в ней не так?

Луис закатил глаза к потолку:

– Да потому что так же сказала та ведьма из бродячего цыганского цирка «Танцующий медведь».

– Какая ведьма? – Насупился Маркус.

– Когда Вайлет жила с родителями у них в городе остановился цирк. Старая цыганка гадала ей, и предсказала появление в жизни Джека и его потерю. Мы снова встретились с ней несколько месяцев назад, и она бросила в лицо эту фразу.

– Вы случайно встретили цыганку? – Маркус взял девушку за руку, заглядывая в глаза.

– Да, – прошептала она.

– Вы уверены в этом?

– Ну конечно. Разумеется, – всплеснул руками парень.

– Хм... – Маркус почесал подбородок. – Просто детективная история.

– О чем ты?

– Повторяю, когда закончу работу.

– Да, что ты заладил одно и то же, – не выдержал Луис. – Бред какой-то! Разломы, хранители земель, нечистая сила. Я в это не верю! Если они защищают людей, то как так вышло, что орден задумал принести Вайлет в жертву? Как допустили появление Эрни и охоту за Иеинаком? Если они такие дальновидные, как не предугадали развитие событий, в которых роль жертвы отвели... Джеку?!

– Слушай, парень, я только рассказываю, что удалось узнать. Анализировать не моя прерогатива. Я добываю факты – мне за это платят, вот и весь расклад.

– Он прав, Луис, не зачем на него срываться. Он и так нам помог.

– Ну, да! Теперь, по крайней мере, совершенно ясно, кто за нами охотится и почему, – съязвил Луис. – Когда закончишь работу?

– Мне нужно вернуться в Файерлейк, – буркнул Маркус, сложив руки на огромном животе. – Там я снова попытаюсь пробиться сквозь защиту ордена.

– Каким образом?

– Пошевели мозгами, большой мальчик! В местах разлома связь работает черти как. Сферический купол над руинами города не потух, и он защищает получше самой крутой известной программы. Он блокирует любые волны, будто перекодирует. Делает место слепым даже для спутников. Знаешь, что это означает?

– Ты же у нас гений!

– Верно, поэтому делай все, что я скажу. Когда закончу работу в Файерлейке дам знать.

– Мы вернемся туда... скоро, – сказала Вайлет, посмотрев на жалюзи, скрывающие солнечный свет.

– Плохая идея, – протянул Маркус. – Ты решила войти в клетку ко льву.

– Нет, – она выдохнула, собираясь с духом. – Послушай, Маркус. Ты должен узнать об этом Алесандро как можно больше. И еще: Игрида и ее проклятье. Меня интересует все по этому поводу.

– Хорошо. Но ты не должна возвращаться. Им сразу станет известно. Они могут нанести удар, а мы не будем готовы отразить его.

– Нет, я должна. Я чувствую, что так надо. Меня тянет туда и потом... – девушка прошла назад и вперед. – Маркус, обещай, что устроишь мне встречу с Алесандро.

– Да... вы... Легче дозвониться самому Господу Богу, чем связаться с этим типом! И это опасно, чертовски опасно. Эти люди веками скрывались в тени, и они не позволяют...

– Но ты попробуешь, правда? – Она смотрела на него, пока он не кивнул головой.

– Это все, что мне нужно – встретиться с Алесандро.

– Этому не бывать, – неожиданно рывкнул Луис, вскочив с места. – Если кто и должен с ним говорить – только я!

– Ладно, оставим на потом, – Маркус посмотрел на часы. – Занимайтесь своими делами, только умоляю – не лезьте на рожон. Эти ребята настроены весьма серьезно. Много я пока не понимаю, но думаю, смогу разобраться.

– Я бы на твоём месте приобрёл пистолет, – сказал Луис. – Неизвестно, как все может обернуться.

– Отправлю сообщение, когда удастся расшифровать документ: время и дату нашей встречи, – проигнорировал реплику Мэт. – Тогда мы снова встретимся и обсудим, как быть дальше. Но одно определенно сказать могу уже сейчас: Вайлет, тебе не стоит возвращаться. Это все равно, как...

– Войти в клетку к голодному льву, – сказала девушка. – Понимаю, никто не берет в расчет слабую девушку.

Ее блуждающий взгляд устремился куда-то вверх их голов. Луис почувствовал, как кожа мгновенно покрылась мурашками, будто они оказались в огромном холодильнике, из которого нет выхода. Ее безумная решимость была страшнее встречи с проклятыми фанатиками, возмнившими себя спасителями мира, страшнее падения в горящую бездну, страшнее кошмаров, приходящих во снах.

10

Весь путь обратно в бухту Надежда Луис напряженно вглядывался в зеркало заднего вида. Оставаться в городе, покорно дожидаясь его возвращения, Вайлет категорически отказалась. На возражения Луиса она заявила, что они обсудят все в бухте, и разговор не стоит откладывать в долгий ящик. Только там они в безопасности.

– Я не был бы так уверен, – насупился Луис.

– Знаю. Я уверена.

Вдавливая педаль газа, он все время ожидал услышать позади рев грузовика и крики птиц, таранивших машину, а может и звуки выстрела. Но на небе не было даже облака, а диск солнца постепенно приближался к горизонту.

Вайлет тихо сидела рядом, и когда вдруг потянулась к нему и коснулась руки, он вздрогнул. Изумруды любимых глаз потемнели из-за наступивших сумерек, а решимость в них лишь росла.

– Я знаю, что думаешь обо всем этом, о моем решении. Ты не одобряешь, и я понимаю почему.

– Если думаешь, что я простил этих нелюдей, ошибаешься. Я не меньше хочу наказать их, но для этого мне не нужно искать Алесандро или Лестера. Виновные куда ближе, чем ты думаешь.

– Ты говоришь о...

– Да, я говорю о Керлинах. Если бы они не пришли с оружием в руках к Лунной пещере, если бы им не донесли на нас, ничего бы не произошло. Мы бы уехали, а Дэнни... – Луис отвернулся.

- Что Дэнни?
- Дэнни бы не винил себя.
- Я знаю, то о чем ты не говоришь.

Луис ударил по тормозам и съехал с дороги. Руки судорожно сжали руль, желваки заходили под скулой.

- Ты о чем? – Прохрипел он.

Вайлет развернула его лицо к себе. Жар маленьких ладошек обжигал, а губы сводили с ума. Он приблизился к ней ближе, не скрывая своей дрожи и лихорадочного блеска в глазах.

– Я знала, что Рейчел использует Дэнни. Я пыталась помочь ему, но когда любишь, не веришь в плохое. Объект любви становится идеалом, и Дэнни парил высоко в своих мечтах. Жаль, что эта боль останется с ним до конца дней. Пока сердце будет биться, он всегда будет помнить о предательстве, но спрашивая себя, отвернулся бы я от Рейчел, если повернуть время вспять, уверена, он ответил бы – нет. Когда все закончится, мы обязательно отправимся к нему на Аляску, чтобы он не чувствовал себя одиноким, чтобы снова хотел жить и верить.

Луис громко сглотнул, боясь ненароком выдать ужасающую правду. Бедняге Дэну никогда не исправить собственные ошибки. Никогда уже не попросить у Вайлет прощения.

- Ви, мысль о том, что кто-то может причинить тебе боль – сводит с ума, – прошептал он.

Девушка улыбнулась и, увидев на щеках ямочки, он тут же потянулся к ней, словно цветок к солнцу, закрывая глаза.

- Вайлет, – простонал он.

Легкий, как утренний бриз, поцелуй коснулся его колючей щеки. Он тут же сгреб ее в объятия, зарываясь в шелковый каскад волос, вдыхая пьянящий цветочный аромат. Но, почувствовав, как напряглось ее тело, замер.

- Прости, – пробормотал он, отстраняясь, отводя взгляд, от горящего напротив лица.

Вайлет вздохнула и, взяв его под руку, удобно примостилась на плече.

- Спасибо... за то, что ты есть, – прошептала она, устало закрывая глаза.

- Спасибо, что есть ты, – прошептал Луис.

Когда они добрались до бухты, Вайлет спала на его плече, и Луис битый час не решался выходить из машины, не желая будить ее. Но он ошибся, Вайлет сейчас не разбудила бы и канонада перед окнами. Впервые за много дней пришел глубокий спокойный сон: без кошмаров и бегства в пустоте, скрывающей за клубами мокрого тумана неясный силуэт.

Луис осторожно взял ее на руки и унес в спальню, накрыл клетчатый пледом, пододвинул кресло и уселся рядом. Он долго смотрел на умиротворенное лицо, сжимая ее ладонь. И когда она улыбалась во сне, улыбался вместе с ней, не замечая своих слез, катившихся из глаз.

- Спасибо, что ты есть!

Озорной лучик солнца скользнул по глазам, ослепляя. Из распахнутого окна веяло морским соленым воздухом. Шелест жалюзи напоминал перешептывание любопытных зевак, заглядывающих в окна.

- Вот это да, десять из десяти. Эй, малышка, где ты так научилась стрелять!

- Впервые вижу, чтобы девчонка так обращалась с оружием!

– Эй, мистер Пок, придется отдавать призы. Вы сами сказали, кто собьет эту фигурку, вы отдадите все, что у вас имеется! – Грязный палец показал на самую дальнюю – нелепую сгорбленную фигуру в куче длинных юбок, бус и браслетов. Из трубки в руке валит дым, как из адской печи, а спутанные в колтуны грязные седые волосы прикрыты цветным платком, повязанным на голове в форме банданы.

Мистер Пок упрямо поджал губы, сложив руки на тощей груди.

- Ну же, мистер Пок! Вы должны отвечать за свои слова.

Мистер Пок обернулся и посмотрел на сбитую мишень.

– Ну что, старая ведьма, отплясала свое. Не стоило тебе заниматься кознями. Не стоило дразнить цветок! Я говорил, говорил, а ты все твердила...

– Жертву, дайте жертву, – закричал большой зелено-желто-красный попугай, сидящий на перилах тира. – Дайте жертву, жалкие неудачники, иначе Игрида и вас проклянет!

– Что же ты медлишь, – прошептал в самое ухо тихий баритон. Вайлет полуобернулась, увидев смуглое, испещренное сеточками морщин лицо пожилого человека. Волосы отливали серебром, а на груди висел круглый массивный медальон. Помповое ружье в руках дрогнуло.

– Ты ведь давно думала об этом, верно? Так может сделать то, чего желаешь? – Человек улыбнулся, настороженный взгляд ощупывал ее фигуру. – Ведь это она тебя прокляла.

Злость топила последние проблески разума. Девушка посмотрела на свои руки, которые больше не дрожали. Ружье исчезло, вместо него она увидела небольшой пистолет.

– Решила проделать в моей груди аккуратную дырочку, дорогуша! – Прохрипела старуха и расхохоталась, обнажив ряд желтых кривых зубов.

– Тогда давай! Или ты все же решишь уйти вместо него, чтобы он мог жить?!

Вайлет вздохнула и открыла глаза. Коричневый плед сбился к самым ногам. Прямо напротив, в красном кресле, закинув голову назад, с открытым ртом храпит Луис. Она осторожно поднялась и прикрыла его одеялом. Луис чмокнул во сне губами и пробубнил.

– Мама, я же говорил, анчоусы не в моем вкусе. Они напоминают мне дождевых червей, с которыми любит развлекаться Эрни.

Она улыбнулась, когда вслед за этим раздался дружный храп, и тихо вышла из спальни. Прошла на кухню, и пока готовился завтрак, размышляла. Вчерашняя встреча укрепила во мнении: она все делает правильно. Когда шок от неожиданной трансформации молочника в неуловимого Маркуса прошел, и она могла адекватно рассуждать, многое встало на свои места.

Когда у них появился такой помощник, она уже не сомневалась в успехе. Рано или поздно она встретится с тем, кто повинен во всем. «Алесандро» – жестокий кукловод, обрекший на гибель Джека, виновный в гибели Майкла, в гибели города. Он продолжает черное дело, восстанавливая орден, прикрываясь благими, якобы, намерениями.

Как сказал Маркус – пять секторов, которыми он руководит, один из которых уже превращен в руины. Значит, остаются четыре, которые ожидает та же участь, что и Файерлейк: будь то землетрясение, пожар, наводнение, теракт или торнадо. Его тлетворное влияние и жажда власти, несомненно, закончатся для людей, живущих там и одурманенных идеями о неминуемой войне с самым грозным врагом человечества – плачевно.

Пора выходить из тени, уважаемый Алесандро. Пора отвечать за зло, которое причинил. «Когда я узнаю, как найти тебя, когда Маркус соберет достаточно информации о вашем, так называемом, совете – вы ответите за все».

– Никто не брал в расчет слабую девушку, – прошептала Вайлет, устремив взгляд в окно на стрелу маяка. Рука, державшая кружку с апельсиновым соком, дрогнула, и кружка выскользнула из пальцев, с грохотом разлетевшись на две половинки. Храп наверху на мгновение затих, затем возобновился с новой силой.

– Как мне могло такое привидеться? Маяк, старик Хеслер, наши вечера и долгие разговоры, возвращение поздно ночью и безликие фигуры, окружающие узкую тропинку света прожектора. Как такое возможно?

Прислушиваясь к доносящемуся из спальни звуку, она накинула куртку и, стараясь не свалить по пути еще что-нибудь, вышла из дома. Холодный утренний ветер тут же пробрал насквозь, безжалостно разметав забранные в пучок волосы. Солнце пряталось за набегающие тучи и бросало тоскливый взгляд на одинокую фигурку, бредущую к заброшенному маяку.

Семейство ворон, при ее приближении, подняли гвалт, взмыв в воздух и теперь кружили над головой. Она подняла лицо вверх, наблюдая за странными маневрами птиц. Тоска осле-

пила, сердце сжалось, словно от предчувствия скорой беды, боль потери разъедала рану, вгрызаясь все глубже, как ненасытная рыба-пиранья.

– Джек, – прошептала она, глядя на птиц. – Я так скучаю по тебе.

Из глаз полились слезы, горьким потоком заполняя опустошенную душу.

– Я тоже, Фея... – раздался в голове знакомый шепот.

Вайлет зажмурилась, стараясь сдержать рыдания, стиснула зубы. Когда вновь открыла глаза, они казались спокойными и полны решимости идти до конца.

– Души, ищущие прощения, – сказала она, смотря прямо вперед. – Наверное, за то, что я сделала, мне придется присоединиться к вам. Но я не буду раскаиваться в этом ни доли секунды.

Она свернула в сторону каменного пика и, спотыкаясь, пошла вперед.

– Мистер Гаред, если ты не хотел ни с кем встречаться, прости. Теперь я одна и тебе незачем скрываться. Мне так необходимо поговорить с тобой, спросить, что ты об этом думаешь.

Вайлет не заметила, что заговорила вслух. Мысли превратились в сбивчивые слова, разум категорически отторгал действительность.

– Лучше оставаться в выдуманном мире, оправдывающем твоё существование, нежели осознавать своё сумасшествие и погибать от одиночества, культивируя в душе боль и тоску по горькой утрате. Лучше думать, что ты можешь все исправить, нежели просто опустить руки и ждать конца своей бесполезной жизни.

Темный провал покосившейся двери приближался, а вместе с ним волнение. Птицы отстали и теперь кружили над густой полосой леса, прилегающей почти вплотную к скале, уходящей прямо в море. Солнце снова закрыла туча, отчего стало еще холоднее, но она этого не ощущала. Тело горело, будто в лихорадке, а сердце выстукивало бешеный ритм. Она протянула руку вперед, и толкнул дверь.

Тихий скрип был единственным звуком, который она слышала в данный момент. По уходящим вверх крутым ступеням на толстом слое земли и пыли виднелась цепочка следов: ее и Луиса. Больше ничьих. Вайлет пошла по ним, все еще убеждая себя в обратном, и когда добралась до последнего пролета вздохнула, призывая всю силу воли.

Комната была пустынной, покинутой. Врывающийся сквозь широкий разлом в стене, где когда-то было окно, ветер, метал по полу сухие листья и слой земли. Обшарпанные, местами обвалившиеся, голые стены были так же безжизненны, как и водный горизонт, вид которого открылся прямо перед глазами, стоило только ступить на балкон. Проржавевший от времени огромный прожектор смят и раздавлен, словно консервная банка.

Пустота и одиночество, вот все, что она нашла здесь. Пустота и подтверждение тому, что с ней что-то не так. Вот почему люди недоуменно смотрели на нее, когда она говорила о рыбаке Хеслере: миссис Пэнни, те полицейские – они подумали, что она спятила, только и всего, а она воображала, что это относится к их предубеждению по отношению к одинокому старику.

Спятила – только и всего! Верить в существование во что-то помимо нашего мира, все равно, что верить в существование инопланетян или пьяное бормотание цыганки, рассказывающей твою судьбу. Все равно, что верить ордену, убеждающему, что она не такая, как другие, поэтому и должна быть одной из хранителей, если бы ее отец не решил иначе. Если бы все сложилось по-другому, если бы Пол Хьюстон не погиб на дороге, если бы Джек продолжал жить.

Вайлет опустилась на пол шаткого балкона, поджав ноги под себя и устремив взгляд далеко в беспокойное море. Что может быть прекрасней этой бесконечности? Только серые глаза и его голос у тебя в голове. Только воспоминания о прикосновении и силе тянущихся к ней рук, только шелковистые темные волосы, спадающие до самых плеч.

Возвращаться не хотелось. Просто остаться здесь и подумать, как лучше поступить. Будто подмигивающее ей временами солнце медленно ползло по небу, ветер стих и остался только рокот волн.

Внизу раздался осторожный звук шагов, хруст гравия и учащенное дыхание. Вайлет равнодушно повернула голову, ожидая появления незваного гостя.

«Отчего такая уверенность, что в бухте ничего плохого со мной произойти не может?», – промелькнуло в голове.

– Господи, только не это, – раздался сдавленный шепот, вслед которому громкий крик. – Вайлет! Вайлет!

Ее словно подбросило. Она бросилась в комнату.

– Луис!

Его губы дрожали, а руки сжаты в кулаки, испуганный взгляд смотрел куда-то в сторону, позади ее. Она в страхе обернулась.

Несколько разорванных в клочья маленьких тел лежали у северной стены, на которой засыхали багровые подтеки, темная лужа крови расплзлась вширь, ручеек тянулся к середине комнаты. Изломанными черными перьями усеян весь пол, будто несколько минут назад здесь произошла настоящая битва, но тогда, почему она ничего не слышала? Ведь, когда она пришла сюда, этого не было.

– Вайлет, – прокричал Луис, остановив на ней растерянный взгляд, и тут же бросился вперед, сжимая в сильных объятьях.

– Луис, ты меня задушишь, – прохрипела девушка.

– Я знал – ты здесь, чувствовал, что ты постоянно хочешь вернуться сюда, но зачем? Почему не разбудила?

– Луис, – прохрипела она, – отпусти.

– Извини... – прошептал он, ослабевая хватку. – Что здесь случилось?

Вайлет посмотрела на искореженные, словно смятые пластилиновые фигурки, вороньи тела, только теперь поняв: что-то изменилось. Воздух словно наэлектризовался, будто во время грозы, потяжелел. Она явно почувствовала чужеродное присутствие, чего-то злобного, переполненного ненавистью, как тогда в пещере возле «Синей впадины».

– Пойдем отсюда, – с трудом произнесла девушка. Разговаривать было трудно, словно рот забили ватой, а горло горело от безумной жажды. – Пойдем.

Луису хватило лишь одного взгляда на побледневшее лицо, чтобы понять: Вайлет стало плохо. Схватив ее за руку, он быстро зашагал вперед, и очень скоро они оказались внизу. Девушка часто дышала, словно ей не хватало воздуха, и тут же тяжело опустилась на камень.

– Нужно позвонить доктору Вайнеру.

– Нет, все нормально, просто вид крови...

– Что случилось с воронами, кто их...

– Не знаю. Наверное, когда вошла, просто не заметила, – ее слова прозвучали фальшиво, и Луис озабоченно посмотрел на нее, затем на ее руки.

Когда Вайлет вошла в маяк, мертвых ворон не было – она уверена на сто процентов, но что произошло потом? Холодный воздух привел в чувство. Она виновато посмотрела на него. Лицо Луиса источало решимость: желваки ходят под скулами, брови сошлись у переносицы. Он смотрел на маяк, явно о чем-то раздумывая.

– Эй, все в порядке, – протянула она, тронув его за руку.

– Разумеется, – бросил он. – Если учесть, что я проснулся, а тебя рядом нет. В доме – зловещая тишина, разбитая кружка на кухне и никого. Могла бы хоть записку оставить, что решила немного прогуляться!

– Конечно, ты прав, тысячи раз прав. Извини. Я думала, успею вернуться, пока ты еще спишь.

– Ничего, – все еще обижено протянул он. – Нам нужно поговорить обо всем, и чем скорее – тем лучше.

Вайлет подняла с земли круглый камешек и сжала в руках. Она догадывалась, что хочет Луис: снова попытаться отговорить от ее плана, от встречи с Алесандро. Догадывалась, и не могла винить за это.

Рассеянный взгляд скользнул в сторону леса, где возле старой пихты, небрежно прислонившись о могучий ствол, стоял человек в охотничьем костюме цвета хаки. Зеленая кепи натянута на глаза, руки сцеплены на груди. Человек, не отрываясь, смотрел в их сторону, будто раздумывая: подойти или нет.

– Конечно, я выгляжу полным идиотом, но ты должна понять меня, Ви.

Луис вывел из оцепенения, вызванного появлением неожиданного гостя. Она посмотрела на него и улыбнулась.

– Скорее наоборот, – сказала она. – Эй, спасибо, что ты есть у меня.

Он тут же повернулся, улыбнулся в ответ:

– Спасибо, что есть ты.

Луис протянул руку и погладил ее по волосам, заправил выбившийся локон за ухо и ухмыльнулся:

– Беглянка! Пойдем домой, может, пришло сообщение от Маркуса, – он снова хмыкнул, закатив глаза. – Гений Маркус! Может, ты накормишь меня завтраком, хотя нет, скорее обедом.

Она поднялась с камня.

– Я просто обязана, – посмотрев в сторону деревьев, она не увидела стоящего возле пихты человека, и нахмурилась. Луис тут же обернулся, проследив за взглядом.

– Что?

– Просто лес, – вздохнула Вайлет.

«Жалкая притворщица»!

– Просто лес...

Пока Луис разогревал в микроволновке готовый обед, Вайлет блуждала по Интернету. Она так увлеклась, что не заметила, как он опустился рядом и вот уже несколько минут смотрит на нее.

– Вайлет, хотел спросить. Там на дороге действительно были птицы? – Он смущенно кашлянул, разглядывая узоры на диванной подушке. – Там на дороге перед въездом в Дармон? Действительно птицы таранили грузовик, который пытался столкнуть нас в кювет?

– Луис, ты же это видел, – недоуменно протянула она, поднимая глаза от компьютера.

– А ты... ты это видела?

– Конечно! Мы же были там вместе.

– А откуда они появились? Ты видела, откуда они прилетели?

– Эй, – прошептала она. – Ты сомневаешься в том, что видел? Послушай меня, не нужно. Я не знаю, как объяснить случившееся, но знаю, что мы видели. Птицы поднялись прямо с дороги.

– Но ведь так не бывает! – Он упрямо сжал губы. – Так не бывает!

– Ты хочешь сказать, нам двоим привиделось? Знаешь, когда люди не могут что-то объяснить, всегда говорят, что так не бывает. Ты заметил? – Она захлопнула крышку ноутбука. – К чему задавать вопросы, если ты убежден в ответе?

– Только не злись, ладно? Просто, это ненормально! Почему копы не видели грузовик, ведь он свернул прямо перед их носом.

– Это они нам так сказали. Кто знает, кто они вообще такие, – пришел черед хмуриться Вайлет.

– Ты хочешь сказать, они могут быть из ордена? Господи, Ви, так можно подозревать каждого! Это уже паранойя.

– Не верить себе – паранойя.

– Возможно, просто... – он поднялся и подошел к окну. Девушка смотрела на широкие плечи, ожидая ответа. – Знаешь, Ви, я начал замечать непонятные мне вещи. Маркус уверен, что ты необычный человек, что у тебя есть скрытый талант, о котором ты даже не догадываешься.

– Ты хочешь сказать, что я могла убить тех птиц на маяке и даже не знать об этом!

– Да, нет же, нет! – Он развернулся, его лицо пылало. – Когда ты рядом, тревожные мысли уходят. Сам страх уходит, будто растворяясь, как сахар в горячем кофе. Напряжение, усталость – исчезают. Когда ты прикасаешься ко мне, мои силы увеличиваются десятикратно. Я уверен, что могу свернуть горы и пересечь Юкатанский пролив, даже не запыхавшись. Уверен, что все смогу и все сделаю. Когда ты смотришь в мои глаза, мне кажется, что я...

– Луис, прошу тебя не надо. Я знаю, как это называется, это не загадка и не талант.

– Хорошо, другой пример. Любое животное в твоём присутствии становится спокойным и доверчивым как ребенок. Ты знаешь многие вещи, о которых не должна была бы знать. Иногда ты говоришь мне то, что я только что подумал и другие люди... В твоём присутствии они меняются. Я не могу объяснить как, но... меняются. Маркус прав: ты необыкновенная. И я знаю, что не могу запрещать или приказывать тебе что-то, но я прошу – оставь идею с Алесандро. Они не отпустят тебя, и ты это знаешь. Они не дадут навредить ему, но навредят тебе. Позволь, хотя бы сделать это мне, – добавил он, видя протест, тут же появившийся в ее глазах.

– Из-за меня погиб... Джек, и я не допущу, чтобы пострадал ты, – сказала она.

– Да, что ж ты такое говоришь!

– Правду! Я говорю правду. Если бы Джеку не нужно было возвращаться за мной, ничего бы не случилось!

– Мы не может знать наверняка. Ты не должна винить себя в его смерти, – крикнул Луис.

– Но ведь это так!

– Нет не так. Все было предопределено! Джека ничего не смогло бы уже спасти, – вырвалось прежде, чем он понял, что сказал.

– Почему ты говоришь так?

– Потому, – рявкнул он, протопав мимо нее в сторону кухни, но на пороге развернулся. – Ви, больше не будем возвращаться к этому разговору. Не будем гадать, что было бы, если бы, да кабы... Произошедшего не изменить. Но в память о Джеке ты просто обязана жить и не искать всякий раз смерти, иначе... Иначе он погиб напрасно, – прошептал он, тут же отворачиваясь, не вынося боли, моментально вспыхнувшей в ее глазах.

– Если в нас стреляли и промахнулись, стоит предположить – они повторят попытку. И этот охотник, кто бы он ни был, еще даст о себе знать.

При этих словах перед глазами Вайлет возникла мужская фигура в комбинезоне цвета хаки, облокотившаяся о ствол дерева. Из-под надвинутого козырька блестели глаза, внимательно наблюдавшие за бухтой. Рука, сжатая в кулак, дрожала от ненависти, которую испытывал незнакомец, от ярости и бессильной злобы.

Ненависть, как и все остальное, имеет свой специфический запах, и теперь Вайлет осознала, что сразу почувствовала его, как только они спустились по пыльным ступеням вниз маяка. Тяжелый, удушающе-кисло-приторный, словно прокисший торт, простоявший неделю на солнцепеке. Запах, который она очень хорошо знала, почувствовав впервые от безумного Тома-Эрни в глубине лабиринта Лунных пещер. Запах, который не сможет забыть до конца своих дней...

11

Мэтью Добс удовлетворенно вздохнул, склоняя голову на бок, любуясь проделанной работой.

– День прожит не зря, – самодовольно протянул он, вытирая пухлой ладонью губы. – Никто не сможет тягаться с самим Маркусом. У меня преимущество: я о вашем существовании знаю, а вы о моем только догадываетесь.

Пальцы проворно летали по клавиатуре, будто он играл на фортепиано. Мэт наслаждался этой музыкой, этими легкими щелчками клавиш, словно истинный ценитель классики. Тихий шелест кнопок был музыкой Дебюсси, фугой Бетховена и сонатой Моцарта одновременно, а стройные ряды цифр – скрипичным ключом и нотами.

– Я сам пишу музыку, – бормотал он. – Музыку нового поколения, музыку, открывающую все замки мира. Я могу проникнуть в ваши тайны, в ваши сокровенные мысли, в ваше будущее и прошлое. Чем хуже оракула, вопящего о скором приближении конца света и повороте вашей линий судьбы?

Скрипнула створка окна. Пальцы замерли над клавиатурой. Мэт оглянулся.

Не стоило заниматься расшифровкой здесь, когда нет спасительного колпака, и вероятность быть обнаруженным резко возрастает, но он просто не мог больше ждать. Впервые за все время интерес достиг апогея, и он понимал, что это означает. Мэт словно старый пес, взявший долгожданный след. Интуиция никогда не подводила. Это дело обещало быть очень занимательным, необычным.

Когда ФБР сбилось с ног, расследуя трагедию в Файерлейке, он как никто другой, приблизился к разгадке. У него оказались нити, на которые попала довольно крупная дичь. Та, о которой даже представить невозможно. Его имя попадет на первые полосы, когда он выложит материал в сети. О нем будут слагать легенды и никто, ну или почти никто не будет знать настоящего имени автора сенсации. Разве не этого Маркус хотел все это время?

И не только амбиции двигали им. Мэт просто не мог равнодушно смотреть на мучения, глубокие страдания невинной девушки. Да, он не одобрял ее выбора. Этот парень, Джек, с ним было что-то не так, и у Мэта было подозрение, что он напрямую причастен к исчезновениям людей в городе.

«Бьюсь об заклад, парень был скрытым маньяком или смертельно больным, потому что его взгляд, направленный прямо на тебя заставлял сердце биться в два раза сильнее и вспоминать всех святых сразу. Он пугал, словно ты встретился один на один с одержимым ночью у края кладбищенских ворот. Отчего Джек вызывал такие ассоциации – понятия не имею, – думал Маркус, – но его взгляд добрым назвать было никак нельзя: затаившаяся ненависть, скрытая злоба. Похоже, ему все труднее и труднее удавалось держать себя в руках. И Господи Боже, что было бы с девочкой, если бы Джек не остался на дне бушующего кратера!

Хотя... когда Джек смотрел на нее, буквально преображался. Именно так». Мэт очень долгое время наблюдал за ним, чтобы утвердиться в своем мнении: Вайлет действовала на него словно сшибающий с ног транквилизатор на сумасшедшего, рядом с ней парень становился самым обыкновенным влюбленным страдальцем, каких тысячи. Взгляд, сам его вид кардинально менялся, а затаенная ненависть пряталась глубоко внутри, словно уползающая вглубь норы змея.

Что это значит, он понятия не имел и, если честно, было на это глубоко наплевать. Маркус не психоаналитик, а хакер. Поспорить с одной из хитрых программ – его излюбленное дело, а копаться в больных душах оставим врачевателям.

Створка окна снова хлопнула, и мужчина раздраженно поднялся. Его номер на шестом этаже был погружен в полумрак. Работая, он даже не заметил, как сгустилась темнота. Странно, а казалось, он включал свет в гостиной перед тем, как начать расшифровку.

Компьютер пискнул, начав последний этап по восстановлению «ломаного файла» – как любил говорить Маркус. Можно немного размяться, ожидая пока программа завершит процесс.

Он автоматически протянул руку за лимонадом, который оставил на журнальном столике, как всегда делал, приступая к работе. Он пил много, особенно когда решал очередную головоломку, выпивая за вечер не меньше галлона воды. Рука зачерпнула воздух, бутылки не было. Мэт растеряно смотрел на высыхающий кружок от воды на стеклянной поверхности и не мог вспомнить, когда вставал, чтобы убрать бутылку.

– Должно быть, совсем заработался, – пробормотал он, неуклюже поднимаясь и семеня к холодильнику, где и обнаружил полупустую бутылку.

Окно хлопнуло на этот раз сильнее. Мэт чертыхнулся, облившись сладким напитком и пройдя в спальню, выглянул в окно. Ветра не было. То есть, совсем не было. Стройные ряды акаций стояли не шелохнувшись. Он не почувствовал ничего, даже слабого дуновения. Раздраженно захлопнул ставни, проверил замок, Мэт вернулся в гостиную.

Вспыхнувший яркий свет люминесцентной лампы на миг ослепил. Мужчина удивленно повернулся, когда он замигал, словно какой-то шутник заиграл выключателем.

– Черт дери, и я еще отвалил кучу бабок за этот номер, – рявкнул Мэт. – Если это Люкс, то я святой Моисей.

Отдуваясь, словно пробежал мило, он плюхнулся на диван. Руки обхватили огромный живот, пальцы нервно барабанили по выпуклому пупку, показавшемуся в зазор между пуговицами, недовольный взгляд скользил по комнате. Начинаящая боль в глазах стала результатом мигания лампы, и это уже ни в какие рамки не входило.

Он уставился на декоративный камин, считая до десяти, и если цветомузыка не прекратится, он вызовет администратора и потребует деньги за моральный ущерб. Камин то появлялся, то исчезал бесчисленное количество раз. Он давно досчитал до десяти, но все не решался подняться.

Свет снова зажегся, и перед глазами предстала фигура в длинном до пят балахоне. Мэт удивленно крикнул и интуитивно отпрянул назад. Щелк – свет погас. Он прислушивался к собственному дыханию, пытаясь распознать тихий шорох, идущий прямо от двери. Щелк – свет загорелся. Никакой фигуры. Щелк – темноту пронзал лишь тусклый свет монитора. Щелк – свет на миг ослепил – напротив фигура, но уже намного ближе, чем в прошлый раз.

Верить в собственный провал не хотелось, как и в то, что его раскрыли. Слишком тщательно он следил за своей безопасностью, не подкопаешься. Никто не мог знать, что Маркус здесь. Щелк – свет снова потух. Вот теперь он горько пожалел, что не внял разумному совету Луиса и не приобрел оружие. Маркус лихорадочно шарил позади себя в поисках стоявшего у стены напольного светильника.

Голова наполнилась звоном, горячая кровь пульсировала в висках, оглушая, а разум не хотел воспринимать увиденное несколько секунд назад. Легкий ветерок обдал лицо, будто мимо пролетела птица, задев крылом. Мэт охнул, нащупывая шнурок светильника, и с силой дернул.

Не зная, как долго сидит с зажмуренными глазами, он слушал бешеную пульсацию в голове и писк компьютера. Программа издала звук, похожий на смех, когда расшифровка документа закончилась – тоже его изобретение. Значит удалось! Но он все не решался повернуться.

– Черт, да что же это я! – Рявкнул он, распахивая глаза. Свет больше не мигал. Светильник мирно отбрасывал яркий кружок на матовую поверхность ковра. Фигуры напротив не было. Шум в голове стихал.

– Да что же это я! – Прорычал Мэт. – Значит, решили со мной поиграть в комнату четырнадцать-ноль-восемь?² И надо же, повелся! Сам такое не раз проделывал и повелся! – Мэт рассмеялся, неуклюже поднимаясь с дивана. – Ладно, один-ноль в вашу пользу, – прокричал он в распахнутое настежь окно, которое несколько минут назад самолично закрывал.

² Имеется ввиду рассказ Стивена Кинга – «1408».

Недовольно поцокал, посмотрел на ладони, где отпечатались следы ногтей, и подошел к ноутбуку. Пока он просматривал документ, недовольство сменилось неверием, затем удивлением и ужасом.

– Мать честная... – протянул Маркус. Глаза расширились от удивления.

Из крана в ванной хлынула горячая вода. Сильные струи с силой ударили по фаянсовой поверхности, словно барабанная дробь. Клубы пара, поднимались кверху, напоминая высокую человеческую фигуру. Вот она подняла руку и одернула край клеенчатой занавески цвета морской волны. Сквозь дверную щель виден неказистый силуэт, сидящего на диване мужчины, лихорадочно стучащего по клавишам.

Нервным движением Маркус вытер испарину на лбу и протянулся за лимонадной бутылкой, но вспомнил, что оставил ее в холодильнике и разочарованно махнул рукой.

– Господи, да что ж они творят, – прошептал он, написав сообщение:

«Четверг, в пять».

Мужчина поднялся, рванул на себе рубашку, которая буквально душила. Пуговицы разлетелись по полу, принося долгожданное освобождение. Нетвердой походкой он прошел к окну и выглянул наружу на спящий город. Не хватало воздуха, он тяжело дышал, будто выброшенная на берег рыба.

– Вам есть, что скрывать, сукины дети, – процедил он сквозь зубы. – Видит Бог, придет время, и вы ответите за все...

12

Ароматный капучино приятно щекотал ноздри.

– Не хочешь взять у меня уроки по приготовлению волшебного напитка? – Хитро сощурился Луис, протягивая кружку, от которой поднимался тонкий дымок. – Возьму недорого!

Вайлет вздохнула. У нее не получалось варить такой вкусный кофе. В самый ответственный момент она отвлекалась на крики птиц за окном, музыку, льющуюся из динамика плазменного телевизора, на шорох переворачиваемой страницы толстой книги, которой зачитывался Луис, на писк компьютера и шум прибора. Результатом неизменно был горелый привкус и запачканная плита.

Луис говорит: настоящее кофе не может быть приготовлено в кофеварке, а лишь сварено вручную, одним из старых способов, которому научила его мать. И он был прав, как всегда.

Время шло, и она убеждалась все чаще, как сильно он походил на Джека – нет, не внешне, хотя оба и были смуглыми, высокими, сильными, а привычками, вкусами. Словно Джек был его брат-близнец, словно они росли вместе. Хотя это в какой-то степени и так.

Проходили дни, а от Маркуса не приходило никаких вестей. Вайлет не находила места, Луис же был абсолютно спокоен: если она будет ежесекундно изводить себя ожиданием и чувством беспокойства, ничего не изменится, лишь ее состояние. И он снова был прав, но она не могла вести себя иначе, просто не могла.

Было ощущение, что она упускает что-то важное. Пробираясь сквозь клубы тяжелого мокрого тумана в своих снах она продолжала бежать за исчезающей впереди фигурой, которая поможет понять, лишь настигни ее. И как это бывает во снах: чем быстрее бежишь, тем дальше удаляется цель.

– Поэтому я скоро, – пробормотал Луис, натягивая куртку.

– Ты о чем, – рассеянно смотрела на него Вайлет. Луис покачал головой и присел перед ней на корточки.

– Хочу услышать только одно. Если ты этого не скажешь – не поеду в город за продуктами. Ты, конечно, можешь не есть целую вечность, а я вот скоро умру от истощения.

– Я просто эгоистка, все верно.

– Нет. Просто пообещай, хорошо?

– Снова обещания? – Нахмурилась она, остановив взгляд на его лице. И чем дольше она на него смотрела – тем яснее осознавала: как он красив и просто несправедливо, что Луис тратит свое время здесь рядом с ней. Она протянула к нему руку и поправила его челку, спадающую на самые глаза.

– Ты... чего? – Смутился он.

– Я просто не заслуживаю такого, как ты. Ты такой...

– Какой?

– Ты добрый и очень...

– Да?

– Симпатичный.

– Ты так считаешь? – Прошептал он.

– Искренне.

– Значит, у меня есть шанс, – улыбнулся он.

Его улыбка тоже была красива, но в душе жила другая, и Вайлет закрыла глаза, сдерживая слезы. Луис тут же уловил перемену, произошедшую с ней. Его взгляд потух, а зубы заскрипели, но не от гнева – от боли.

– Все будет хорошо, – прошептал он. – Я просто буду рядом, и когда позовешь – приду. У меня есть время. А теперь... ну-ка не увиливай от ответа! Пообещай! – Он хмыкнул, натываясь на непонимающий взгляд. – Никаких походов к маяку. Никаких поездок, пока меня не будет и...

– И?

– И все у нас получится.

– Обещаю.

– Точно?

– Даю клятву! – Она подняла руку вверх, словно на присяге.

– Теперь я спокоен.

Луис поднялся и направился к двери.

– Может, что-нибудь особенное, чтобы ты хотела сейчас? – Он обернулся на пороге.

Не стоит портить ему настроение полным равнодушием к еде. Но ей уже давно ничего не хотелось, и скорее она питалась, чтобы сохранить силы, не свалиться в обморок от голода и дабы не тревожить Луиса. Когда-то она очень любила имбирное мороженное, а теперь оно казалось приторным и невкусным. Когда-то она радовалась солнцу, а теперь его свет ослеплял; когда-то ей казалось, что доброта спасет мир, а теперь странные фигуры в балахонах заслонили от нее горизонт.

– Спасибо, что ты есть, – прошептала она. Луис громко сглотнул, улыбнулся, с нежностью и обожанием посмотрел на нее.

– Нет, спасибо, что ты есть!

Она долго прислушивалась к затихающему вдалеке шуму автомобиля. Одна из обитателей «Спящей черепахи» влетела в распахнутое, несмотря на утреннюю прохладу, окно. Неугомонных соседей с каждым днем становилось все больше, и Вайлет недоуменно пожимала плечами на недовольное ворчание Луиса:

– И откуда они берутся? Покоя от них нет – шум, галдеж, бесконечные драки, плюс ко всему они еще и воровством начали промышлять. К примеру, вчера утащили у меня часы. Пришлось попотеть, чтобы извлечь их из норы под камнем, куда они их запрятали. И вообще, что это за вороны такие, которые живут не на деревьях, а на камнях? Помниться, когда мы только сюда приехали, их и в помине не было, а на том месте жили чайки. Ты помнишь? Может, отраву разбросать или ружье купить?

– Не нужно! – Ужаснулась девушка. – Они живут, где хотят, и не нам об этом решать.

– Что ж, – проворчал Луис, – не оставляй украшения, где ни попадя. Они так и норвят что-нибудь стянуть.

Ворон на окне внимательно, по-хозяйски, оглядывал комнату. Вайлет поспешила надеть на средний палец кольцо, которое перед этим положила на ноутбук. Птица недовольно каркнула и замахала крыльями, похоже, они совсем не боялись людей или... обитателей бухты.

Вайлет бесцельно переключала каналы телевизора, размышляя: если от Маркуса не будет известий до четверга, они отправятся в «Пять озер» на встречу с Макдиланом. По крайней мере, они вернуться, как только Маркус объявится, но ждать, отсиживаясь в бухте, нет сил.

Луис был более категоричен на этот счет, считая, что ей вообще не стоит ехать в Неваду, ведь как говорил Маркус, именно там существует один из пяти секторов «Хранителей земель», он подозревал, что это где-то между хребтами Грант и Шелл-крик. Маленький городок Джараба, копия сгоревшего города Файерлейка, и огромный риск соваться в те места. Они целый год прятались от преследователей, а теперь сами идут к ним в логово.

– Мы предлагаем вам несколько сюжетов из серии прошлого сезона, – лицо спортивного комментатора лет тридцати растянулось в улыбке, обнажив ряд идеальных белых зубов. – Мы вспомним, как это было в...

Девушка положила пульт на столик и бросила тоскливый взгляд в сторону маяка, в сотый раз спрашивая себя, как могло такое почудиться. Разум категорически отказывался верить в свою ненормальность, здравый смысл шептал, что возможно все, отчаянье убеждало – ты сошла с ума и страдаешь раздвоением личности. Одна Вайлет живет в выдуманном мире, где старый рыбак рассказывает по вечерам занятные истории, другая одержима мстостью и решимостью идти до конца, чтобы не случилось.

Чего ей бояться? Все самое страшное, что могло произойти – уже произошло, а смерть всего лишь сон, лишь избавление от тягостного ожидания, тоски, боли и пустоты внутри – пустота, как гигантская всепоглощающая черная дыра, в которой бесследно исчезла теплота и любовь. Любовь? Тогда как же Луис?

Вайлет зажмурилась. При мысли о нем бесконечная черная дыра обрела четкие края, которые раз за разом сужались. Его голос, безграничная преданность и безответная любовь не могли оставить равнодушной. Со страхом она поняла, что начинает скучать, когда его слишком долго нет рядом, волноваться, если он долго не звонил, а сердце бьется в два раза быстрее, когда он смотрит на нее, но это другое. Что-то неопознанное, не имеющее названия и определения, это не любовь, ведь ее любовь погибла на дне бушующего кратера.

Это не любовь, нечто совсем иное. Иная форма привязанности? Но разве так возможно? Девушка застонала, окончательно запутавшись в собственном лабиринте рассуждений. Старина Гаред помог бы разобраться, но он так же нереален, как и изображенный на гравюре Карваджо низвергнутый ангел Аниил.

Ангел! – Вайлет бросило в жар.

– Вы все помните потрясающий маневр молодого квотербека, названный впоследствии «Полет в невесомость», – продолжал говорить комментатор. – То, что продемонстрировал на поле начинающий и талантливый спортсмен Джек Харисон войдет, несомненно, в историю студенческого футбола. К сожалению, трагическая гибель оборвала жизнь этого потрясающе талантливого человека, который достиг бы колоссальных успехов в спортивной карьере, не раз удивив нас смелыми решениями и новаторством.

На плазменном экране крупным планом показали сосредоточенное лицо Джека, бегущего наперерез Грегу Мэтьюсону: темные волосы развеваются, глаза прищурены и холодны, словно у хищника, преследовавшего добычу и слишком темны, как глубокие колодцы, губы сжаты в линию. Джек с разбегу подпрыгивает, делая кувырок назад, и оказывается прямо перед преследующим его квотербеком «Плохих парней». Трибуны зашлись в громких воплях, арбитр от удивления захлебывается и начинает кашлять.

– Нет... нет... нет... – закричала Вайлет, закрывая ладонями уши. – Господи, Джек! Зачем ты разжал руки? Ведь ты же обещал, обещал, что больше не оставишь меня.

Она кричала до тех пор, пока голос не надломился, а чернота не опустилась на глаза. Вайлет рухнула на пол, теряя сознание. Ворон на подоконнике окна громко закаркал и, влетев в комнату, опустился рядом с бесчувственной девушкой. Черные пуговицы пытливо заглядывали на бледное, как полотно, лицо. Птица приоткрыла клюв, словно в немом крике и расправила крылья, будто стараясь укрыть ее от холода наступившей осени.

Луис перехватил огромный бумажный пакет, пытаясь поднять еще один. Супермаркет в Порт-Силвер светил неоновыми огнями. Рекламные щитки переливались красочными надписями и призывами подготовиться ко дню празднования святых основательно, не забыв об ужасных масках и светящихся в темноте вампирских клыков. Луис чертыхнулся, чуть не выронив пакет, оглядел хмурым взором пустынную стоянку и потянулся к чертову пакету в коляске.

– Вам помочь? – Промурлыкал вкрадчивый голос возле самого уха.

Луис вздрогнул, бумажный пакет лопнул и мясо, рыба и фрукты оказались на асфальте.

– А, чтоб тебя, – ругнулся он, недовольно повернувшись к стоящей возле красного седана девушке. Светлые волосы отливали золотом, ниспадая по хрупким плечам, большие глаза, обрамленные густыми ресницами, казались невинными, беззащитными. Он оценивающе окинул взглядом точеную фигуру, облегающие стройные ноги джинсы, и полупрозрачную кофточку с глубоким вырезом.

– Извините, – буркнул он, выходя из ступора. – Вы появились как раз вовремя.

– О, не хотела вас напугать. Обычно в моем присутствии мужчины испытывают другие чувства.

Голос был знакомый, но Луис отвлекся, собирая консервные банки с тунцом и сладкой фасолью, поэтому не придал ему значения.

– Вы что-то хотели? – Не очень дружелюбно протянул он.

– Да, собственно говоря, ничего. Просто поздороваться со старым приятелем. Вот проезжала мимо, увидела тебя и... – она замолчала.

Луис медленно поднялся, все еще не веря догадке. Да, он не видел ее больше года, но он не переставал вспоминать о ней.

– Рейчел? – Ненависть не ушла, а затаилась глубоко внутри. Он не переставал думать о ней, потому что всем сердцем ненавидел. Лицо исказила гримаса злости, когда он понял, что не ошибся. Высокомерный взгляд обдал холодом, красивые губы изогнулись в наглой усмешке – девушка всем видом давала понять, что не раскаивается за удар, который нанесла Дэну, который нанесла Вайлет, Джеку, ему.

Банки с гулким шлепком выпали из ослабевших, дрожащих рук. Луис сделал шаг навстречу и замер, боясь потерять контроль и ударить самодовольное лицо. Рейчел с вызовом посмотрела на сжатые в кулаки руки и хмыкнула.

– Ты... – прошипел он, сдерживая рвущиеся наружу оскорбления. – Какого хрена ты здесь делаешь?

– О, большой мальчик утратил хорошие манеры или эта твоя выскочка внушает, что так стоит вести себя с девушками.

– Ты не девушка... Ты...

– Эй, я бы не стала бросать слов, которые неизменно приведут к нежелательным последствиям.

– Нежелательные последствия?

– Ты что, глухой?

– Какого хрена ты здесь делаешь?! – Рывкнул Луис. – Лучше тебе убраться, пока я не вышел из себя.

– И что ты тогда сделаешь? – Рассмеялась она. – Плюнешь мне в лицо?

Ее самоуверенность шокировала, и он долго не мог вымолвить ни слова. Банка в руке издала жалобный скрежет, когда он с силой сдвинул ее. Зеленая фасоль стекала сквозь пальцы, как сгустки спекшейся крови – крови Дэнни возле «Чашы Подношений».

– Это ты убила Дэна, – прохрипел он. – Ты виновата в том, что случилось с Джеком.

– Да ну, – вмиг изменилась в лице девушка. Злость исказила прекрасные черты лица. – Ты даже понятия не имеешь, о чем говоришь. Не зли меня, Луис – не стоит, потому что я отомщу.

– Так же, как отомстила Джеку?

– Джек сам виноват, уцепившись за эту выскочку. Он обманул меня, предал.

– Он ничего тебе не обещал. Даже зная, какая ты стерва, он, не раздумывая, помог тебе, иначе... – Луис не мог сдержать клокотавшую в груди ярость.

– Иначе тебя бы отправили в «Дом плача», не так ли?

Рейчел побледнела, сжав кулачки.

– Джек любил Вайлет, всегда любил. Никто бы не смог заставить его отказаться от нее, но он тайно ото всех во время вашего кризиса, увез тебя в Лас-Вегас, где вы поженились. Ты смогла бы ради нелюбимого человека пойти на такое? Впрочем, зря я это спросил. Ты никогда не соперничала другому, даже своему отцу.

– Замолчи! Замолчи! Джек был мне дорог! Это все вы! Это из-за вас он погиб. Мы могли быть с ним вместе, но вы... вы всегда настраивали его против меня, потому что завидовали, пускали слюни, как этот идиот Дэнни.

– Дэнни единственный, кто считал тебя ангелом во плоти, не замечая лживость, изворотливость и хитрость, которыми пропитана твоя жалкая черствая душа. Дэнни единственный, кто верил в твою искренность, и любил тебя просто за то, что ты есть. Ты ударила его в спину. Ты использовала его, заставила подставить лучшего друга. Вы с Фредом убили Дэнни: Фред выстрелил в спину, чертов трус, а ты подвела к этому.

Рейчел сотрясала дрожь.

– Тебе придется ответить за оскорбления, Луис. Не стоило называть меня трусом, – откуда-то сбоку выросла невысокая фигура Керлина, небрежно крутящего в руках, одетых в перчатки, широкий нож, с зубринами на длинном лезвии.

Луис только теперь заметил черный БМВ с тонированными стеклами, припаркованный у самого выезда. Вразвалочку к ним приближались еще пятеро. Весь их вид говорил сам за себя: спортивного телосложения, в черных брюках и кожаных куртках, в руках – стальные прутья, дубинки, ножи.

– Помнитесь, мы не договорили тогда, толстяк помешал.

– Замолчи, – прошипел Луис, глядя в ненавистное лицо. – Ответишь за все.

– Да ну? Оглянись, ты снова один – в буквальном смысле. Неужели, думал, все сойдет с рук? Ты должен вернуть то, что украл у ордена.

– Ты психопат, Фред. Ордена больше не существует.

– Снова промашка, мальчик. Совсем скоро мы с Рейчел займем место Афении, и все начнется сначала, но ты этого, увы, не увидишь, потому что будешь кормить червей.

Фред расхохотался, пригладив рукой светлые волосы, поправил бежевый пуловер, стряхнул с белых брюк несуществующие крошки.

– Значит, эти гориллы приехали с тобой именно за этим? – Усмехнулся Луис.

– Сегодня ты чрезвычайно догадлив. Может пора наконец-то закончить наше противостояние? Сколько это может продолжаться? Нам все время кто-то мешал, но теперь наступил момент истины, – он театрально развел руки в стороны. – Больше никто не сможет прийти к тебе на помощь. Печально, правда?

– Шут гороховый! – Луис оценивающе оглядел вставших полукругом ребят. Даже если у него будет хоть капля везения, расклад выходит не в его пользу. Он оглядел пустынную сто-

янку – никого. Глазок единственной камеры сбоку на здании потухший, словно глаза мертвой птицы.

– Рейчел, может, хватит крови? Сколько ее нужно пролить, чтобы затопить в тебе боль отвергнутой женщины? Ведь ради этого ты все делала, – Луис пытался тянуть время. – Говоришь, Джек был тебе дорог? Тогда что скажешь на это – Фред стрелял тогда у церкви не в Дэнни. Дэнни закрыл собой того, кому предназначалась пуля.

– Не слушай его, детка, – заволновался Фред. – Тебе лучше идти. Мальчик прав – не стоит смотреть на это.

Но она оттолкнула протянувшуюся к ней руку в черной кожаной перчатке.

– О чем ты? – Бросила она Луису.

– А тебе, по-видимому, дружок рассказал совсем другую историю, – с ненавистью бросил Луис. – Фред стрелял в Джека, ему в спину, а Дэн... – проклятый комок мешал говорить. – Дэн закрыл его, – голос сорвался. Он сжал зубы так, что они заскрипели. Желваки играли на бронзовых скулах.

В наступившей тишине слышно возмущенное сопение Фреда, звук сирены, промчавшего совсем рядом, автомобиля и шелест птичьих крыльев. Луис посмотрел вверх, но кроме закрытого тяжелыми тучами неба ничего не увидел. Ветер принес с собой запах надвигающегося дождя и скорого холода.

«Ви совсем одна», – подумал Луис. – «Не допущу, чтобы она осталась одна. Только не теперь, когда я так ей нужен. Только не теперь, когда ее взгляд начал меняться, только не теперь, когда она стала смотреть на меня совсем по-другому. Только не сейчас, слишком рано. Я еще не поквитался с вами за Джека и Дэнни!»

Начавшаяся перепалка между Фредом и Рейчел отвлекла внимание обступивших его парней. Луис лихорадочно просчитывал шансы на побег. Ввязываться в драку опасно. Их пятеро – он один. Фреда в расчет Луис не брал, тому хватит и одного удара, а вот остальные...

Он оценивающе посмотрел на каждого. Тот, что стоит по правую руку представлял большую угрозу: поигрывая ножом, здоровенный детина не спускал с него глаз, рядом с ним рыжий парень со стальным прутком лениво оглядывается по сторонам, словно ему чертовски наскучил весь этот спектакль, еще один блондин с кастетом выглядел рыхлым и медлительным. Двое других ростом с Фреда – мексиканцы, накачанные ребята, их не стоит сбрасывать со счетов. Тихо переговариваясь между собой на испанском, они нетерпеливо поглядывали то на Фреда, видимо ожидая его команды, то на Луиса. Темные, глубоко посаженные глазки буравили насквозь, а руки с силой сжимали железные дубины.

Что может спасти, так это внезапность. Выбрать время и первым нанести удар, сначала по детине с ножом, потом, если успею, по мексиканцам.

– Фред, не верю, что ты все время обманывал! – Распалаясь Рейчел. Детина с ножом неодобрительно посмотрел в ее сторону и тут же снова уставился на Луиса.

– И ты ему веришь? Я не хотел стрелять в Джека – гнусная ложь!

– Нет, это ты лжешь. Ты все время цеплялся за него, все время завидовал.

– Да что ты несешь! Чему завидовать?

– Не нужно юлить. Ты знал, как я отношусь к Джеку, и ты ненавидел его за это. Господи, не могу поверить! Ты стрелял в Джека!

– Слушай, Рейчел, здесь не место и не время выяснять отношения. Поговорим позже.

– Выяснять отношения? Да кем ты возомнил себя? Если бы не я...

– Э.. полегче крошка, – протянул Фред. – Ну-ка садись в машину и поезжай.

– Ты не смеешь мне приказывать. Как ты мог!

Один из мексиканцев цокнул и сказал, что женщина не должна так разговаривать с мужчиной. Фред побагровел и, развернувшись к нему, крикнул, чтобы он заткнулся. Второй мек-

сиканец хмыкнул и покачал головой. Дитина с ножом на миг отвел глаза, осуждающе посмотрев на парней.

Это шанс. На миг появившееся солнце снова спряталось за тучами. День померк, будто в одно мгновение наступили сумерки. Подул сильный ветер, и первые несколько капель упали на асфальт. Видит Бог, Луис не хотел, чтобы это видела Рейчел, но другого шанса уже не предвидеться.

Луис резко отпрянул вправо, пригнулся, и, что есть силы, толкнул в грудь детину и сделал подсечку. Парень охнул и начал заваливаться назад, смешно размахивая руками. Мексиканцы бросились вперед. Рыхлый продолжал тупо смотреть на Луиса, но рыжий среагировал моментально и, тут же, занес руку с кастетом, намереваясь обрушить на голову. Его сонливость, как рукой сняло.

Рейчел пронзительно закричала, Фред чертыхнулся, оттаскивая ее к машине.

– Делайте, что нужно, – прошипел он.

– Нет, не надо, – вопила девушка. – Не трогайте его, – голос стихал. Фред с силой затащил ее в БМВ, и машина тут же сорвалась с места.

Луис уклонился от кастета рыжего, продолжая бить кулаками детину, нож которого отлетел в сторону, но мексиканец ударил по спине дубинкой. Луис услышал хруст ломаемого ребра. Второй ударил по ногам и теперь Луис начал заваливаться назад, но благодаря застывшему рыхлому, ступор которого до сих пор не прошел, он, вцепившись в него, устоял на месте и, выхватив из его рук прут, отразив удар второго мексиканца, отправил рыхлого в жестокий нокдаун.

Мексиканцы и рыжий теснили к стене, отрезая путь к спасению. Он методично отбивался от ударов, тогда они сменили тактику, стараясь пробить защиту. Рыжий бросился под ноги, а мексиканцы одновременно атаковали с двух сторон. Дитина пришел в себя. Сплеывая кровь, с трудом поднявшись, проковылял к лежащему на земле ножу.

– Быстрее, – прохрипел он. – Время.

Ветер завывал, разметывая по асфальту желтые листья. Крупные капли дождя сливались в сплошной пенящийся поток. Луис вывернулся из-под руки мексиканца, упал от подставленной подножки, перекатился, и поднялся на ноги. Его ударили в лицо, но он, тут же, ответил. Рыжий вскрикнул, заваливаясь назад. Одни из мексиканцев занес руку – дубинка прошла в дюйме от правого виска, другой ударил ногой в живот.

Перехватило дыхание, звездочки в глазах на миг закрыли подходящего к нему детину с ножом. Луис бросился вперед, слыша позади топот бегущих ног. Когда они его догонят – все будет кончено.

На миг перед глазами возник образ любимого лица и милые ямочки на щеках.

– Не позволю, – прохрипел Луис, а потом сделал то, что сам от себя не ожидал – подпрыгнул и сделал кувырок назад. Сломанное ребро видимо проткнуло легкое. Вспышка боли ослепила. Он не увидел, как от удивления вытянулось лицо детины с выставленным вперед ножом, когда он вдруг оказался позади него.

– Надеюсь, ты слышал о «прыжке в невесомость», гад, – бросил в перекошенное лицо парень. Вложив всю силу, он резко размахнулся и ударил прутком, угодив детине в переносицу. Послышался треск. Парень пронзительно закричал, закрывая лицо руками, которые тут же окрасились кровью. Нож выскользнул из ослабевших пальцев, и Луис тут же подхватил его, швырнул прутком в бегущих к нему мексиканцев.

– Лучше стойте, – прохрипел он. – Видит Бог, моя рука не дрогнет.

Внутреннее лезвие смотрело прямо на них. Мексиканцы остановились в трех шагах.

– Не стоит лезть в эту драку, – прошептал Луис. Воздуха не хватало. Боль расплзалась по телу, мешая сосредоточиться. – Зачем мертвецам деньги.

Он отходил назад, туда, где стоял его форд, мексиканцы нерешительно топтались на месте. Вид грозного лезвия, направленного в их сторону, заметно охладил пыл. Луис закашлялся, почувствовав во рту металлический соленый привкус. С губы скатилась тонкая струйка крови. От нехватки кислорода в глазах темнело. В ушах нарастал гулкий звон. Если он не уедет сию же минуту – потеряет сознание, потеряет жизнь.

Мексиканец в бешенстве закричал. Рыхлый пришел в себя и, пошатываясь, побрел в их сторону.

– Знал, что эти ублюдки не справятся, – раздался позади зловеший шепот. – Всегда стоит рассчитывать только на себя, поэтому и вернулся, мучачос³ – ты же так говоришь Эмуель?

Бок взорвался от боли. Луис развернулся, приготовившись обороняться. Фред отскочил в сторону и захохотал. По блестящему лезвию ножа, зажатого в его руке, стекала кровь. Припаркованный БМВ стоял рядом. Из-за шума дождя и нападения он пропустил момент, когда подъехал джип.

Вдалеке раздался вой полицейских сирен. Луис опустил взгляд на растекающееся на правом боку багровое пятно и закашлял. Боль больше не расплзалась, она была везде, в каждой части, в каждой клетке израненного тела.

– Я помню, – прохрипел он. – Ты всегда бьешь в спину.

Темнота перед глазами мешала думать, мешала дышать.

– Джек... твоя комбинация верна. «Прыжок в невесомость» всегда выводил соперника из равновесия... мы выиграли... – Ноги подкосились. Луис упал...

Капли неистово хлестали по неподвижному телу, бурный пенящийся поток окрашивался в красный цвет, стекая к блестящим дорогим ботинкам Фреда, который неторопливо вытирал лезвие ножа салфеткой.

– Передай привет своему гребаному приятелю, – сплюнул он сквозь зубы. – Передай, что теперь пришла очередь девчонки. Передай, что я возьму все сполна.

Звон полицейских машин приближался.

– Фред пора сваливать!

– Передай привет, – прошипел Фред, склоняясь над Луисом и занося руку с ножом для следующего удара.

13

Мистер Грин одернул идеально сидящий по фигуре серый пиджак, нервно пригладил седеющие виски и вздрогнул от неожиданно громкого хлопка, раздавшегося откуда-то справа. Рука автоматически нырнула под плотную ткань, туда, где находилась кобура. Коп замер, лишь глаза внимательно обшаривали каждый угол захламленной пыльной комнаты на шестом этаже с видом на «Вечный рассвет» – идиотское название для дома престарелых, вы не находите?

Такое название мог придумать только человек, обладающий чувством черного юмора. Готов поспорить, что у парня проблемы со старшим поколением или того хуже – с собственными родителями. Но жить в этой богом забытой развалюхе – еще хуже, чем каждый день лицезреть бредущих с помощью ходунков по лужайке стариков в памперсах и неизменных слюнявчиках.

Такое ощущение, что живущий в такой дыре человек забыл о солнечном свете, запахе ароматизированного креозота на городских улицах и манящей свежести раннего утра. Забыл или постарался забыть. Грин не хотел такой старости. Чак Бенкс один из лучших детективов, каких он знал, и представить его сидящим в стариковском кресле с пледом и книгой в руках – невозможно.

«Это тебе не грозит, старина Чак! Тогда, в чем дело? Хотя с шумихой вокруг Файерлейка и сектантами, именуемыми себя «Хранителями земель» твое уединение весьма оправдано. Ты

³ На испанском – *muchachos* (мучачос) – мальчики, юноши, парни.

всегда был в центре крупного скандала или разоблачения, и на тебя многие имеют зуб, но чтобы сломить вездесущего Чака Бенкса этого мало».

Дрю Грин неодобрительно покосился на створки хлопающего окна, прислушался к шуму дождя, к тишине комнаты и тиканию круглых часов над книжным шкафом из красного дерева. Царившее здесь запустение могло обмануть кого угодно.

– Комнатка не в стиле сэра Бенкса, – протянул у порога напарник.

– Верно, Барти. Отличные декорации, почти поверил. Уверен, с другими срабатывало, и не раз. Я перестал бы себя уважать, если б повелся. Старая школа, приятель, ты и сам это знаешь Чак, – проговорил он в пустоту.

– Если ты уверен в спектакле, зачем продолжаешь держать руку рядом с пушкой? – Прохрипел голос.

Книжный шкаф разошелся на две половины, открывая узкий проход. Книги в нем оказались тоже всего лишь бутафорией. Элегантный худощавый мужчина вышел на свет, кивнув Барти Тауну, и нахмурился, встречаясь глазами с Грином.

– Не жалую незваных гостей, но раз уж пришли – заходите, – буркнул он, исчезая в темном кабинете.

Через минуту вспыхнул яркий свет. Барти свистнул, пораженный ярким контрастом двух комнат. Здесь царил идеальный порядок, свет и гармоничность: светлая мебель, много свободного пространства и ярко-красные зонтики цветов валлоты.

– Вижу, Чак, ты совсем отошел от дел, – недовольный приемом буркнул Грин, усаживаясь на предложенное кресло с широкими полированными подлокотниками. – На пенсию не рановато ли?

– Ты пришел ради этого? – Вопросом на вопрос ответил Чак.

– Нет.

– Тогда не тяни кота за хвост и приступай к делу. Ненавижу, когда люди теряют время даром, рассыпаясь в любезностях. Ты, Дрю, не такой человек и свободное время ценишь.

Барти неловко улыбнулся, будто извиняясь за напарника, когда Чак снова посмотрел в его сторону.

– Как поживает отец? – Спросил Чак.

– Он в порядке, но мы...

– Знаю, зачем вы здесь. Не так давно в Порт-Силвер произошло убийство. Не понимаю, зачем я вам понадобился, – он протянул по бутылке холодного пива Дрю и Барти.

– Так ты в курсе дел? – Бросил Грин. Полицейский кивнул. – Чак, нам нужна информация. Ты работал почти два года назад в Файерлейке, и мы хотели бы знать...

– Я уже все рассказал, что мог, – прервал Бенкс, плюхнувшись на кресло напротив. Свет от настенной бра бил ему в спину, но от Грина не укрылось, как моментально побледнел старина Бенкс при упоминании о городе-призраке, коим теперь является Файерлейк.

– Я читал официальный отчет, Чак, но я имел в виду не это. Ты угрожал разоблачением важных персон, но неожиданно пропал из поля зрения. Да и... мы действительно пришли сюда не за этим. Но вывод напрашивается сам собой – если ты устроил маскарад, значит, тебе есть кого бояться.

– Чего. Не кого, а чего.

– Не понимаю.

– Поймешь, если не оставишь это дело. Мой тебе совет, оставь Файерлейк в покое. Оставь мертвое мертвым.

– Не верю, что это говоришь ты, Чак? Ну да ладно. Просто дай мне нужную информацию, и я уйду туда, откуда пришел.

– Сэр, нам просто нужна информация о некоторых лицах, проживающих в этом городе. Может, вы даже не слышали их имен, и мы действуем абсолютно в слепую, но интуиция копа

мне подсказывает, что этот Луис Смол и Вайлет Шелдон не просто люди из города. Они не похожи на парочку, проводящую медовый месяц, не похожи на брата с сестрой, не похожи на людей, мечтающих забыть об ужасах трагедии и потерю родных. Они не попадают ни под какую категорию.

За бухтой следят. Мои ребята несколько раз замечали, в том районе ошивается охотник, и миссис Боуден нашли убитой неподалеку. Задержать охотника не вышло. К тому же тот парень – Луис, будто все время чего-то со страхом ожидает, и он чертовски боится за девушку, словно она в любой момент может умереть.

Конечно, вы скажете, люди пережившие смерть близких часто ведут себя подобным образом, у них развивается танатофобия⁴, но здесь что-то другое. Девушка странно себя ведет, говорит о каком-то, якобы живущем на маяке старике, который лет уж как пятьдесят лежит в могиле, с которым общается и... Она странно выглядит, ее глаза...

– Пусты. В них горит единственный огонек – смертная тоска, так? – Сказал Чак, поставив пустую бутылку под ноги.

– Да... – озадаченно протянул Таун.

– Да что вы! – Ругнулся Дрю. – Чак, просто расскажи подробнее об этой парочке, если знаешь. Вот и все, что мы хотели узнать.

– Барти, знаю, ты большой поклонник футбола. В студенческой лиги существует... существовала команда «Белокрылые орланы».

– Да. Квотербек проделывал чудеса. Я сам видел его «прыжок в невесомость» – это... потрясающе. Я смотрел последний матч, повтор, разыгранные комбинации настолько смелы и непредугадываемые, что я даже...

– Постой, – нетерпеливо рявкнул Грин. – Так что не так с этой командой.

– Да ничего. Ее уже не существует.

– Файерлейк, – охнул Барти, хлопнув рукой по джинсам.

– Именно. Лучшая команда за всю историю студенческого футбола, проигравшая лишь однажды на матче дружбы с ГриндБэй незадолго до трагедии.

– И что это дает?

– Дрю, квотербек команды – Джек Харисон, весьма незаурядная и талантливая личность. Меня перевели из города в тот момент, когда я вплотную им занялся. Кто-то очень не хотел, чтобы я копал под него.

– А что с ним было не так?

– Точно, Джек Харисон! – Воскликнул Барти.

– Его школьный товарищ погиб при странных обстоятельствах. Теперь я уверен – это не авария, а продуманный хитрый план. Потом еще несколько смертей – туристов и городских. Так вот, перед тем, как произойти несчастью, я видел парня в местах трагедий. Он всегда появлялся, словно чертов вестник, но, твою мать, мастерски уходил от слежки, будто нутром чувствовал – за ним следят. А меня не так-то легко запутать.

– И этот парень...

– Погиб при землетрясении.

– Тогда к чему ты это говоришь?

– Парень являлся членом «хранителей», и по моим наблюдениям, они возлагали на него большие надежды. И этот парень был с той девушкой, Вайлет – ну, вы понимаете, о чем я. Похоже, он сильно любил ее.

– Тогда, кто же этот Луис?

– Лучший друг Джека.

⁴ Боязнь смерти

– Значит, ты намекаешь, – Дрю Грин чиркнул зажигалкой, прикуривая сигарету. Дождь прекратился, и наступившая за окном тишина была слишком глухой и нереальной, как и птица, заглядывающая сейчас в окно.

– Девочка вознамерилась отомстить выжившим хранителям, если таковые имеются. В своей жажде справедливости она может зайти слишком далеко. Черт, с них нельзя спускать глаз! Возможно, тот, кто ошивается возле бухты...

– Вы должны оставить это дело, – прервал Чак.

– Простите? – Дрю Грин не верил ушам.

– Хорошо. Я расскажу, а уж вы решите: сошел ли я с ума, как и мисс Вайлет, или это что-то другое, то... которому у нас еще нет объяснения, и, скорее всего, не будет, – коп поднялся и под недоуменные взгляды нервно заходил по комнате.

– Скорее всего, вы так и решите, – бурчал он, будто разговаривая сам с собой. – Но ведь вы тоже видели птиц и... – Чак Бенкс остановился напротив Дрю.

– Ты многое слышал обо мне верно, старина? Как тебе такое заявление: я тоже видел мертвеца и разговаривал с ним. Теперь ты тоже подумаешь, что я спятил, как и та бедная девочка? Точно? Тогда решай – стоит ли тебе слушать бред сумасшедшего и потерять драгоценное время. Спроси свою интуицию, спроси у звериного чутья, которым обладаешь – хочешь ли ты соваться во все это? Ведь эта дорога ведет в один конец. Но я прошу тебя, не стоит... не стоит губить свою жизнь. Назад пути не будет, это как... клеймо! Именно так! Клеймо, которое не отмыть и не выжечь огнем, клеймо... которое, как привязанный к шее камень, потянет на дно самых жутких твоих ночных кошмаров. Клеймо... которое медленно, но верно станет сводить тебя с ума.

– Постой, Чак. Не стоит делать скоропалительных заявлений. Тебе нужно успокоиться.

– О, я спокоен, как никогда, потому что большего уже не остается. Это всего лишь вопрос веры, уважаемые джентльмены. Но от того, верите вы в это или нет – ничего не изменится. Можно отрицать очевидное с маниакальным упорством, требуя доказательств, документов и подтвержденных фактов, вердиктов ученых со степенями и священников. Но, повторюсь, факт останется фактом при любом раскладе. Как сказал великий Коперник, когда его высмеяли публично, требуя отречься от своего заявления: и все же она вертится!

Вы не поверите в то, что расскажу, я убежден на сто процентов. Сам бы никогда не поверил, и все же... это существует. Мы не были знакомы с вами лично, мистер Грин, скорее заочно, но вы прекрасно осведомлены о роде моей деятельности и блестяще выполненных мною заданий, поэтому вы, конечно же, можете быть уверены, что я просто устал или заболел, а может, спятил. Когда каждый день сталкиваешься с насилием, людской озлобленностью и деградацией в мозгу перемыкает, и ты уже не можешь относиться к миру, как остальные люди.

Видя, как мать топит ребенка в ванне с горячей водой за то, что он перекинул еду на только что вымытый пол; как отец в пьяном угаре убивает сына из дробовика, уверенный на сто процентов, что поступил правильно с этим чертовым выродком; как брат толкает в пропасть брата ради забавы – ты становишься другим, твое мировоззрение меняется. Вы знаете это не хуже меня.

Нас будут судить особым судом, не как других, потому что наши сердца очерствели, а вид растерзанной плоти больше не вызывает жуткого отвращения и ужаса, скорее профессиональный интерес и жажду расследования. И это плохо, очень плохо.

Я никогда не был примерным католиком и ярым сторонником веры, но это не значит, что меня минует сия чаша и я смогу оставаться в стороне, как бы мне этого не хотелось. Да, впервые в жизни я не желал бы продолжения своей истории, которая, несомненно, подходит к концу. Знаете, кто не боится смерти: лишь глупцы и святые – я же не отношусь ни к тем, ни к другим. Мне придется отвечать сполна, когда придет срок.

– Чак, похоже, вам действительно нужен отдых. Мы не хотели вас беспокоить, – Барти поднялся, озабоченно всматриваясь в знакомое, но теперь такое чужое лицо. Что могло случиться с этим человеком, офицером полиции на которого все равнялись? Что так изменило его?

– Ты прав, мальчик, – Бенкс остановился возле окна, пристально всматриваясь вдаль. – У вас еще есть шанс оставить все, как есть. Вы можете уйти прямо сейчас или остаться навсегда. – Последние слова он прошептал так тихо, что они еле расслышали.

Напарники переглянулись. Барти, молча, указал глазами на дверь, но Дрю упрямо сжал губы. Он никогда не останавливался на полпути, всегда доводил дело до конца и он, мать твою, все равно докопается до правды.

– Я слушаю, – грубо бросил он в тощую спину. – Отличная прелюдия, Чак, но она слишком затянулась, поэтому переходи к делу. Рассказывай, что знаешь.

Фигура возле окна на миг замерла. Бенкс вздохнул и развернулся.

– Ваш выбор, – он прошел назад и опустился в кресло напротив, прожигая их насквозь, и от этого взгляда стало не по себе. Руки сжаты в кулаки и слегка подрагивают. Чак отчаянно старался унять дрожь, но у него не выходило.

– Джек Харисон, несомненно, обладал определенными способностями – психокинетическими способностями. Люди с таким даром рождаются раз в сто-двести лет, это знали хранители, поэтому сделали все, чтобы заполучить его в свой «клуб по интересам». Но мальчик был весьма своенравным и независимым. Когда у него погиб старший брат, ему было всего лет пять, он замкнулся в себе и отказывался встречаться даже со своими друзьями.

Я был переведен в Файерлейк из Портленда, вы знаете о деле «оранжевый объектив» – как его окрестили репортеры. Так вот, Джек сразу привлек мое внимание и не только как незаурядная личность. Его магнетизм притягивал, а безумное обаяние и глаза, в которых безграничная тоска и мудрость, будто он не подросток вовсе, а глубокий, умудренный опытом старик.

Я стал пристально наблюдать за ним, а кто-то начал наблюдать за мной, давая недвусмысленные намеки, чтобы я оставил дело. Но я не был бы Чаком Бенксом, если бы все бросил. Скоро у меня были сведения, кто создал и руководил тайной организацией, оккупировавшей город. Знал идеологию и их далеко идущие цели. Знал, что таких структур в штатах несколько, и все они связаны между собой. Не хватало всего минимум информации, чтобы закончить с этим городом и вывести «хранителей» на чистую воду.

Члены секты уверены, что защищают землю от прихода падшего ангела, и эти разломы, врата, коридоры, черные дыры, называйте, как хотите, связь между этим и тем миром. Один Бог ведает, какие черные мессы совершались в монастыре, я не исключаю жертвоприношения, но когда в городе начал орудовать маньяк я понял, ситуация выходит из-под контроля, и один из хранителей возомнил себя черным мессией, карателем.

Джек Харисон всегда находился рядом, когда происходила трагедия, его будто тянуло магнитом. Он будто знал, где произойдет очередное убийство, но когда я увидел его спустя некоторое время... Это был другой человек, словно его копия – не он. Бурлящая злость, ярость, ненависть пугали, а глаза... Таких глаз не может быть у человека, не может.

Осознание не было столь уж пугающе неожиданным, тогда я уже догадывался, что парень страдает тяжелой формой раздвоения личности и это он совершает убийства. Шериф Гордон и мэр Рон Керлин покрывали его, теперь понятно почему. Но потом со мной стали происходить странные вещи. Начали преследовать шорохи, тихий шепот за спиной, но когда я оборачивался, рядом никого не оказывалось. Один раз я ехал по шоссе двести сорок шесть в сгущающихся сумерках, и кто-то опустил руку на мое плечо. Я отчетливо ощущал тяжелую руку, чувствовал ее жар. Господи, я чуть не сорвался в пропасть, резко нажав на тормоз. В салоне автомобиля... никого не было, потому что я ехал один!

Меня стали преследовать открыто. Я видел тени, постоянно ощущая на себе тяжелый взгляд. Но потом... ночью я проезжал мимо кратера. Вы знаете, что аномалия, почти в центре города, и привела к грандиозному пожару и гибели столько людей. На узких перилах в дюйм шириной,⁵ перед адской пропастью спокойно стоял парень, подняв лицо к небу.

Это был Джек, но не это удивило – другое. Сначала подумал, что мне померещилось: обман зрения, туча, рой ночных бабочек или бог весть какая хрень, но я ошибался. Вверху перед ним шелестели тысячи черных крыльев, птицы кружили над его головой, образуя воронку, смерч. В безумном молчании, только шелест и тихое металлическое потрескивание озера. Никогда такого не встречал, и уверен никогда не встречу, но в тот момент...

Я дернулся вперед, испугавшись за него. Ведь всего на дюйм вперед и он сорвется в адское пламя. Но, не добежав несколько ярдов, я словно налетел на невидимую стену. Меня отбросило назад с такой силой, что пролетев несколько ярдов, я оказался рядом с машиной, которая была далеко позади. Мозг взорвался такой адской болью, ослепив, что я почти потерял сознание. Голос удержал меня на поверхности. Голос, прозвучавший внутри моей головы.

– Оставь сосуд. Он мой, Чак, оставь, иначе вскоре встретишься с... Джеймсом Вили.

Пожилкой коп больше не сдерживал дрожь. Попытался прикурить, но сигарета прыгала в руках, словно спятившая лягушка. Чак с досадой швырнул ее на стол. Закрыв лицо руками, отчего голос стал глухим и тихим.

– Джеймс был моим лучшим другом. Мы дружили с детства и решили, вместе поступим в школу ФБР и посвятим жизнь службе в полиции. Так и случилось. Однажды Джеймс возвращался домой и заметил, что кокой-то пьяный урод пристает к девушке возле супермаркета «Гардена». Конечно же, он не мог пройти мимо. Этот обкурившийся придурок выстрелили в него пять раз.

Я нашел эту сволочь и засадил за решетку, но это не могло вернуть друга или повернуть время вспять. Уехал в другой город и поклялся сделать все возможное, чтобы такие уроды не могли спокойно расхаживать по улицам, размахивая пушкой. Это случилось почти сорок лет назад. И никто об этом не знал.

В Файерлейке пропал парень, Майкл Гран, Вайлет после смерти родителей стала жить в их семье. Майкл был другом Джека, и я не мог понять, как он мог... как мог? Мы прочесывали лес в его поисках. Я ушел далеко вперед, когда прямо на меня из тени переплетенных ветвей вышел человек. Вернее я видел только его тень, но я отлично узнал эту фигуру и интонацию. Он сказал, что если я не уеду немедленно, то всю оставшуюся жизнь буду проклинать себя за упрямство – это был Джек.

А потом я увидел Джеймса таким, каким помнил. Он сидел на корточках перед чьими-то обглоданными останками и брезгливо морщился.

– О, привет! – Воскликнул он, глянув на меня, будто мы расстались всего несколько часов назад. – Ты представляешь, Анаэль передает тебя привет. Хочет, чтобы я познакомил тебя кое с кем. Черт возьми, такой куколки ты еще не встречал! – Он плюнул прямо на белеющие кости и вздохнул. – Гребаный Филл все планы испортил.

Филл Коризн – тот ублюдок, что убил Джеймса. Господи, я думал, что схожу с ума. Но чтобы остановить меня, нужно что-то пострашнее призраков или сумасшествия. Джек сказал, что Джеймс поплатился за мое упрямство. Он будет умирать в моих снах снова и снова, крича от боли и страха, до скончания моих дней. Сказал, что предупреждал, но теперь все будет иначе.

Джек... Да, я думал, что это он. Но это был тот, другой. Тот, кто так сильно похож на него, что подумаете на...

⁵ 1 дюйм – 2,5 сантиметра

Чак снова попытался прикурить, и вновь у него ничего не вышло. Барти не выдержал и подкурил ему сигарету. Бенкс невидящим взглядом посмотрел на протянутую сигарету и тут же с жадностью затянулся, выпустив клуб густого дыма.

– Очень скоро меня перевели в другое место. Но я не бросил дело и, как прежде, настроен идти до конца, но вам незачем испытывать то, что я переживаю в жутких кошмарах. Это нечто породило мои страхи, сделало их явью. Нечто залезет в самые потаенные закоулки вашего мозга и вытащит наружу секреты и вашу боль. Оно будет измываться над вами, наслаждаться страданием и становиться сильнее.

Да, я не был примерным католиком и, может быть, это расплата за мое отношение к вере и вечную занятость. Если в душе не живет Бог, значит, это место займет другой. Можете называть его как вам угодно, даже Санта Клаусом. Природа не терпит пустоты и не прощает ошибок, и поэтому вы станете расплачиваться за это до конца дней. А еще... пока на вас не стоит клеймо, можете отделаться лишь легким испугом и продолжать жить дальше.

Я не считаю себя сумасшедшим и знаю то, что видел и продолжаю видеть также реально, как и луна, показавшаяся сейчас из-за туч. Джеймс никогда уже не сможет заговорить со мной, как бы я не желал этого всем сердцем, и тот, кто говорит от его имени, вовсе не мой добрый друг.

Уходите и оставьте мертвое мертвым, оставьте призраков, ждущих в темноте. Когда у меня окажутся все нити этого непростого дела, обещаю, вы первые обо всем узнаете. Ведь Чак Бенкс не останавливается на полпути. Это будет последнее расследование, итог моей работы. А потом да, Дрю, ты прав, мне пора не пенсию.

Вайлет Шелдон оказалась втянута в безумную игру и мне очень жаль ее. Клеймо и на ней, и никто не сможет избавиться от этого, хотя Луис Смол и старается уберечь ее от роковой развязки. Они лишь невинные жертвы, а настоящее зло там, где птицы и темнота. Идите, джентльмены, и да упаси вас Бог от проявления живущих в каждом из нас собственных демонов, ждущих своего часа.

Дверцы лифта бесшумно распахнулись. Полицейский в полном молчании пересекли пустынный холл.

– Что скажешь, Барти? – Первым нарушил молчание напарник.

– Не узнаю грозного Чака Бенкса. Господи, что с ним могло произойти?

– Что он нам только что наплел?

– Чак уверен в своей правоте и не думает о галлюцинациях и навязчивых идеях. Похоже, он и вправду верит в то, что говорит.

– Здорово ему промыли мозги. Выходит, кое-кто из хранителей все же выбрался из Файерлейка. Похоже, эта не просто секта, если может внушить такие мысли офицеру полиции.

– Он сказал, что существуют несколько подобных организаций, объединенных общими идеями, и если эта девушка с прекрасными глазами с этим связана, а я уверен, что да, то стоит понаблюдать за парочкой, живущей в бухте «Спящая черепаха».

– Они имели планы на Джека, а она была его девушкой. Вполне вероятно, что они захотят использовать ее в своих ритуалах.

– Значит, ей может угрожать реальная опасность, – задумчиво кивнул Таун.

– Барти, – прохрипел Дрю, остановившись напротив пешеходного перехода. – Ты не передумал? У нас полно других проблем. Ведь убийство Боуден может и не связано с сектой или ее последователями. Нужно проверить другие, более правдоподобные, версии, – он ослабил тугой узел галстука и глубоко вздохнул, словно ему не хватало воздуха. По спине расплзлась тянущая тупая боль. – Тот человек, что бродит по лесу может оказаться просто психом. Очередным, мать его, психом – и только.

– Ты предлагаешь закрыть дело? – Воскликнул Таун. – Не в моих правилах! Я вернусь к Бенксу, когда у меня будет больше информации или слежка за бухтой что-нибудь даст.

– У нас масса других дел, – задыхаясь, проговорил Грин.

– Все верно, вот и займись ими, а я продолжу расследование... Эй, напарник, ты чего?

Молодой полицейский испугано смотрел на белеющее с каждым мгновением лицо Грина, смотрящего куда-то через его плечо. Коп с силой рванул дорогой галстук и швырнул на землю.

– По... по... пт... – продолжая хватать ртом воздух, прошептал Дрю, сжимая рукой грудную клетку. Боль переместилась под грудину, не давая сделать вздох.

– Дрю... сердце? – Испугано воскликнул Таун, содрав с ремня висевшую рацию. – У тебя сердечный приступ! Скорее в машину! Постой, я помогу!

– Пт... повернись, – смог произнести Дрю Грин.

Барти резко обернулся, ожидая увидеть что угодно, но только не это. Он даже не сразу сообразил, что видит перед глазами. Асфальтированная дорожка слабо колыхалась, словно темные воды в легкий бриз. Полицейская машина скрылась в странном водовороте, слившись с общей массой живого моря маленьких тел.

Вороны в молчании поглядывали настороженными черными пуговками, смешно перетаптываясь на коротких лапках, словно в танце, открывая в немом крике клювы. В свете горящего светофора оперенье отливало синевой, и казалось, что по живому морю пробегает волна.

– Птицы? – Удивленно протянул Грин, на секунду забыв о напарнике.

– Ведь говорили: оставь все как есть, но ведь в тебе не осталось и капли веры. Тогда ты должен слушать, что говорю и делать так, как скажу. Никто не заслуживает прощения, даже он. Вы должны помнить об этом, вы не должны препятствовать. Я голоден и нетерпелив, потому что слишком много знал, потому что пришло время Апакатики. Никто не сможет помешать мне, и на этот раз я одержу победу!

Грин растерянно обернулся на напарника, в последний момент подхватывая того на руки, видя плотно сжатые посиневшие губы и понимая, что это произнес не Дрю. Что это прозвучало прямо у него в голове...

– Теперь на тебе клеймо и ты не сможешь избавиться от него, как бы ни старался!

Птицы лениво расступались, когда он волок Грина к машине, возмущенно хлопая крыльями. Кровь прилила к голове, а сердце выскакивало из груди. Все вокруг слилось в одно огромное темное пятно, и даже светофор пару раз мигнув, погас.

– Ты слышал, – прошептал Дрю, теряя от боли сознание. – Ты ведь тоже это слышишь...

14

Он чувствует близость воды словно зверь, умирающий от жажды, запах сырости, тихий плеск. Кольца тумана сжимают со всех сторон. Белая пелена застилает глаза, и если бы он поднял руку перед собой, то не увидел бы даже ее. Туман был неправдоподобным, слишком густым, чтобы быть просто туманом, скорее дымовая завеса, но он не чувствовал ни гари, ни копти.

Опустив глаза, не увидел ног, лишь белую извивающуюся змейку, ощутил легкую вибрацию, слабые толчки, словно кто-то осторожно стучится в запертую дверь. Звуки приглушены, искажены, будто тебя закупорили в непроницаемом кубе, покачивающегося на волнах, словно забытый плот.

Как я сюда попал? В памяти не было ничего словно на отформатированном диске. Он попытался вспомнить хоть что-нибудь и не мог. Растерянность. Куда идти? Что это за место?

Он сделал шаг в пустоту, затем еще один и еще. Остановился. Сквозь мокрую завесу не проникал даже луч солнца. А может, так и выглядит слепота? Может, ты видишь не ночь, а клубы белого дыма, в которых предстоит блуждать до окончания дней? Может, ты просто не знаешь, как описать эту пелену, потому, что таких слов еще не придумали? Не знаешь, какое дать название, чтобы передать ощущения, которые не помнишь, которые стали чем-то новым и чуждым.

Что происходит? Что это? Снова тихий всплеск реки, озера или моря – все равно. Это единственный ориентир, который он слышит. Значит, нужно идти туда.

Он попытался крикнуть, но услышал лишь тихий стон. Горло саднило, язык распух и не шевелился, словно приклеенный к небу. Жажда сводила с ума, а еще непонимание. Теперь он почти бежал, продираясь сквозь мокрую вату тумана, чувствуя холод и смертельное одиночество. Страх пришел позже, когда он понял, что остался совсем один.

Снова попытался закричать. На этот раз язык слегка пошевелился, и вышло что-то вроде: – По...те.

Ответом была тишина. Слезы сами собой скатились из глаз. Он чувствовал, что забыл что-то очень важное, что-то настолько значимое и имеющее колоссальное значение, что по сравнению с этим все остальное теряло смысл – даже слепота, даже одиночество. От бессилия из глубины души поднималась злость, ярость на растерянность, на слабость человеческой природы и хрупкость тела. Болел каждый сантиметр плоти, а жгучий пожар внутри груди мешал сосредоточиться и понять, как быть дальше. Он идет слишком медленно. Он движется слишком неповоротливо.

Но злость пробудила и другие чувства, разбудив память, дав силы к следующему шагу. Душу заполнила теплота воспоминаний. Где же я?

Белый туман впереди расступился. Вернее, не расступился, а сжался в одной точке – странной многогранной фигуре. Он увидел прозрачную голубизну бездонного неба, белые перышки облаков, втянул сладкий запах цветов. Увидел путь, множество пересекающихся друг с другом прямых дорог, бегущих во всех направлениях. Между ними продолжал клубиться туман, и снова войти в него не хотелось. Он растерянно остановился: куда идти?

У тебя множество выборов... Ты можешь бродить по ним вечно... Но у тебя нет вечности!

Узкие из каменной кладки дороги терялись за уходящим вдаль горизонтом, и он чувствовал – ему нужна лишь одна, ведущая домой.

Да что же происходит?

Стоящая впереди фигура походила на человека, терпеливо ожидающего в отдалении. Вот он поднял руку и махнул, приглашая следовать за ним, а затем медленно побрел по одному из пути.

– Ты обещал заботиться о ней... – долетел легкий шепот, словно дуновение летнего ветерка.

Нет! Не может быть! Он бросился вслед фантому. Он бежал со всей силы, на которую только был способен, но медленно бредущая впереди фигура не приблизилась даже на дюйм.

Время растворилось в череде бесконечных поворотов и перекрестков. Он запутался и уже не мог бы сказать с уверенностью, где начинался и где заканчивался лабиринт каменных нитей, ведущих и идущих в никуда. Только когда свет ослепил, заставил остановиться, упасть на колени, моля прекратить безумную гонку, он понял – дорога осталась позади, а впереди зеленая равнина с чудесными яркими цветами.

Аромат тысячи неопишуемых цветов кружил голову, а бесчисленное число оттенков и красок делали пейзаж восхитительно прекрасным. Ты очутился в сказке. Ты очутился там, где другим не дано быть. Ты увидел то, что другим не позволено видеть.

Фигура остановилась, опустила голову, руки безжизненно повисли вдоль тела. Чем ближе он приближался, тем отчетливее становился облик.

Господи, Боже!

– Это поляна желаний, – прошептала фигура, нет... дорогой, близкий человек. – Ты вправе остаться здесь и вправе вернуться. Ты вправе решать, ты должен почувствовать, увидеть выход.

– Джек! Ви совсем одна! Я не оставлю ее одну!

– Все верно. Так и должна быть, – серые глаза светились добротой и пониманием. – Так и должно быть. Передай Фее: я всегда буду помнить нашу голубую лагуну и оленей, пришедших на водопой. Скажи, что она должна отпустить меня. Должна жить дальше.

– Пожалуйста, Джек, – Луис плакал, крупные слезинки стекали по бронзовой коже непрерывным соленым каскадом. – Пожалуйста, ты должен вернуться вместе со мной.

– Это невозможно, пока я не буду прощен.

– О чем ты говоришь, брат! Нам плохо без тебя, плохо. Тебя не за что прощать. Ты ни в чем не виноват!

Слова застряли в горле. Он силился говорить и не мог. Позади друга выросла еще одна фигура, затем другая, третья.

– Мама. Мама – это ты! – Он бросился вперед, но она испуганно вскинула руки.

– Нет, ты не должен идти! Ты решил! Еще рано, слишком рано.

Он в мольбе сложил руки, вглядываясь в дорогие лица.

– Мама! Майки! Дэнни! Джек! Вы здесь, вы все здесь! Мама... Майки... Дэнни... Джек...

– Ты обещал, помнишь, – улыбнулся Джек. – Мы встретимся. Рано или поздно мы встретимся. Просто еще не пришло время. Ты не все сделал.

– Майки...

– Привет, братишка! Я так горжусь тобой. Знаю, ты еще навальешь мерзкому Керлину. Как жаль, что не могу навальть ему вместе с тобой, пока не могу.

– Дэнни прости.

– Это я должен умолять о прощении. Но Джек прав: не сетуй на судьбу, брат. Чтобы не происходило с нами, на то есть свои причины, глубинный смысл которых нам, возможно, не понять, как бы мы не пытались. И я теперь твердо уверен в одном: все должно случиться так, как должно. А если у тебя есть вера, если в твоей душе живет любовь, ты все переживешь. У тебя все получится.

Они улыбались ему.

– Не уходите, пожалуйста.

Джек поднял руку в знак прощания.

– Пора возвращаться, – серьезно проговорил он, сдвинув брови. Темные длинные до плеч волосы колыхались от легкого ветерка. Смутное напоминание вкралось в опустошенную душу. – Ты должен быть сильным, очень сильным, чтобы справиться. Сильным не физически – духовно. Ты должен быть готовым, когда придет время. Птицы... они помогут, они всегда помогали...

Белая дымка опустилась на глаза, словно занавес после финального акта, растворяя прекрасную поляну.

– Подождите! Джек, ты должен сказать Вайлет... Вайлет! Вайлет! Вайлет!

Он почувствовал приятный холодок на горящем лбу, легкое прикосновение к щекам, губам. Веки оказались настолько тяжелы, что не было сил открыть глаза.

– Вайлет, – прохрипел Луис, с трудом разлепив губы, и тут же почувствовал легкий аромат лилий.

– Я здесь, – прошептал нежный голос. – Здесь, с тобой.

Кто-то осторожно сжал руку, прикоснулся к ней губами.

– Нет... не сюда. Сюда, – он ткнул рукой в свои губы, сумев, наконец, разлепить веки.

Зеленые глаза пылали нежностью и тревогой, губы слегка дрожали, сдерживая рвущиеся наружу рыдание. Она улыбнулась и появившиеся вслед за этим ямочки заставили забыть о боли, сковывающей тело.

– Сюда, – снова прохрипел он, стараясь улыбнуться и, кажется, у него вышло. – Спасибо, что ты есть, – прошептал он.

– Спасибо, что есть ты! – Вайлет всхлипнула, склоняясь над ним, целуя в щеки, лоб, руки, но... только не в губы. – Луис, как же ты напугал меня! Луис! – девушка продолжала всхлипывать. – Кто это сделал? Кто напал на тебя?

– Ты же знаешь, я не мог не ввязаться в очередную драку.

– Молодому человеку лучше не разговаривать и поберечь силы, которые, несомненно, еще понадобятся, – раздался ворчливый голос позади Вайлет, которую тут же бесцеремонно отодвинули в сторону. Прямо перед глазами предстала недовольная физиономия мистера Вайнера. Увеличенные стеклами очков в роговой оправе глаза казались неестественно большими, словно у стрекозы, губы беззвучно шевелились, когда он положил пальцы на запястье его левой руки, отсчитывая пульс.

Доктор нахмурился, покачал головой, вздохнул, посмотрев на девушку.

– Это просто недопустимо, – гаркнул он. – Неслыханно! Как вы убедили сэра Уэльса забрать больного сразу после операции? Как он позволил? Такой риск! Такие серьезные ранения, а вы спокойно говорите, милая леди, что справитесь сами. Я не доверил бы такого тяжелого больного даже опытной сиделке, мисс, вне госпиталя, разумеется, а вы с такой уверенностью убеждаетесь, что справитесь лучше обученного персонала. А что если начнутся осложнения? Пока я доберусь до бухты, может произойти все, что угодно – от асфиксии до коллапса или, не дай Бог, внутреннего кровотечения.

– Если Вайлет говорит, что все в порядке, значит, так и есть, – прохрипел Луис. Доктор закатил глаза.

– Ваше упрямство впечатляет. Квалифицированную помощь могут оказать только в специализированном учреждении, мистер Смол. Поэтому я настаиваю на немедленной отправки вас в городской госпиталь.

– В город нельзя. В Порт-Силвер нельзя, – взволнованно прошептал Луис, и тут же охнул от вспыхнувшей боли.

– Видали? – Всплеснул руками Вайнер. – Благоразумие и ваша импульсивность, молодые люди, плохо ладят друг с другом. Хочу заметить: последствия, которые незамедлительно последуют за таким необдуманном поступком – неминуемы. Вы сами станете корить себя за опрометчивость и предубеждения. Уж не знаю, что вы там себе понапридумывали, но наша клиника одна из лучших.

– Спасибо, сэр, я очень ценю ваши рекомендации, – сказала девушка.

Доктор крикнул, всплеснул руками и поднялся.

– Я написал наиточнейшие указания по поводу ухода и лечения. Надеюсь, не станете возражать, если я какое-то время буду навещать больного. Нет? Прекрасно. Звоните в любую минуту, по любому, подчеркиваю, поводу. Буду немедленно. Я вообще поражен, что парень пришел в себя – у него серьезные ранения, и просто чудо, что не задеты жизненно важные органы. И, Господи Боже, это неслыханное нарушение всех существующих правил, – обиженно добавил Вайнер, выходя из комнаты.

– Луис, – снова всхлипнула девушка, как только за доктором закрылась дверь.

– Как я оказался в больнице? Как ты узнала? – С трудом произнес он.

– Я не знаю, кто привез тебя в госпиталь. Врачи говорят, тебя оставили рядом, на ступенях. Они тоже никого не видели. Луис, ты потерял много крови и они не думали... не знали, смогут ли...

– Я еще потанцую, Ви. Мы с тобой потанцуем. Помнишь вальс на выпускном? Это было прекрасно, – прошептал он. Говорить не было сил. – Почему ты не оставила меня в больнице, что побудило тебя забрать меня?

Она пожала плечами, осторожно промокая влажной салфеткой его лоб.

– Не могла рисковать, ведь я не знала, что произошло, а может... может, это как-то связано...

– С кем, Ви?

– Не знаю, просто подумала, что оставаться там опасно. Кто привез тебя? Почему этот человек пожелал остаться неизвестным? Чего он испугался? Ведь, если бы не он, ты истек бы кровью. Он заслуживает благодарности. Луис, тебя несколько раз ударили ножом! Ты был в коме!

Ее била мелкая дрожь, она внимательно вглядывалась в его осунувшееся лицо.

– Что же все-таки случилось?

– Пожалуйста, глоток воды, – прошептал он.

Она поднесла к губам трубочку, и Луис тут же с наслаждением втянул живительную влагу.

– Я помню, как умирал от жажды, – прошептал он. Глаза слипались, но он отчаянно боролся с наваливающейся сонливостью. – Помню...

– Кто это сделал, – выдохнула она в самое ухо, и он увидел, как блеснули в немой ярости любимые глаза. Ее близость волновала не меньше, чем прежде. Сердце гулко застучало, в такт ее сердцу.

– Не знаю, – твердо ответил Луис, стараясь выдержать взгляд. – Я не знаю этих типов. Похоже на жалких грабителей в подворотне.

– Жалкие грабители не застали бы тебя врасплох!

– Ты обо мне слишком высокого мнения.

– Я просто тебя знаю.

– Поверь, – одними губами выдохнул он, мечтая, чтобы она склонилась еще немного ниже, тогда бы он смог прикоснуться к ней, поцеловать.

– Внезапность во многом предрешает итог сражения – слова великого Александра.

Она отстранилась, и он недовольно вздохнул – тут же тысячи острых жал вонзились в грудь и спину. Луис стиснул зубы, стараясь ничем не показать взорвавшейся внутри него боли.

– Алесандро... – задумчиво протянула девушка, с тревогой всматриваясь в его лицо.

– Нет... – прохрипел Луис, стиснув зубы. – Нет... не Алесандро, Александр...

Сон пришел внезапно, словно кто-то всадил ударную дозу транквилизатора, хотя, наверное, Вайлет растворила в воде какое-то лекарство, потому что боль внезапно отпустила, расслабляя мышцы.

– Тот, кто привез тебя в госпиталь – спас твою жизнь, Луис. Потому что еще немного и все было бы кончено, – услышал он отдаленный голос девушки, а может, это был и не ее голос, а подсознание, констатирующее неопровержимый факт. Еще немного, и он не поспел бы за фигурой на узком каменном лабиринте, и исчез бы среди бесконечных петляющих путей. Исчез, как исчезает легкий дымок над рекой в раннее утро, оставляя взамен лишь блестящие крупницы росы, которая тоже вскоре испарится под лучами теплого, показавшегося из-за туч всего лишь на короткий миг, солнца...

Проходили дни. Луис поправлялся, силы возвращались. Опираясь на руку Вайлет, он каждый день прохаживался вдоль берега, смеясь над недовольным карканьем неугомонных соседей и их преследованием до самого дома, хотя и там какой-нибудь особенно наглый ворон норовил влететь внутрь, поглядывая на оставленные Вайлет на туалетном столике нехитрые украшения.

Ковыляя, под пристальным вниманием девушки, по песчаной дорожке вдоль океана, с каждым разом все дальше, он прокручивал сцену возле супермаркета снова и снова, не замечая хмурых взглядов, бросаемых им в сторону города. Вайлет молчала, наблюдая за его действиями, убеждаясь во мнении – то были не простые грабители и Луис не желает рассказывать правду, лишь потому, что не хочет пугать ее. Но он ошибается – она больше не боится за свою жизнь. За свою, но не за его.

Сначала мистер Вайнер приезжал каждый день. Выпятив губы, он шамкал, считая пульс, светил фонариком в глаза и долго слушал легкие. Затем по обыкновению качал головой, настаивая на госпитализации, и натываясь на категорический отказ Луиса, неодобрительно косился в сторону Вайлет, бубня, что никогда не встречал таких упрямых пациентов и таких... везучих. Удивляясь, как быстро поправляется парень, он внимательно следил за манипуляциями Вайлет и одобрительно чмокал губами.

– Вам, леди, непременно нужно идти в медицину. У вас природный талант – вы чувствуете пациента...

– Не пациента, – перебивала Вайлет. – Луиса, я чувствую Луиса.

Пока она старательно расчесывала спутанные черные космы паренька, док озадаченно наблюдал за ними, то и дело заглядывая в синюю тетрадку, в которую с педантичностью, свойственную докторам, записывал строгие указания по поводу ухода и лечения. Когда ежедневные визиты стали необязательны он созванивался с ней, с дотошностью выпрашивая, что сегодня ел Луис, был ли кашель и температура.

– Вот видишь, сначала ты спасал меня, теперь пришла моя очередь отблагодарить, – сказала Вайлет, поднеся к его рту ложку с овсяной кашей. Луис скривился, заглядывая в тарелку, и с жалостью посмотрел на нее.

– Я больше не могу это есть, – застонал он. – Что угодно: сырых червей, замороженных улиток или недельной давности пирог, что угодно, но только не это!

– Нет, нет и еще раз нет, – нахмурилась Вайлет, с силой запикивая ложку.

– Я не люблю каши. Я с детства их ненавижу! Господи, помилуй Фея... – воскликнул он, тут же прикусив язык.

Ложка в ее руках дрогнула, лицо побледнело.

– Я просто хотел сказать, что не люблю каши, – добавил Луис шепотом, виновато поглядывая на нее исподлобья. – Прости... – еще тише добавил он, сжав ее дрожащую руку.

Вайлет отложила тарелку и уставилась в окно.

– Ты уверен, что ничего не хочешь рассказать?

– Я... уже сказал все, – заикаясь, проблеял он. – Господи, Ви, не говори таким тоном, ты превращаешь меня в амебу.

Она вздохнула и сжала руки в кулаки, пытаясь унять дрожь.

– Когда ты был без сознания, все время звал... ты говорил с Джеком, как будто он был рядом с тобой, ты говорил со своей матерью, Майки, Дэнном. Ты рассказывал, что Дэнни живет на Аляске.

– В... все в... верно.

– Ты помнишь что-нибудь? – Она, наконец, повернулась в его сторону и взяла за руку. Жар маленьких ладошек обжигал. На его глазах заблестели слезы.

– Я помню... помню Джека, он вывел меня из лабиринта, показал дорогу назад.

– Что он сказал? Он ведь сказал, верно?

– Ничего, – соврал он, отворачиваясь, чтобы скрыть, готовые сорваться с глаз, слезы. Вайлет терпеливо ждала, когда он сможет справиться с эмоциями. Луис хотел рассказать о том, что говорил Джек, о том, что он всегда будет помнить голубую лагуну и оленей, пришедших на водопой. Он хотел передать слова, в которых друг просит, чтобы она отпустила его, продолжала жить. Хотел, но не мог.

Вайлет поняла все без слов. Вскрикнув, она прижалась к нему, сотрясаясь в рыданиях. Он осторожно гладил ее по голове, не желая больше скрывать и своих слез. Боль объединила, сделала их одним целым, сделала намного сильнее.

– Мы справимся, вместе справимся, – шептал он, целуя шелковые волосы. – Мы сможем. Мы выкрутимся.

– Я не допущу, чтобы они забрали и тебя тоже, – всхлипывала Вайлет. – Не допущу, чтобы такое повторилось вновь. Ты не должен, не должен страдать из-за меня. Не должен!

– Еще как должен, – шептал он. – Я люблю тебя, слышишь, люблю и мне совершенно наплевать, что будет со мной. Мне наплевать на весь чертов мир, пусть он летит хоть в тартарары. Мне наплевать на орден, но я не позволю причинить тебе боль. Им придется сильно постараться, чтобы остановить меня. И даже если у них это получится, я приду с того света, чтобы наказать виновных, слышишь, потому что... никого и никогда я не любил так, как тебя.

– Это неправильно, неправильно!

– Нет, все верно, – горячо шептал он с самым ухом. – Все верно, так и должно быть!

15

Компьютер пискнул. На середине экрана всплыл конверт. Простой белый конверт, без логотипа и данных – это могло прийти только от одного человека.

– Маркус, – прошептала Вайлет, и тут же покосилась в проем двери, в которую несколько минут назад вышел Луис.

Она осторожно прошла к двери, выглянула наружу. Коридор был пуст, но снизу доносились ворчание.

– Черт возьми, это уже переходит все границы. Опять стащили часы! Ну, допекёте меня, видит Бог! Перестреляю все ваше семейство, и рука не дрогнет.

Через некоторое время хлопнула дверь. Припадая на ногу, Луис протопал по усыпанной сухими листьями дорожке в сторону моря, как всегда, не накинув теплой байки. Кожа тут же покрылась мурашками: легкая футболка с короткими рукавами не могла уберечь от холода поздней осени, ледяной ветер пронизывал насквозь. Вайлет распахнула окно: не хватало ему еще простуды, для общего счастья!

– Луис! – Но он не расслышал, свернув к «Спящей черепахе».

Она решительно направилась за ним, но возле компьютера остановилась и задумчиво глянула на белый конверт. Опустилась в кресло, ввела пароль и щелкнула мышкой.

«Четверг, в пять».

«Маркус! Значит, он расшифровал документ»!

Она не отрывала взгляда от монитора, и только когда письмо вспыхнуло, разлетевшись на крошечные горящие капли, поднялась. Взяла из кладовки куртку и направилась за Луисом.

После того, как Луис пришел в себя, она была твердо убеждена, что больше не допустит повторения трагедии, что должна отпустить его. Наговорить, обмануть, настоять на своем, сделать все возможное, чтобы он отказался от идеи следовать за ней. Отказался от жизни рядом с ней, идя по своему пути, начав новую жизнь.

Она не видела будущего, живя мыслями о наказании виновных, понимая – когда все закончится, ей не выжить. В этой войне победителей не будет. Если удастся встретиться с Алесандро – ей не уйти, даже если и успеет совершить задуманное, для нее все закончится именно там.

Луис должен жить. Он должен рассказать миру, когда придет время, люди должны знать, помнить, должны не допустить повторения истории. Люди должны повернуться к свету и изменить мир вокруг себя.

Несмотря на ярое отрицание Луиса, она сразу поняла, кто напал на него и чего они хотели. Если она останется одна, орден надеется сломить ее решимость идти до конца, утопить в страхе и отчаянье. Надеться, что она склонит голову, опустит руки, забудет... Джека. Еще одно заблуждение хранителей – этого не случится, даже если весь мир против.

До четверга еще три дня и за это время нужно придумать, как убедить Луиса оставить ее. Это будет непросто. Но до тех пор, пока он рядом, руки связаны, а страх за него тянет назад, не позволяя сделать первый шаг к противостоянию с незримым орденом. Только теперь она

осознала, что все это время мучительно ищет выход, предлог, чтобы заставить Луиса уехать, но подсознательно боится, что в одно прекрасное утро не услышит привычную возню на кухне, его хриплое подвывание песни Джареда Лето, звон посуды и аромат капучино, расплывающийся по дому.

...А еще пронзительные глаза и сильные руки, нежный баритон голоса, неуклюжую походку и улыбку, от которой становится тепло и спокойно.

«Больше никто не пострадает из-за меня. Ты не имеешь право мучить Луиса, не имеешь право рисковать его жизнью. Ты поедешь на встречу с Маркусом одна. Ты заставишь его уехать, пусть он возненавидит тебя, но будет в безопасности, будет далеко».

На второй день, после прихода Луиса в себя, в бухту наведалься полицейский – Таун. На этот раз он был один, без напарника: ворчливого, грубоватого пожилого копа. И что-то изменилось в его облике. Беззаботность, веселость исчезли. Взгляд затравлено скользил по предметам, а руки нервно теребили кожаные перчатки.

Таун вежливо поздоровался, спросил разрешения зайти и задать несколько вопросов. Он сказал, что несколько часов пробовал до них дозвониться, но телефон все время занят. Вайлет недоуменно подняла трубку, услышала мерные гудки и заметила, что возможно с телефоном в управлении что-то не так. Сэр может убедиться, если хочет. На что Таун отреагировал совсем уж непонятно – отрицательно затряс головой, говоря, что верит, не сводя с телефона испуганного взгляда, чем привел в еще большее изумление.

– Я хотел бы поговорить с Луисом, – сказал он, побледнев. – Несколько дней назад на него совершенно нападение, и я хотел бы задать несколько вопросов.

Вайлет молчала, посматривая на сжимающие перчатки подрагивающие руки. Луис еще слишком слаб и любое волнение ему противопоказано. Он наконец-то посмотрел на нее, когда так и не дождался ответа. Вайлет вздрогнула, увидев в глазах признаки слепого ужаса и растерянности, прочитав немой вопрос:

«Такого не бывает»!

– Заявление поступило от доктора Вайнера? – Спросила она.

– Верно. Мы обязаны рассматривать подобные случаи.

– Мы не будем делать никаких заявлений, это вы понимаете?

– Честно говоря, нет. Парня чуть не убили. Ему крупно повезло, что кто-то проезжал мимо и, перевязав раны, срочно доставил в больницу, иначе он умер бы от потери крови еще до приезда в госпиталь.

– Кто это был? Ведь должны же были хоть что-нибудь заметить: хотя бы цвет машины.

– К сожалению, нет, мисс. Но преступники должны быть наказаны, и вы обязаны нам помочь.

– Наказаны, – задумчиво протянула девушка. – Любое злодеяние должны быть наказуемы, верно, сэр?

Ее тон очень не понравился Тауну. Кожа хрустнула, когда он с силой сжал перчатку.

– Почему с вами нет напарника?

– Сердечный приступ, – прошептал он, заворожено смотря прямо на нее. Зеленое море заставляло забыть для чего он здесь. Барти потряс головой и раздражено бросил перчатки рядом на кресло.

– Вы позволите поговорить с Луисом?

– Конечно, сэр, ответьте, пожалуйста, на один вопрос.

– Да... – с опаской протянул он.

– Убийца Пэнни так и не пойман?

– Уверяю, мы делаем все возможное. Следствие еще продолжается.

Она задумчиво покачала головой.

– Мисс, вы ничего необычного не замечали в последнее время?

– А что вы подразумеваете под этим понятием?

Коп крикнул и снова схватил лежащие рядом перчатки.

– Думаю, вы понимаете, о чем я.

– Мы живем здесь одни, сэр. В последнее время у нас были другие заботы.

Она поднялась.

– Вы можете поговорить не больше десяти минут. Я очень вас прошу не волновать Луиса.

Когда они вошли в комнату, Барти поразился мрачной решимости в облике лежащего на широкой кровати паренька. Несмотря на серьезные ранения, как уверял док, он выглядел куда лучше, чем представлял себе Таун. Он заметил, как мгновенно потеплел взгляд, стоило пареньку посмотреть на вошедшую вслед за ним девушку.

– Луис это детектив Таун, он уже приезжал сюда. Помнишь, я рассказывала тебе?

– Конечно, – улыбнулся он.

– Ты сможешь ответить на несколько вопросов?

– Конечно.

– Хорошо, вы поговорите, а я приготовлю кофе.

– Нет, – заволновался парень. – Остайся, прошу.

– Луис, я не стану тебя пытаться, – попробовал шутить Барти и тут же прикусил язык, бросив взгляд на девушку.

– Я буду рядом, – сказала она, заботливо поправляя его подушки. Поправила челку на его голове, погладила руку.

Этот жест был таким интимным, что Барти сконфуженно опустил глаза, решившись глянуть на Луиса только тогда, когда за ней закрылась дверь.

– Я никого не видел, – нахмурился парень.

– Конечно, я сразу это понял, – съязвил Барти. – Надо же, это даже интересно. Вы можете рассказать, что произошло?

– На меня напали, когда я направлялся к машине. Ударили сзади по голове чем-то тяжелым, поэтому я тут же вырубился и очнулся уже в больнице. Кто это был, понятия не имею, наверное, грабители.

– Наверное. Только вопрос: почему они не обчистили тебя, когда ты потерял сознание. В госпитале у тебя во внутреннем кармане куртки обнаружили довольно приличную сумму денег, плюс кредитки.

– Может, их спугнули.

– Может, – вздохнул коп, уныло обводя уютную комнатку взглядом. На прикроватной тумбочке огромный букет белых цветов – лилии, рядом с недорогим ноутбуком лекарства, книги. Светлое окно слегка приоткрыто, голубые жалюзи задернуты. На козырьке по ту сторону стекла сидит птица, с любопытством заглядывая внутрь.

Он вздрогнул, словно от удара. Страх зашевелился, заворчал, снова поднял голову. Луис проследил за его взглядом и нахмурился.

– Покоя от них нет, – протянул он. – Оккупировали всю бухту. Давно бы вызвал службу контроля, но Вайлет категорически против.

– Почему? – Рассеяно протянул полицейский, продолжая разглядывать птицу.

– Потому что говорит, будто мы не имеем права решать, где им жить. Люди и так слишком много на себя берут.

Барти внимательно посмотрел на парня и ясно увидел в его глазах тот же страх, который был написан и на лице Дрю там, рядом с переходом с мигающим светофором и морем черных тел.

– Слушай, парень, – прошептал он, покосившись на дверь. – Я не хочу причинить вам вред, а только помочь. Я знаю, что случилось в вашем городе. Знаю, про птиц и ту хрень, что начала происходить рядом с вами. Знаю, что вам нет резона доверять незнакомым людям, но,

поверь, не меньше тебя хочу докопаться до истины. И, правда, желаю помочь. Убежден, ты видел нападавших и знаешь их, но по каким-то причинам не хочешь рассказывать об этом.

– Не понимаю, к чему вы клоните.

– Позвони, если передумаешь. В одиночестве ты не справишься.

– А кто говорит, что я в одиночестве, – буркнул Луис.

Таун, покачал головой и поднялся.

– Если, вдруг, передумаешь, сможешь найти меня по этому телефону, – он положил рядом визитку. – Не нужно не доверять всем, парень. Второй раз тебя могут и не успеть спасти.

– Лучше почините камеру на углу супермаркета, тогда никого и допрашивать было бы не нужно. – Коп остановился на полпути к двери.

– Камера в полном порядке, парень, и мы просмотрели запись от начала и до конца в то время, когда, якобы, на тебя там напали.

– Что это значит: якобы?

– Потому что на ней ничего не записано.

– Естественно, ведь она не работала. Уж поверьте, я в состоянии отличить работающую камеру от мертвой.

– Хорошо сказано, только смею утверждать – она работала и не прекращала съемку ни на минуту. Специалисты проверили на эффект монтажа или подмены – пленка настоящая.

– Постойте, вы хотите сказать, что на ней ничего не записано, – заволновался парень.

– Записано – пустая стоянка, пьяница, проходящий примерно за полчаса до нападения и все, – коп потер виски. – Тебе стоит хорошенько подумать Луис, ты ведь не один.

Вайлет отчетливо слышала весь разговор, и не потому, что прислушивалась. Каждое, сказанное ими слово, раздавалось прямо в голове, будто она стояла рядом, а не находилась на первом этаже огромного особняка.

– Птицы... – что-то прошло мимо. Фантомная нить выскользнула из рук. – Птицы, – прошептала она, остановив взгляд на старой открытке на подлокотнике кресла с изображением фрески Караваджо, где позади грозного ангела подобно крыльям парят тысячи ворон.

– Птицы...

Она все время ждала, когда Луис расскажет о содержании разговора с полицейским. Но он делал вид, что вовсе не придает этому значение. Визитка перекевалась в глубокий карман его куртки. Неся ее в руках, она нащупала квадратный кусок картона даже через плотную ткань, убеждаясь, что он так и не выбросил визитку, и продолжает всюду таскать с собой.

Осталось три дня на то, чтобы убедить его уехать. После встречи с Маркусом многое станет понятно и возможно больше не будет возможности для этого разговора. Возможно, ей не хватит смелости. Возможно, правда окажется настолько ужасной, что она струсит, испугается остаться один на один с теми, кого так ненавидит.

Вайлет слышала чертыханья Луиса, пытающегося достать часы из-под камня, его хриплое прерывистое дыхание, и сердце сжалось от боли и страха потерять его.

«Ты должна идти одна, ты не должна больше тянуть его за собой. Ведь если бы тогда Джек не вернулся за тобой в подземный лабиринт, то сейчас был бы жив. Это ты, ты виновата!»!

Руки сами собой сжались в кулаки. Она тоскливо бросила взгляд в сторону маяка, втянула холодный сырой воздух. Большие тяжелые волны разбивались о берег, обдавая мелкими брызгами. Луис склонился над валуном, пытаясь дотянуться до часов. Лицо покраснело, губы превратились в прямую линию. Над ним, с возмущением каркая, кружились несколько птиц.

Она накинула ему на плечи куртку и села рядом на песок, сложив по-турецки ноги.

– Прости... – прохрипел он. – Еще немного. Совсем. – И тут же рассмеялся, когда смог наконец-то дотянуться до часов. – Ну что, видали, чертовы ворюги!

Парень опустил рядом, тяжело дыша и отдуваясь, будто пробежал не одну милю.

– Никогда не думал, что буду чувствовать себя как старая развалина.

– Ты снова не надел куртку.

– Прости. Разозлился не на шутку, – он запустил камнем в одну из птиц, и тут же заскрипел зубами, когда острая боль пронзила грудь.

– Нужно вернуться домой, – взволнованно произнесла Вайлет, от которой не укрылась искажившая лицо гримаса боли.

– Нет, давай побудем здесь.

Они просто сидел, смотря на бушующие волны, слушая шум моря и крики птиц. Луис взял ее за руку, разомкнув сжатый кулачек. На ладонке остались глубокие следы ногтей.

– Мы справимся, ты слышишь, – прошептал он. – Справимся, обещаю.

Вайлет подняла на него глаза. Кожа моментально покрылась мурашками. Страх вернулся. Пустота и обреченность во взгляде пугали больше наставленного прямо на тебя ножа, а еще холодная решимость, прощание...

– Ви, ты же не... – слова застряли в горле. Он с трудом сглотнул появившийся в горле ком и прошептал:

– Спасибо за то, что ты есть. – Она грустно улыбнулась, и появившиеся на щеках ямочки вызвали бурю эмоций.

– Спасибо, что есть ты Луис.

«Мне просто показалось, померещилось» – внушал себе весь обратный путь Луис, подмечая ее бесконечные тоскливые взгляды в сторону маяка. «Это грусть, а еще тоска. Мне показалось».

16

Стрелки медленно ползли по циферблату. Мерное тиканье отзывалось пульсирующей болью в висках, мешая сосредоточиться на главном. Она еще раз проверила дорожную сумку, ничего ли не забыла, положила письмо рядом с микроволновкой и в последний раз окинула комнату взглядом. Слезы душили, и грудь давило от готовых сорваться рыданий. Но теперь не время, уже не время.

Прочитав то, что она написала, Луис возненавидит ее. Это то, чего она отчаянно хочет и то, чего боится больше всего. Бесконечные противоречия сводили с ума. Она не понимала: где кончается привязанность, дружба, благодарность и начинается нечто большее. Но ведь ее сердце уже не бьется, душа умерла вместе с Джеком, а боль и тоска давно убили надежду. Она не видит солнца, не чувствует аромата цветов, не различает краски. Она превратилась в робота, в фантома, в оболочку, живущую воспоминаниями, отсчитывающую дни до кровавого финала. Она уже не человек, только тень, мечтающая об избавлении и мести.

Вайлет прислушалась к тихому храпу, доносящемуся из спальни Луиса. Последний разговор так и не состоялся. Она не смогла заставить себя объявить о своем решении. Когда он прочтет письмо, она будет уже далеко, и чтобы он ни делал, как бы не старался – никогда не найдет ее.

– Это неправильно. Зачем я позволила зайти этому так далеко?

Она приоткрыла дверь и вышла из дома. Небо на горизонте начинало сереть, ветер стих. Стояла удивительная, для этого времени года, тишина. За ночь выпал первый снег, который к обеду, скорее всего, растает. Но сейчас он казался таким чистым, таким невесомым, словно пух, что захотелось погрузить руки в это покрывало, сжать в кулаки, услышать тихий хруст, почувствовать, как сквозь пальцы просачивается вода, и капли, падая на куртку, тут же превращаются в блестящие крошечные бусинки, похожие на слезинки снежной королевы.

Вайлет оглянулась на темные окна спальни, в последний раз окинув спящий дом.

– Я больше никогда сюда не вернусь, – прошептала она, поворачиваясь к «Спящим черепахам». – Бухта Джека. Самое прекрасное место.

Мотор форда тихо заурчал, когда она повернула ключ зажигания. Машина мягко тронулась вперед, оставляя позади особняк и блестящую, словно поверхность зеркала, водную гладь. У нее есть несколько часов до встречи с Маркусом, нужно успокоиться и привести мысли в порядок. Слез не было, только боль.

– Прости Луис! Прости, что бросаю тебя!

В последние дни он, будто что-то предчувствовал. Не оставлял ее одну на долгое время, а когда она ночью вставала за стаканом воды, то обнаруживала его спящим на диване в гостиной, вскакивающим от малейшего шороха. Он, сконфужено заикаясь, объяснял, пряча за диваном плед, что ему вдруг послышался какой-то шум, он решил побыть здесь немного, и даже не заметил, как задремал.

Как-то он спросил, не хочет ли она рассказать, о чем постоянно думает, поделиться тревогой, которая мучает, но Вайлет не смогла, глядя в честные доверчивые глаза сказать правду о том, что решила бросить его, дабы уберечь такой ценой. Решила, что он должен идти своим путем и не приносить себя в жертву ради нее. Не смогла, наперед зная ответ, разрушающий железной логикой тщательно возведенную цепь ее логических умозаключений. Знала, поэтому и бежала, словно трусиха, словно предательница, оставив в спешке нацарапанную карандашом записку, поэтому и прибегла к такому гнусному низкому поступку, подсыпав вечером снотворное в его кофе.

Через несколько часов без происшествий она добралась в Дармон, остановившись в небольшом придорожном отеле в южной части городка. До встречи оставалось еще два часа. Стоило отдохнуть, набраться сил, но волнение нарастало, и об отдыхе можно было только мечтать. Бросая нетерпеливые взгляды в окно, она продолжала думать о предстоящем разговоре с Маркусом, заставляя себя не вспоминать о Луисе.

В Дармоне снега не было. Весь день шел дождь, и дул пронизывающий ветер. Уныние читалось в каждом проплывающем мимо лице с натянутым на самые глаза капюшоном. Люди прятались под зонтами, кутались в куртки, спешив поскорее оказаться в тепле, перед включенным телевизором. Посмеяться над забавными шутками Опры или посмотреть очередной матч по бейсболу, надеясь, что янки обязательно проиграют в этом сезоне. Слопать фунт соленых крекеров, запивая не одной пинтой пива, мысленно послать босса куда подальше и понежиться возле камина.

Не в силах больше находиться в четырех стенах, Вайлет, захватив зонт, спустилась вниз. Дыхание перехватило, когда потоки холодного ветра ударили в лицо. Застегнув куртку на все пуговицы, она медленно побрела по тротуару. Перед глазами лишь край серой асфальтированной дорожки и косые полосы дождя.

Маркус поможет, даст нить, которая, несомненно, приведет к загадочному Алесандро, но мучил еще один вопрос: старый профессор Макдилан и его племянник – Эрни-Том. Человек, живший под обликом несчастного слабоумного, постепенно втираясь в доверие к жителям Файерлейка, преследовал лишь одну цель – Иеинак.

Почему он так ненавидел Джека? Почему желал смерти? Почему пытался убить? Дело не только в медальоне, здесь было что-то еще. Вайлет чувствовала это «что-то». Странные слова Эрни, произнесенные в каменном лабиринте, не давали покоя. И было еще одно обстоятельство, но даже себе она не могла признаться в нем, потому что... этого не могло быть. Подтверждение теории Луиса – ты видишь то, что хочет твой мозг, но это не означает истину. Может, действительно, дело в выбросе адреналина, игре света в каменном лабиринте и парализующем страхе?

Именно так он объяснил появление в ее жизни несчастного рыбака Хеслера, тени, окружающие ее по возвращению в бухту, шелест крыльев в голове и... запах – запах Джека по утрам в комнате. Чтобы отгородиться от страданий сознание выстраивает свое видение, создает свой

мир, возрождая несбыточные мечты. Чтобы облегчить боль мозг рисует иллюзию, в которой ты растворишься, если вовремя не осознаешь, не примешь правду.

Нужна ли тебе такая правда – другой вопрос, но жить выдуманной жизнью не выход. Это говорит Луис, но это не означает, что так думает и она. Вайлет с силой прикусила губу. Мысли снова привели к брошенному ей несколько часов назад другу.

Кровавая рана в груди снова зияла. Боль и тоска по Джеку сделала жизнь невыносимой. Когда рядом был Луис, становилось немного легче, но теперь... все вернулось. Ее добрый хранитель был далеко, за сотни миль, и теперь он в безопасности. Сотовый и компьютер остались в бухте, в кармане – новый айфон, который она приобрела в первом же магазине Дармона, и новый номер, на который Луис уже никогда не позвонит.

В животе громко заурчало, и только теперь она вспомнила, что дневной рацион составила всего одна чашка крепкого кофе, но даже сама мысль о еде вызывала отвращение.

Вайлет, с гулко бьющимся сердцем, остановилась возле дома сто четыре, глянула на окна третьего этажа в северном крыле, плотно закрытые жалюзи, как и в прошлый раз, протянула руку к блестящей ручке двери.

В светлом холле никого не оказалось, за пластиковой перегородкой тоже. Монитор компьютера отбрасывал тусклый свет на противоположную стену с полкой для ключей и писем. Вайлет обернулась на незапертую парадную дверь и решительно направилась к лестнице. Гулкий звук шагов был единственным звуком, нарушающим тишину пустынного холла.

Не встретив никого на пути, она поднялась по лестнице на третий этаж. Отчего-то шахта лифта вызвала непонятые пугающие ассоциации, словно она стоит перед распахнутой зубастой пастью, с нетерпением ожидающей, когда она решится войти внутрь. Прохладный холодок прошелся по спине, словно от ледяного дыхания великана-снеговика. Мурашки поползли по рукам. Если бы она не стиснула зубы, то непременно услышала бы, как они отбивают чететку. Невидимая рука сжала горло, перехватило дыхание.

Нервы. Луис прав, помощь психолога тебе просто необходима, иначе совсем съедешь с катушек и свершить задуманное. Господи, Луис! Вайлет зажмурилась, приказывая себе в сотый, а может быть в тысячный раз не думать о нем. Ты теперь одна! Одна! И должна полагаться только на себя и свою интуицию.

Перед мысленным взором предстала смятая головка лилии, обнаруженная под диваном в бухте – безжизненная и поникшая. «Это все, что осталось от моей жизни, – подумала она. – Вместо прекрасного букета – смятый лепесток. Вместо любви – мучительная боль.

– Джек, лучше бы ты оставил меня там, – прошептала она, откидывая дрожащей рукой непослушный каштановый локон. – Это ты должен жить – не я. Это ты должен дарить свет, я же больше не вижу его, я заблудилась в темноте. Я не знаю, как долго блуждаю в нем. Никто и никогда не заменит мне тебя. Никогда.

Яркий свет, отбрасываемый тремя лампами дневного освещения, стал совсем тусклым. Она растеряно оглянулась назад и вздрогнула, когда он неожиданно замигал. Третий этаж тоже оказался пустынным и молчаливым, словно во всем здании вообще никого не было. В прошлый раз вот из этого номер раздавалась музыка, а здесь семейная пара выясняла отношения. Здесь смеялся ребенок, а здесь работало радио.

Что-то не так. Слишком тихо, слишком пустынно. Сердце, казалось, выскочит из груди, когда она толкнула дверь с номером пять-пять-три, которая плавно распахнулась, обнажив блеклую световую дорожку, протянувшуюся от коридора. Сама комната, оказалась погружена в крошечную темноту. Она сделала шаг вперед. Рука автоматически протянулась к выключателю, который был рядом на стене, пальцы нащупали кнопку.

Щелк. Но вопреки ожиданию, свет не загорелся. Что ж – это тоже в духе Маркуса, сейчас она пройдет в другую комнату и только потом включится напольный светильник, отбрасывая по полу продолговатые тени.

– Маркус, – прошептала девушка, продолжая нерешительно топтаться на месте. – Это Вайлет, и я одна. – Она некоторое время прислушивалась, вздохнула и решительно захлопнула дверь, отрезая себя от света.

Похоже, отопление в номере не работало. Она почувствовала холод, а еще запах: чужой, липкий, тяжелый, словно вернулась в кошмар, оказавшись в каменном лабиринте, скрывающем внутри себя что-то жуткое, источающее ненависть и неутолимый голод.

– Пожалуйста, помоги... – раздался шепот ребенка прямо у нее голове.

Маркуса здесь не было. Она вошла в распахнутую для нее ловушку. Руки судорожно нащупывали дверную ручку. Вайлет дергала дверь на себя, но та не подавалась.

Ну, уж нет! Мгновение ярость ослепила, оттесняя страх. Оставив дверь в покое, она вгляделась в глубину комнаты. Глаза начали привыкать к темноте, и теперь она четко увидела светлое пятно прямо впереди – окно. Она пошла к нему, беспрепятственно преодолев гостиную. Не дойдя всего несколько футов, обо что-то споткнулась и чуть не упала. Где-то здесь, совсем рядом, должен находиться светильник.

И действительно, протянув руку в сторону западной стены, тут же нащупала шнурок. Вспыхнувший свет на мгновение ослепил. Она была уверена, что светильник не зажжется, и растерялась, рассматривая выкрашенные в голубой цвет, стены. Взгляд скользил по креслу, в котором прошлый раз сидел Мэт, столику, заваленному журналами, паркету, забрызганному бурными пятнами, пока не наткнулся на сгорбленную фигуру, свернувшуюся в комочек человека.

Одна нога прижата к голове, другая вытянута вперед, об которую она и споткнулась. Лежащий в позе эмбриона человек был невысокого роста. Пухлая ладошка безжизненно лежала в засыхающей луже крови. Лица не было видно, оно превратилось в одно сплошное месиво, но редкие светлые пряди и знакомую проплешину не узнать было невозможно.

Вся западная стена забрызгана каплями крови, несколько красных нитей тянутся от тела к середине комнаты, образуя тошнотворное озеро. Ноутбук раздавлен, будто попал под пресс. Обугленный корпус расплавился и почернел. По комнате разбросаны книги, диванные подушки, куски разбитого вдребезги зеркала и...

Она протянула дрожащую руку и подняла одно из черных, отливающих синевой, лежащих вокруг перьев. Над мертвым телом, прямо на белом потолке чернело огромное пятно со светлой кляксой в центре, словно какой-то шутник постарался изобразить бешено вращающееся колесо или... воронку, уходящую вверх, прямо сквозь слои бетона и железа, далеко в небо.

Она уже видела однажды такое: в перевернутом вверх дном кабинете Женевьевы Лиин. Она наблюдала это, когда со всей силы удерживала Джека над пропастью кратера, на дне которого вращалась гигантская горящая воронка, с каждым мгновением все быстрее и быстрее, засасывая в себя. Воронка, из глубины которой выстреливали вверх руки-нити...

«Орден... они нашли ее»!

Словно прочтя ее мысли, что-то зашевелилось в глубине ванной, дверь в которую оказалась распахнутой настежь. Что-то поджидало там, скрываясь в темноте, что-то ждало момента, когда страх парализует разум, и она уже не захочет сопротивляться.

– Пожалуйста, – прошептал ребенок. – Я хочу поиграть.

Глаза не могли оторваться от живой, пульсирующей темноты, словно желе, вытекающее из приоткрытой двери. Рука с силой сжала перо, которое с легким хрустом переломилось надвое. В глубине ванной замерла высокая фигура, одетая в длинный дорожный плащ.

Вайлет попятилась, когда извивающиеся щупальца протянулись в ее сторону. Громкий шум, раздался из гостиной. Дверь сотрясалась под ударами, и всего лишь вопрос времени, сколько она сможет выстоять. Но когда члены ордена ворвутся внутрь, ее уже ничего не спасет.

– Просто так вы меня не получите, – прошептала она стоящей неподвижно фигуре.

Было непонятно, чего ждет человек. Почему не кинется на беззащитную девушку, сжимающую в руке перо ворона? Щупальца приближались. Свет отражался от пульсирующей массы, не проникая внутрь, создавая вокруг сферическое металлическое сияние. Вайлет почувствовала смертельный холод, исходящий от них.

– Нет, ничего такого не существует. Это только в моей голове. Как и на маяке – иллюзия.

Раздался треск, дверь начала поддаваться. Вайлет, наконец, смогла оторвать взгляд от человека и оглядела комнату в поисках выхода. Проход в гостиную преграждал черный живой дым и даже если она приложит все силы, неизвестно, что случится, стоит только прикоснуться к нему. Остается единственное – окно. Лучше разбиться, чем быть заживо погребенной под жуткой массой, которую даже свет не рассеивает, но есть шанс, что она сможет выжить при падении.

Из гостиной раздался громкий грохот, когда дверь поддалась натиску. Они уже в гостиной, значит времени на раздумье нет. В лицо ударил столб яркого света, но разбираться, откуда он исходил, значит потерять драгоценные минуты.

Ребенок закричал от ярости, словно у него отобрали любимую игрушку.

«Так не честно. Я хочу играть»!

Вайлет бросилась к окну, срывая жалюзи, дергая непослушную раму на себя. Но кто-то с силой схватил сзади, отгаскивая назад. Она билась, изворачивалась, брыкалась, но железная хватка не ослабевала. Горячее дыхание обдавало висок, а руки сжимали так, что она начала задыхаться.

Теперь яркий свет освещал всю комнату целиком, и когда ее волокли к двери, хорошо разглядела все, что осталось от прежней гостиной. Такое сотворить мог только сумасшедший. Мертвое тело, лежащее поперек комнаты, было исковеркано, изломано и брошено, словно надоевшая кукла.

Она продолжала разглядывать фигуру в плаще, неожиданно отступившую вглубь ванной комнаты, растворяясь в царившей в ней темноте. Издалека раздался звук сирен полицейских машин, топот, громкие крики.

– Быстрее, – выдохнули в самое ухо. Шепот был знакомым, родным, но она отчаянно не хотела верить, ведь он не мог оказаться здесь. Никак не мог.

– Нам направо, здесь запасная лестница.

Вайлет перестала брыкаться и хватка тут же ослабла.

– Прости, Ви, я не хотел.

– Ты должен уйти, уходи, – прошептала девушка. Две слезинки скатились по бледным щекам. – Луис, ты должен уйти.

Но он не слушал, увлекая за собой. Они бежали вниз по ступеням, а по коридору уже мчались полицейские. Дверь внизу выходила в сад. Дом брали в оцепление и если бы они замешкались хоть на минуту, то никогда бы не выбрались наружу. Петля между деревьями, Луис с Вайлет уходили все дальше, и только когда опасность быть пойманными на месте преступления миновала – остановились, переводя дыхание.

Он отпустил руку, но увидев, как на нежной коже проступают следы его пальцев, чертыхнулся и стал растирать ее ладонь. Вайлет молчала, потрясенная и потерянная. Колотило, будто в лихорадке, и никак не получалось унять дрожь, взять себя в руки и заставить его уйти, немедленно, сейчас – пока еще не поздно.

– Луис, ты должен уйти! Должен оставить меня в покое, – выдохнула она. – Зачем ты пришел? Ну скажи, зачем ты это делаешь?

– Ты знаешь, зачем, – буркнул он, отпуская ее руку. – Ты знаешь, и совсем необязательно спрашивать об этом. Чтобы ты ни делала, как бы ни поступила, знай – я никогда не оставлю тебя. Ты не сможешь заставить меня так поступить. Никто не сможет, никогда.

Она хотела что-то сказать, но не могла. Слезы и запоздалый страх мешали говорить, мешали сосредоточиться, проявить твердость. Она думала: все кончено, думала, что орден сейчас расправится с ней, думала – больше никогда не увидит Луиса.

– Как... как ты, – она начала задыхаться. Перед глазами мелькали тысячи мушек, сливаясь в сплошную пелену. – Как ты узнал, где я?

Вайлет почувствовала, как он крепко прижимает ее к себе, что-то шепчет, успокаивает.

– Просто обещай, умоляю, просто обещай, что больше никогда так не поступишь.

– Луис, ты не должен рисковать, – она облизала пересохшие губы. – Я не вынесу, если и ты пострадаешь из-за меня.

– Глупышка, – раздался хриплый смешок. – Какая же ты глупышка. Без тебя я бы давно пропал, ведь ты мой волшебный талисман. Разве не помнишь: стоило оставить тебя, как я тут же вляпался в драку.

– Луис, не шути.

– Это правда. Если ты захочешь, чтобы я ушел, тогда... – он замолчал, еще крепче прижав к себе, уткнувшись в шелковые волосы, с шумом втянув их аромат.

– Что тогда?

– Нам нужно уходить. Сейчас копы начнут прочесывать территорию. Не хочу, чтобы они нас нашли. Не хочу доставить радость тем, кто решил нас подставить.

– Что тогда? – Упрямо прошептала девушка.

– Тогда лучше убей меня, – выдохнул он.

Она попыталась вырваться, но он только крепче прижал к себе. Его глаза оказались в дюйме от ее глаз.

– Умоляю, больше не поступай так со мной. Не оставляй. Ты все, что у меня есть. Ты все, что мне нужно, и когда мы закончим с этим чертовым орденом – ты поймешь... ты сможешь...

Со стороны дома сто четыре прогремел мощный взрыв. Клубы огня и едкого дыма взмыли вверх. Вой сирен и крики людей сплелись в единую какофонию ужаса и боли. Луис бросился вперед, намереваясь прийти на помощь, оставшимся в доме людям. Но Вайлет решительно преградила дорогу.

– Тем, кому ты хочешь помочь уже не сможешь, Луис. А *они* нас ждут.

Она подняла кулачек к самому его лицу и разжала. Воронье перо глубоко впилося в плоть, кровь окрасило его, придав темно багровый оттенок.

– Откуда ты можешь знать? – Нахмурился он.

– Поверь – знаю. Но ты ведь не это хотел спросить.

Он задумчиво разглядывал яркий румянец, вспыхнувший на ее лице, на блеск зеленых глаз, на внутреннюю силу, преобразившую весь облик. Перед ним стояла не жертва, не испуганная потерянная девушка. Решительность, написанная в глубине зеленого моря, казалась маниакальной, а уверенность в свои силы – неоспоримой.

– Они хотели нас убить. Они хотели убить тебя, Луис, – прошептала она. – Они жестоко ошиблись, я больше не позволю, не позволю причинить тебе боль.

Цвет любимых глаз на миг потемнел. Вайлет усмехнулась, глядя на зловещий пожар.

– Что произошло? – Первым прервал молчание Луис, не на шутку встревоженный ее молниеносному превращению.

– Зов крови. Пришло время принять предначертанное. Пришло время остановиться, и не бежать от судьбы.

Луис ничего не понял из сказанного, но предпочел разумно промолчать.

– Нам пора, – жестко сказала она. – Где ты оставил машину?

– В двух кварталах отсюда. Что будем делать?

– Отправимся в Неваду, как и планировали, – она грациозным движением откинула с глаз прядь волос и задумчиво посмотрела на перо ворона. Ее губы дрожали. – Луис, они убили Мэта. Они мучили его... они...

– Шшш... – прошептал он, не в состоянии оторвать взгляд от горящих яростью глаз напротив. – Тот, кто это сделал – ответит, будь уверена, ответит за все.

– Я знаю. Идем.

– Откуда это у тебя, – кивнул он на ее кулачек, доставая носовой платочек, намереваясь перевязать, продолжавшую кровоточить, рану.

Вайлет глянула на столб огня, пожирившего дом сто четыре, и пожала плечами.

– Это всего лишь иллюзия. Как и холод, источаемый Красным Озером. Как и птицы, кружащие над твоей головой. Как и тень, выступающая из темноты.

17

Широкая лента шоссе терялась за горизонтом. Они мчались навстречу кровавому рассвету, прямо на горящий горб солнца. Теперь путь лежал на юг, в штат Невада. Недалеко от городка Хоторн, совсем рядом с озером Уолнер пролегают земли Макдиланов, где и находится фамильный особняк «Пять озер», в котором жил старый профессор. Трагедия Файерлейка подкосила его и без того слабое здоровье, и теперь он предпочитал коротать дни в огромной библиотеке в окружении верной экономки и неизменной сиделки тетушки Бигги.

Вайлет проснулась и из-под полуприкрытых век украдкой бросала взгляды на суровый профиль Луиса, который категорически отказался от ее помощи и уже вторые сутки вел машину. Темные тени пролегли под глазами, под скулами ходили желваки, руки с силой сжимали руль. Он старался подавить зевок, но у него не вышло.

Решив больше не испытывать судьбу, они не останавливались в отелях, а отдыхали поочередно прямо в форде. Вернее она отдыхала, а Луис, упрямо закусив губу, твердил, что вовсе не устал и совсем не хочет спать.

– Прости меня, – сказала она, коснувшись его плеча. – Мне так стыдно за тот поступок. Ты не заслуживаешь такого отношения, но в тот момент я думала, что поступаю абсолютно верно. Я надеялась, ты смиришься.

– Просто поверь в меня, – прохрипел он, на миг оторвав взгляд от гладкой, как зеркало, дороги. – Просто поверь. Это все, чего прошу.

– Я ни минуты в тебе не сомневалась. Не хочу, чтобы ты пострадал. Хочу, чтобы ты жил обычной жизнью: учился, встречался с девушками, ходил в бары, влюблялся.

Он засопел, втопив педаль газа.

– Это все неправильно.

– Ничего уже не изменится, Ви, и я никогда не буду как все. Мой отец скрывается в Египте, мои друзья... лучший друг... погиб, а за девушкой, которая дорога мне, охотятся безумные фанатики. Ты должна понять – я не отступлю. Для меня жизнь ничего не значит, если в нет тебя. Я ничего не требую, не тороплю, не прошу, чтобы ты сказала долгожданные слова, потому что знаю... знаю, кем был для тебя Джек, – его зубы скрипнули, когда он с силой сжал челюсть. – Мне тоже его не хватает.

Девушка, уткнулась в каменное плечо, пряча глаза.

– Это так несправедливо. Господи, почему ты допускаешь подобное, – голос дрогнул.

– Мы не можем знать всех путей, – прошептала Ви.

– Верно, не можем. Но мы можем держаться вместе. Тогда будет легче. Тогда мы справимся. А этим чертовым фанатикам ничего не светит. Маркус говорил: существует пять секторов – Файерлейка больше нет, значит остается четыре. Думаю, профессор может пролить свет на таинственный орден Фидейтерров. Вот, смотри, – он извлек из нагрудного кармана сложенный вчетверо листочек и протянул ей.

Она взяла его в руки.

– Ну, что же ты, разверни! Когда я проснулся утром в бухте, вернее днем с жуткой головной болью и ясным ощущением пустоты, обнаружив себя в абсолютном одиночестве, то сначала растерялся. Да. Бросился на маяк, думая, что ты вновь пошла к нему, и когда не нашел тебя, вообразил, что тебя похитили. Прочесал всю территорию, но что-то было не так. Такое странное ощущение, даже не могу описать.

Когда я вернулся в дом и обнаружил твою записку, то просто обезумел. Я метался по дому, второпях бросая в сумку вещи. Звонил на твой телефон и когда он заиграл на подлокотнике дивана в гостиной пришел в ярость. Ты не представляешь, что со мной было. А потом... потом я обратил внимание на монитор ноутбука с сообщением о том, что распечатка файла завершена.

Это было от Маркуса. Думаю, он успел передать сообщение за несколько минут до встречи с этими чертовыми отродьями. Я сразу понял, куда ты отправилась. Необходимо первым делом встретиться с Мэтом: ведь именно его вестей мы так ждали, чтобы понять, как поступать дальше. Исход от встречи с Маркусом предreshал дальнейшее.

Я схватил распечатанный лист, даже не посмотрев на текст, и бросился из дома. Важна была каждая секунда. Но встретившая меня тишина казалась неправдоподобной, пугающей – и я вдруг понял, осознал, что не так. Вороны – их не было. Суетливое непоседливое воровитое семейство улетело. Берег пустынен, и всего несколько перьев осталось как напоминание об этом надоедливом соседстве. «Спящие черепахи» остались одни, как и я.

Я гнал машину на предельной скорости, не соблюдая ограничительный режим, не обращая внимания на вой патруля, преследовавшего меня на всем протяжении пути. Похоже, копы следили за бухтой, но не понимаю, как тебе удалось проехать мимо них незамеченной. Если только кто-то очень сильно хотел, чтобы ты добралась в Дармон вовремя, – впервые за время рассказа он посмотрел на девушку. Суровый взгляд тут же преобразился. Нежность разгладила суровые черты лица. Он склонился к ней, вдохнув запах каштановых волос.

– Не понимаю, Ви. Что происходит? Что за чертовщина? Я словно очутился в фильме Сэма Рейми или рассказе Лавкрафта. Почему везде эти птицы? Там, на шоссе двенадцать, когда мы удирали от грузовика. Ведь если бы не вороны, которые бросались на лобовое стекло и под колеса нагоняющей нас машины, скрывая от водителя обзор, он раздавил бы наш форд или столкнул в кювет. Они... они появились прямо из шоссе. Как будто дорога была живой и пульсировала, пропуская через себя маленьких камикадзе. Я схожу с ума?

– Эй, я тоже это видела, – сказала она, продолжая сжимать в руке листок.

– Знаю, но как это объяснить? Такого не происходит в обычной жизни, или... или мне промыли мозги эти чертовы фанатики, а я об этом даже не догадываюсь. Когда спал или думал, что сплю...

– Луис, никто не промывал тебе мозги.

– Ви, но такого не бывает!

– Откуда ты знаешь?

Он открыл рот, уставившись на нее, нажав на тормоз. Машина мягко съехала на обочину.

– Я ведь тоже видела несчастного рыбака Хеслера и уверена на сто процентов, что это не бред больного мозга, иначе у меня в сумке не лежала бы старая открытка Караваджо. Птицы тоже что-то означают, – она закрыла глаза. – Луис, как же я... – она удивленно посмотрела на него.

– На открытке вороны! Возле Аниила – вороны!

– Ви, совпадения можно найти где угодно, стоит только захотеть.

– Опять упрямое отрицание. Может, хватит отрицать. Может, стоит присмотреться к знакам внимательнее. «Лишь уверовав – увидишь»!

Луис вздохнул, покачал головой.

– Может кто-то хочет, чтобы мы так думали. Существуют множество способов заставить человека поверить. Например: газы, вызывающие галлюцинации. Существуют грибы, вводящие в настоящее наркотическое сновидение, которые невозможно отличить от яви. Знаешь эксперименты по психологии, которые проводили в лагерях нацисты. Они утверждали, что...

– Луис, прекрати! Просто оставь рационализм в покое. Посмотри в другом направлении. Понимаю, что ты хочешь сказать. Никто не кормит нас наркотиками, никто не вводит нас в транс – это явление, которое нельзя ни объяснить, ни потрогать, ни попробовать на вкус. Оно существует и все.

– Они всегда были с Джеком.

– Что?

– Птицы, Ви, они всегда были рядом с ним. Только теперь до меня дошло: где бы мы с ним не оказывались, они присутствовали рядом. Даже ночью. Мы всегда удивлялись: разве они не должны спать в это время? Что это может значить?

– Многое, – неопределенно сказал девушка. На минуту ее взгляд застыл, словно она вернулась в далекое прошлое. – Луис, – выдохнула она. – Хочу, чтобы ты знал: мне искренне стыдно за мой поступок. Я никогда больше так не поступлю. Если хочешь следовать за мной, что ж, пусть так будет. Но, знай, если когда-нибудь решишь остановиться – пойму. Знай, я благодарна за все, что ты делаешь для меня. Без тебя... – она запнулась. – Как хорошо, что ты есть.

– Нет, – прошептал он. – Хорошо, что есть ты.

Вайлет улыбнулась, задумчиво разглядывая его лицо, отчего оно тут же пошло красными пятнами. Потянулась, достав с заднего сиденья миниатюрную сумочку, и долго рылась в ней, что-то выискивая. Луис увидел в ее руках небольшой медальон в форме полузакрытого бутона цветка с полустертой надписью, который она покрутила в руках, а затем решительно одела на шею.

– Что это, – спросил Луис.

– То, отчего я всегда бежала. То, отчего бежал мой отец.

– И что же это.

– Решение.

Развернув листок, она начала читать вслух.

«В тысяча пятьсот шестьдесят седьмом году в поместье Дюпон на северо-востоке Франции в ветхом домишке, на окраине, жила отшельница – Игрида Люванье. Она называла себя знахаркой, разбиралась во множестве трав и лечила от болезней. Существуют свидетельства, описывающие поразительную красоту Игриды. Как следствие: у нее было множество недоброжелателей, завидующих молодости, красоте и природной грации. Старые девы ворчливо шептали ей в спину, распространяя слухи о том, что она якобы продала душу дьяволу взамен на красоту, молодость и знания, с помощью которых теперь заманивала глупцов, опустошая их кошельки и туманя разум. Она не была из знатного рода. Мать Люванье простая крестьянка, а сведения об отце и вовсе не дошли до нашего времени.

Игрида жила совершенна одна, возле болот, именуемых «Чертово озеро». Говорят, девушка понимала язык зверей и птиц, могла призвать дождь или обрушить на твою голову проклятье. Люди в те времена были настолько темны и суеверны, что во всем необъяснимом видели происки дьявола. Их сжигала зависть и злоба, а еще неприступность своенравной девушки. Женщины поместья завидовали и ее славе, вышедшей далеко за пределы Дюпона, а мужчины ненавидели за холодность и неприступность.

Местный священник донес на Люванье, обвинив в колдовстве и коварстве, призвав защитить жителей Дюпона от дьявола. В то время велась активная охота на ведьм. Людей могли казнить без особых разбирательств за любой донос, касающийся вопроса веры. Красота всегда приравнивалась к происку злых чар, людей легче принудить к греху или пройти против церкви,

когда они одержимы. Красота туманит разум, и ради ее обладания человек может пойти на любое преступление, даже на убийство брата.

То было темное и тяжелое время: подозрительность, доносы, подстрекательство делали существование невыносимым. Девушку схватили, пытали, жгли коленным железом, заставляя признаться в том, что она ведьма и навлекла на жителей болезни, но, не добившись покорности, осудили на смерть и прилюдно сожгли на костре. В момент казни, когда языки пламени протянулись к ее ногам, она прокляла жителей поместья, сказав, что каждый из них и их потомков сгорит на таком же костре. Никто не будет прощен, пока они не искупят грех кровью.

«Бойтесь числа тридцать девять, ибо идет время Апакатики, ведь вы сами навлекли на себя гнев. Никто не сможет остановить неизбежное, пока он сам не решит измениться, а этого никогда не произойдет. Люди не позволят соединиться с цветком, потому что их обуревают зависть, алчность, потому что их души полны предательства и лжи, потому что люди и есть само зло. Никто не сможет закрыть двери, которые они открыли, ибо люди не видят добра, не умеют прощать и принимать. Никто не сможет противостоять пришедшему из тьмы, потому что люди уже не дети Господа».

Игриды Люванье было всего двадцать три года».

– Господи, – прошептала Вайлет. – Но как это связано с орденом?

– Маркус считал это важным, ведь послал именно этот документ, – пожал плечами Луис. – Может, существует связь, а может быть нет. Старые истории конек уважаемого профессора Макдилана.

– Таких историй тысячи. Скажи, почему кто-то постарался, чтобы именно об этой было трудно узнать. Что в ней такого? Апакатика? Опять это слово. Об этом говорила цыганка Васка, это написано на гравюре Караваджо, это сказала Игрида. Возможно, орден тщательно скрывает любое упоминание об Апакатике?

– Мы можем только предполагать, Ви.

– Верно. Ответ на один вопрос. Откуда неграмотная старая женщина из бродячего цирка может знать об этом слове? В пылу гнева она выкрикнула его, тут же пожалев.

– Похоже, с Ваской стоит поговорить более серьезно. Мы заставим старуху рассказать правду.

– Заставим? Как думаешь, чего она боится? Какие доводы приведём, чтобы она поведала правду? Она старая женщина, и как-то связана с орденом. Парень по имени Вейн, которого мы встретили в «Танцующем медведе», схватил за руку и сказал, чтобы мы уходили отсюда как можно быстрее, потому что для меня это опасно.

– Почему ты не рассказала об этом раньше? – Тут же нахмурился Луис.

– Дело не в этом. Васка не та, за кого себя выдает. Но мы должны придумать, как заставить ее разговориться.

– Стоит, пожалуй, встретиться с этим паренком. Вейн, ты говоришь? – Протянул он, сжимая с силой руль. – Задача не из легких.

– Я знаю. Мы что-нибудь придумаем.

«Мы, она сказал мы, а не я!» – Луис погладил ее по щеке, поправил воротник куртки, прикоснулся к висевшему на шее кулону.

– Странная штукавина.

Воздух становился сырым и тяжелым. Скоро начал накрапывать дождик. На этот раз Луис уступил ей руль и тут же вырубился на заднем сиденье. Громкий храп вызывал улыбку, и Вайлет то и дело оборачивалась, чтобы посмотреть на спящего друга.

Она притормозила возле дорожного кафе. На мгновение храп затих, а затем возобновился с новой силой. Заправив машину, она купила немного еды, а когда вернулась, заботливо укрыла Луиса курткой, скинув ее с плеч. Он во сне, смешно чмокнув губами, пробормотал,

что Майку ни за что не уйти от Грега Мэтьюсона, который в первой же четверти выведет его из строя. Ведь это его тактика – выводить из игры лучших...

Он проспал почти десять часов, и когда с испугом вскочил с заднего сиденья, рассвет только занимался.

– Ви, – закричал он.

– Спокойно. Я здесь, – засмеялась она, протягивая ему бутылку с минералкой.

– Господи, я, наверное, проспал целую вечность. Тебе нужно отдохнуть, останови машину, – засуетился он.

Она кивнула на пакет с едой, всем видом демонстрируя, что пока не собирается уступать руль. Луис почесал затылок, протянулся к бумажному пакету и тут же кинулся на запеченные в соусе «Чили» куриные ножки, только теперь осознав, насколько проголодался.

– Через часа два мы будем на месте, – заметила она, передавая Луису салфетку, по бороде которого тек жир.

– Надеюсь, мы что-нибудь узнаем об этом ублюдке, – мрачно изрек он, вгрызаясь в куриное мясо. – Как мог старик не распознать в полоумном Эрни своего племянника?

– Это и понятно. Макдилан никогда не сталкивался с Эрни один на один. Том старался держаться от него как можно дальше, к тому же профессор редко надолго останавливался в городе, что сводило вынужденные контакты к минимуму. Профессор стар, ему и в голову не могло прийти, что его любимый племянник находится в Файерлейке, а не в Австралии, и причастен к столь страшным преступлениям. Скорее всего, он даже не подозревает о том, чем Том в действительности занимался, о том, что его уже нет в живых, и он навсегда остался в лабиринте.

«Как и Джек», – подумала она. В глазах вспыхнули огоньки ярости и холодной решимости идти до конца.

18

Величественный особняк «Пять озер» поражал былым великолепием и поистине огромными размерами. Издалека он походил на средневековый замок с шатровыми башенками и шестидольными сводами, квадратными из тесаного камня стенами, увитыми мясистым плющом, и широкими полукруглыми эркерными окнами.

Но чем ближе они подъезжали, тем очевиднее становилось, что это когда-то великое архитектурное сооружение, все более приходит в упадок. Кирпичная кладка местами обвалилась, сухие прутья мертвого плюща паутиной опутывает блеклые, пыльные, решетчатые окна по всей северной стороне. Огромный сад вокруг дома зарос сорняками, превратившись в непроходимые джунгли, а вымощенная камнем подъездная дорожка потрескалась. Высохший фонтан в центре аллеи с кучерявым мальчиком, льющим из кувшина воду, напоминал свалку, где покоятся прошлогодние листья и сухие ветки.

Запустение и уныние, царившее повсюду, поначалу шокировало, и Вайлет долго не решалась выйти из машины, продолжая разглядывать пустые глазницы дома. Луис вразвалочку прошел к передней дверце и распахнул ее, подав руку. Пока она разглядывала дом, он доставал сумки из багажника.

Именно здесь воспитывался и рос Том-Эрни. Именно в этом доме он продумывал хитроумный план, именно здесь помышлял об убийстве.

Вайлет прошла по аллее, поднялась по ступеням к парадной двери и потянулась к кнопке звонка. Но не успела дотронуться, как дверь распахнулась, и на пороге появилась высокая худая фигура, облаченная в теплое, вязанное, сиреневое платье чуть ниже колен. Женщина скрестила руки на груди и недовольно покосилась на девушку, метнув мимолетный взгляд в сторону Луиса, который склонился к спортивной сумке, что-то выискивая там и не обращая внимания.

- Чем обязаны? – Раздался недовольный скрипучий голос.
- Здравствуйте, – сказала девушка. – Меня зовут Вайлет Шелдон, а это Луис Смол. Нам необходимо встретиться с профессором Макдиланом.
- По какому вопросу?
- Нам необходима консультация.
- Сожалею, профессор не принимает посетителей.
- Простите, мэм, но мы тащились черти откуда и не собираемся возвращаться, не повидавшись с ним, – вырос позади Луис.

Женщина окинула его ледяным взглядом. Губы превратились в тонкую полоску, а между бровями пролегли две складочки. Под глазами обозначились сеточки морщин, когда она прищурилась, недовольно покачав головой. Видимо она не выносила, когда ей перечили. Женщина походила на тетушку Тома Сойера, заставшего нерадивого племянника за поеданием, спрятанного ей накануне, варенья. Не хватает только монокля и чепчика.

Вайлет улыбнулась, увидев в ней образ из, казалось бы, такого далекого детства, когда они с Кори зачитывались книгами Марка Твена. Появившиеся на щеках ямочки и теплота, отразившаяся в глазах при воспоминании, вызвали легкое недоумение стоящей перед ними женщины, которая вопросительно уставилась теперь на Вайлет.

– Мисс Вайлет, – более мягко проговорила она. – Профессор действительно никого больше не принимает. Он серьезно болен и любое волнение чревато для его здоровья. Я не могу позволить нарушать его покой. Сожалею.

Девушка снова улыбнулась.

– Мистер Макдилан всегда вспоминал вас, находясь далеко от «Пяти озер». Он говорил, что так управляться с делами может только милая Хана, без которой он как без рук. Только благодаря Хане в доме царит полный порядок. Только благодаря своей верной экономке и ее неусыпной заботе он полон сил и энергии. Мистер Макдилан даже думает посвятить вам одну из книг, которые собирается написать. Теперь я знаю, что он ничуть не преувеличивал, говоря о вас. Понимаю, почему он вами восхищен. Вы действительно очень за него волнуетесь, оберегаете и любите, но поверьте... Мы не потревожили бы профессора напрасно, если бы это действительно не было так важно.

Лицо экономки пошло бурями пятнами. Она часто-часто заморгала, с обожанием разглядывая Вайлет. Луис удивленно крикнул, шумно втянув воздух через нос.

– О... А... Ну... – протянула женщина. – Вы давно знакомы с мистером Макдиланом? – Наконец смогла произнести Хана, смущенно поправляя рукой идеально уложенные черные волосы.

– К сожалению, нет. Но нам хватило времени подружиться. Я даже знаю о его любимых пончиках с ореховой начинкой и шоколадной глазурью, коробку которых специально захватила для этого случая.

Экономка растерянно переводила взгляд то на нее, то на парня.

– Проходите, – пробормотала она, пропуская их вперед. – Извините за столь явную нелюбезность с моей стороны, но здоровье мистера Макдилана действительно вызывает опасение.

– Конечно, мы понимаем, – буркнул Луис.

– После недавнего визита одного молодого человека сэр Макдилан очень расстроился, что пришлось срочно вызывать его личного кардиолога, а это за несколько миль отсюда. Нам пришлось поволноваться, пока он добирался.

– Молодого человека? – Нахмурился Луиса. – Кого?

Девушка незаметно толкнула его в бок, и он тут же замолчал, подозрительно сощурившись в сторону экономки, которая к счастью не заметила колкого взгляда, закрывая дверь.

Вайлет восхищенно ахнула, увидев огромную, сверкающую чистотой и уютом гостиную с белой лестницей и четырьмя ажурными колоннами, поднимающимися к высокому потолку.

Несколько несомненно дорогих полотен украшали панельные стены, среди которых картины Уэста Бенжамина, Уистлера, Синглтона, полотна Жоржа де Латура и Веласкеса.

Высокие окна пропускали достаточно света, отражаясь от блестящего паркета, рассеивая по огромному залу. Множество напольных ваз с самыми разнообразными цветами расставлены на всем протяжении комнаты: пурпурные канны, белые, желтые, оранжевые азалии, розовые антуриумы, розы наполняли воздух сладким ароматом.

На западной стороне в камине тихо потрескивали дрова, прямо перед которым стоял широкий угловой диван цвета кофе. И Вайлет представила, как долгими зимними вечерами старина Макдилан сидит напротив, утопая в мягких подушках, протянув ноги к огню, и задумчиво смотрит на играющие языки пламени.

Контраст по сравнению с фасадом особняка был настолько поразителен, что Вайлет, не скрывая восторга, продолжала переходить от картины к картине, осторожно прикасаясь к головкам цветов, проводя пальцами по лакированной поверхности старой добротной мебели.

Луис устало вздохнул, оставил сумки и опустился на предложенное ему кресло. Экономка с улыбкой наблюдала за Вайлет и хмурым пареньком, с тревогой наблюдающим за девушкой.

– Вам нужно отдохнуть и поесть, а затем я представлю вас профессору.

– Нет, – встрепенулся парень. – Мы не можем. К сожалению, у нас совсем мало времени, и если можно...

– Нет, нельзя, – Хана опустилась рядом, по-матерински заглядывая в глаза. Луис смутился, уставившись на свои руки. – Вам просто необходимо прийти в себя и принять душ. Я проведу вас в гостевые комнаты на втором этаже и попрошу, чтобы миссис Бигги проследила за всем необходимым. Через два часа я буду ждать вас в гостиной и обещаю, вы поговорите с профессором.

Сил возражать не было. К тому же Вайлет действительно просто необходимо отдохнуть и перекусить. Он сомневался, что она вообще сегодня что-нибудь ела, а весь ее рацион составила, как обычно, кружка крепкого кофе. Может, хоть эта Хана уговорит ее поесть!

Экономка удалилась и через некоторое время в комнату вошла небольшого роста, проворная и суетливая женщина лет пятидесяти, которая пригласила следовать за собой, проведя их вверх по лестнице на второй этаж. Они прошли по длинному северному крылу, в конце которого Бигги указала на комнату Луиса и Вайлет, располагающиеся друг против друга. Почти затолкав упирающегося парня в комнату, не желающего оставлять девушку одну, она крикнула, что полотенце он найдет на кровати, а все необходимое в шкафу в ванной, и что совсем не стоит так волноваться.

Вайлет проследовала за Бигги в небольшую уютную комнатку с единственным окном, выходящим в унылый сад, и в последний раз оглянулась на недовольного Луиса, продолжающего стоять на пороге своей комнаты.

– Здесь вы сможете отдохнуть, – пропела сиделка мистера Макдилана, захлопывая перед парнем дверь. – Пройдемте в ванную комнату, мисс. Здесь чистые полотенца. Здесь шампуни и кондиционеры. Здесь махровый халат, а вот салфетки, если они вам понадобятся.

– Какой прекрасный дом, – задумчиво сказала девушка, совсем не слушая женщину. – Но снаружи он выглядит совсем по-другому.

– К сожалению, денег еле хватает на его содержание. Бедная Хана старается, как может, но вы ведь понимаете, сколь тщетны эти усилия. Рано или поздно упадок придет и сюда, если только...

– Если что?

– Если только Томми не решит вернуться, уж он сразу навел бы порядок.

– А кто такой Томми? – Как бы невзначай бросила Вайлет, сделав вид, что с интересом рассматривает этикетку на тюбике с шампунем, изо всех сил стараясь скрыть душившие эмоции.

– Томми – племянник сэра Макдилана. Очень умный и талантливый мальчик. Совсем не такой, как те лоботрясы, что вертятся у баров и кинотеатров. Никогда не видела, чтобы дети так увлекались книгами и чтением. Его тяга к знаниям всегда меня поражала. Верю, он добьется в этой жизни очень многого. Томми был потрясающим ребенком, – блаженно закатив глаза к потолку, проговорила женщина. – Всегда такой вежливый, чопорный и пунктуальный, никогда никуда не опаздывал. На обед всегда надевал строгий черный костюм и просто выходил из себя, когда его задерживали даже на минуту.

– Он часто навещает своего дядю? – Голос предательски дрогнул.

– К сожалению, Томми приезжал несколько лет назад из... Австралии, кажется. Но он систематически поздравляет сэра Макдилана с праздниками и интересуется его здоровьем. Так мило с его стороны.

– Систематически... – безжизненно произнесла девушка.

– Да... – растеряно протянула Бигги, окидывая комнату взглядом. – Кажется, в прошлые выходные от него приходило письмо по электронной почте, – она засмеялась. – Никак не могу понять, как эта штука работает! Ну, если вам что-то понадобится – внизу всегда моя помощница Бриджина. Всего хорошего мисс, – она торопливо засеменила к двери.

Как только за сиделкой захлопнулась дверь, девушка устало плюхнулась на диван.

– Систематически!

Ожил айфон. Она полезла в сумочку, доставая телефон. На экране всплыло недовольное лицо Луиса.

– Ви, все в порядке? Честно скажу, мне не по себе.

– Луис, я нахожусь по другую сторону коридора. Что со мной может произойти?

– Неизвестно, кто или что вдохновляло в этом доме придурка Тома-Эрни. Черт, у меня мороз по коже, честно скажу. Не слишком-то нравится эта идея.

– Луис, мертвые не возвращаются, ты сам это сказал, – сердце болезненно заныло. – Встретимся через два часа, – выдохнула она, нажав кнопку отбоя.

Вайлет заставила себя подняться. Бессонная ночь давала о себе знать, еще колоссальное напряжение и волнение, которое она не могла в себе подавить. Прямо перед окном дрожала от пронизывающего ветра осина. Тонкие прутья хлестали по окну, словно пощечины. Небо снова заволочло тучами, скрыв солнечный свет.

– Бедный мистер Макдилан, – прошептала девушка. – Он никогда не перестанет ждать любимого племянника, так похожего на...

Она закрыла глаза, приказывая себе не воображать черти что. Там в темноте каменных коридоров Лунных пещер могло привидеться что угодно. Тогда почему она не перестает об этом думать? Почему такая уверенность, что они что-то упускают? Почему сомнения гложут с каждым разом все сильнее и сильнее? Сто тысяч почему и ни одного вразумительного ответа.

Вновь ожил айфон, выдергивая ее из раздумий.

– Ви... Ви, – кричал Луис, и как только увидел ее лицо, вздохнул.

– Луис, со мной все в порядке, – простонала она. – Тебе нужно успокоиться.

– Да, разумеется, просто... ты не смотрела в окно?

– Конечно, сад вокруг впечатляет.

– Черт, ведь твоя комната находится на другой стороне.

– В чем дело, Луис? Что-нибудь не так?

– Нет. Просто этот дурацкий фонтан... Не бери в голову. Хотел сказать, что безумно скучаю.

– Луис!

Он на миг закрыл глаза.

– Наш форд...

– Что с ним, – она взволновано ожидала ответа, теребя кулон с изображением лилии.

– Он черный от птиц.

В назначенное время они ожидали появления миссис Ханы в гостиной. Вайлет переходила от картины к картине, сцепив руки на груди. Влажные после душа волосы волнистым каскадом спадали по плечам, переливаясь в отблесках горевших светильников, сделанных в форме миниатюрных лодочек. Луис, развалившись в кресле, позевывая, листал журнал по антропологии, обнаруженный на одном из журнальных столиков. Услышав стук каблучков на парадной лестнице, он тут же швырнул его обратно, и направился к экономке, которая буквально преобразилась.

Миссис Хана облачилась в строгий синий костюм. Из-под борта пиджака выглядывал кружевной ворот атласной блузы. Шею украшали массивные бусы из белого жемчуга, на ушах причудливые серьги: в переплетении золотых колосков, словно капля росы, небольшой блестящий камень – топаз.

– Надеюсь, не слишком вас задержала, – воскликнула она. – Мистер Макдилан в библиотеке и вы сможете с ним побеседовать, но прошу, никакого волнения.

– Разумеется, миссис, – Луис галантно склонил перед ней голову и Хана зарделась, словно школьница. – Я рассказал мистеру Макдилану о вашем приезде. Почему вы не сказали, что из Файерлейка?

Вайлет побледнела, сжав кулачки.

– Потому что это не слишком приятные воспоминания, – глухо ответил Луис.

– Понимаю, – протянула женщина, с неподдельным интересом рассматривая гостей. – Следуйте за мной.

Библиотека оказалась не просто большой, а огромной. Одну стену полностью занимали высокие стеллажи с книгами, на противоположной располагался камин, около которого в долгие зимние вечера можно, уютно расположившись в одно из стоявших полукругом кресел, самозабвенно предаться чтению. Три филенчатых окна выходили в заброшенный сад. За густым переплетением сухих ветвей и разросшихся кустарников скрывался прекрасный вид на озеро Уолнер, где по утрам над водой простирался легкий туман, а в обед на гладкой словно зеркало водной поверхности, играли тысячи разноцветных бликов, отбрасываемых выглянувшими из-за туч солнечными лучами.

Маленькая сгорбленная фигурка, с накинутым на ноги пледом, сидела в кресле. Несколько пухлых томов лежали на невысоком, полированном столике, в центре которого, рисуя яркий кружок на гладкой поверхности, стоял светильник на янтарной голубой ножке в форме греческой амфоры с ярко-оранжевым абажуром из прозрачного стекла. Профессор задумчиво листал книгу, лежащую на коленях. Услышав звук шагов, он поднял седую голову, близоруко щурясь.

– Луис, Вайлет, рад вас видеть, – радостно воскликнул он, убирая с колен книгу, так словно они расстались только вчера.

– Проезжали мимо и не могли не навестить вас, – улыбнулась девушка, протягивая руку для рукопожатия. – Вижу, вы неизменны привычкам.

– О, моя библиотека. Жалкая подобия той, что осталось, – протянула профессор, с грустью окидывая стеллажи. – Бесценные труды, великие книги все пропало, все сгорело в Файерлейке!

Вайлет отвернулась, глянув на стройные ряды книг. Луис опустил в кресло напротив профессора, внимательно всматриваясь в испещренное морщинами лицо. Чрезмерный темперамент, которым был наделен Макдилан, исчез. Перед ними предстал старый больной измож-

денный человек, отрадой которого были лишь книги. Единственное, что не могло покинуть его, оставить одного.

Это было грустно. Грустно видеть одинокого старика, в глазах которого продолжала жить надежда на скорое возвращение любимого племянника. Ведь Томми оживит уснувший дом и принесет перемены, которые так ему необходимы. От этого стало не по себе. Вот почему Ви продолжала разглядывать ряды книг, скрывая от всех выражения лица.

– Надеюсь, вы не слишком торопитесь. Я хотел, чтобы вы остались на день благодарения. Задержались в моем доме как можно дольше. Я познакомил бы вас с работами Фюссли и Теодора Холста, а еще у меня есть отличная коллекция Уильяма Блейка и Ричарда Дадда. Это впечатляет. Викторианская школа живописи одна из признанных в мире. Сказочная живопись второй половины девятнадцатого века!

Вайлет, деточка, ведь, правда? Вы останетесь? А запеченная индейка миссис Пиппы просто не оставит вас равнодушными, клубничный пирог «Солнечное утро» просто объеденье. Вообще-то миссис Пиппа вовсе не миссис, а мисс, но она обижается, когда я говорю это – ведь девушке уже шестой десяток

Вайлет наконец-то повернулась, встретившись взглядом с профессором, чьи грустные, горящие мольбой глаза не могли не задеть ее сердце.

– Конечно. У нас есть в запасе три дня, если мы вас не затрудним.

– Ну, что вы, – радостно вскинул руками Макдилан. – Какое счастье! Наконец-то у меня будет возможность поговорить о том... о том, что произошло. Видите ли, итог не за горами и я взялся за написание мемуаров. Конечно же, вам они покажутся не слишком-то интересными и даже, может быть, скучными, но с научной точки зрения, учитывая теорию Фрейда и законы психологии...

– Профессор, вы увлеклись, – засмеялся Луис.

– Да, конечно, извините. Со мной такое случается. Я так рад, что с вами все в порядке! – В уголках мудрых глаз появились слезы. – Это было так неожиданно, хотя мэра и шерифа неоднократно предупреждали о возможном извержении, но... Люди склонны верить лишь в собственную глупость.

– Кто предупреждал? – Луис покосился в сторону Вайлет, пытаясь мгновенно прекратить разговор, если заметит появление «опасных признаков» – как он называл то состояние, в которое погружалась Вайлет, стоило лишь напомнить о трагедии Файерлейка, о Джеке. Он не желал возвращения мучительной душевной болезни, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не желал культивировать ту месть, которую она вынашивала в себе, и которая грозила разразиться бедой, когда придет ее время. Он видел в ее глазах полное отсутствие страха за собственную жизнь и равнодушие к собственной судьбе, только ему не все равно.

– Ученые конечно, – вздохнул профессор. – Такое рано или поздно произошло бы. Город необходимо было перенести, но упрямство Афении, мистера Керлина и шерифа Гордона просто не поддается анализу. Упрямство, наравне с безумием и одержимостью. Конечно «Красное озеро» приносило колоссальный доход в казну, и туризм был одним из перспектив дальнейшего развития города, но это была мина замедленного действия. Мой друг Хорхе даже встречался по этому поводу с мистером Керлином, конечно уже после дружественного объединения, – поспешил добавить Макдилан, заметив их недоуменные лица.

– Катано? – Прошептала Вайлет. Луис тут же протянул руку и сжал маленькую ладошку.

– Да, я всегда поддерживал отношения с ГриндБэй, даже во время этой нелепой холодной войны – большую глупость и выдумать нельзя, – он фыркнул, машинально поправив очки, которые сползли к самому носу. – Придерживаться старой легенды, верить в пророчество! Многие в городе были им одержимы. Я никогда не мог понять – почему? Даже молодые, даже ваш друг Джек, с которым мы не раз об этом беседовали.

Луис почувствовал, как задрожала рука девушки.

– Вы сказали, Хорхе? – С нажимом на последнем слове произнес он.

– Да-да, – протянул старик. – Милый, добрый друг. Я так любил наши частые споры. Он полностью отрицал рационализм, пытаюсь доказать мне существование другого, неизведанного мира. Религиозные аспекты жизни в ГриндБэй настолько глубоки и я даже бы сказал, фанатизм их убеждений всегда вводил меня в некое изумление. Хорхе был убежден на сто процентов в своей правоте, глубокомысленно изрекая туманные гипотезы об образовании кратера. Мне всегда нравился индейский фольклор, но здесь было что-то совсем другое, я сказал бы, что-то зловещее.

– Что вы имеете в виду? – Прошептала Вайлет.

– О, это только мои заключения, – рассеянно изрек профессор, рассматривая обложку лежащей рядом книги. – Я думаю, они будут для вас совсем неинтересны.

– Хорхе умер, – неожиданно резко ответила Вайлет. Макдилан поднял на нее глаза. Слезы в глубине глаз высохли.

– Все рано или поздно умирают, девочка. Хорхе прожил достаточно долго, чтобы быть к этому готовым. Но, конечно же, это не уменьшает той скорби, которую я сейчас испытываю. Мне очень его не достает. По крайней мере, он умер у себя в постели, в окружении близких людей.

– Простите?

– Сердечный приступ, как ни банально звучит. Он никогда не заботился о своем здоровье и просто чудо, что прожил девяносто семь лет.

– Хорхе было девяносто семь? – Ахнул Луис.

– Умер от сердечного приступа, – вторила ему Вайлет, убеждаясь, что Макдилан ничего не знает о походе в Лунные пещеры и о том, что действительно там произошло.

– Он всегда смеялся, что я гожусь ему в сыновья, – хрюкнул старик. – Катано... Катано совсем другой.

– Что вы имеете в виду?

Макдилан протянул руку к оранжевому абажуру и щелкнул выключателем. Солнце на стеклянной поверхности стола исчезло.

– Ну, Хорхе верил в людей, в то, что они могут меняться, – неопределенно ответил он. – Катано выступает за разрыв и уединение. Он настаивает на полной изоляции и не пускает чужаков в резервацию.

– Почему?

– Не знаю, Луис. Но будь уверен, если бы он мог решать сам, то трагедии с городом не произошло бы.

– Вы о чем?

– Проект «Воссоединение», так, кажется, назвал свою компанию по сближению города и резервации Гордон, хотя склонен думать – название придумал не он. Я сам не понимаю предубеждений Катано, но он не хочет слышать ни о трагедии, ни о городе. Это тема – табу.

– Вы давно были в резервации? – Спросила Вайлет.

– Давно, – профессор посмотрел куда-то поверх ее головы. – Это так ужасно, – выдохнул он. – Ужасно, что мы старики живем, а... – он замолчал, судорожно всхлипнув.

Вайлет побледнела, превратившись в статую.

– Профессор, я должна сознаться вам кое в чем... Я... мы... не просто проезжали мимо. Мы хотели встретиться с вами. – Мы уверены, вы сможете помочь.

– Да, конечно. Я всегда готов помочь, милая девочка. Но вы ведь... вы ведь не уедете сразу после нашего разговора?

Вайлет отрицательно качнула головой, вздохнула, собираясь с мыслями.

– Скажите, мистер Макдилан, вы никогда не слышали об ордене, существовавшем в Файрлейке?

– Об ордене? – Крякнул профессор. – Вы тоже попались на эту сказочку болтунов желтой прессы. Все это выдумки, попытка поднять рейтинг своим дешевым газетенкам! Орден в Файерлейке? Ха, – гневно изрек Макдилан, его впалые щеки покраснели.

– Они объявили нас фанатиками. Нас! Мистера Керлина, Гордона, Рейчел Харисон и многих других! Это недопустимая гнусная ложь! Никакого ордена не существует и никогда не существовало. Все это клевета жалких неудачников в погоне за сенсацией, которые знают, те люди, которых они обвиняют, уже не смогут подать в суд. Что за большие инсинуации! Луис, Вайлет, вы же не думаете, что это правда?

– Нет, конечно, нет, – проговорил Луис, многозначительно глянув на девушку. – Мы хотели знать ваше мнение обо всем этом. Мы ведь тоже... жили там.

– Да, мой мальчик, понимаю. Это возмутительно и несправедливо. Правительство как всегда пытается найти оправдание случившемуся, стараясь свалить вину на самих жителей. Конечно же, фанатики нашли оригинальный способ заявить о себе, покончив счеты с жизнью таким жутким способом! Все это бред. Никакого ордена не существовало, мне ли об этом не знать.

– Это мы и хотели услышать, – прошептал Луис, с тревогой замечая у Вайлет появление первых «опасных признаков», которая замерла в кресле, подобно изваянию.

– Мистер Макдилан, кто такая Игрида Люванье? – Спросила она, склонив голову, пристально всматриваясь в слезящиеся глаза.

Профессор крякнул и быстро заморгал.

– А... эм... Откуда это имя? – Наконец пробормотал он.

– Это, наверное, глупо, – равнодушно пожала плечами девушка. – Просто однажды ее имя произнесла старая цыганка. Я попыталась найти информацию об этой женщине, но к удивлению не смогла.

– Старая цыганка, – прошептал Макдилан. – Господи, Боже, какая цыганка?

– Э... мы решили прогуляться в приезжий цирк и пошли погадать, Ну, ведь вы знаете, что девушку тянет на подобные вещи, – хмыкнул Луис, поражаясь равнодушию, написанному на лице Вайлет. – Старуха что-то такое сказала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.